

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19*

ВЫПУСК 58

МОСКВА, САМИЗДАТ, 1980

ПЕРЕИЗДАНО:

НЬЮ-ЙОРК, ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА", 1981

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 58

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЛЕТА — ОСЕНИ 1980

**Великанова — Бахмин — Якунин — Регельсон — Капитанчук —
Огородников — Сокирко — Абрамкин — Гримм — Статкявичюс
— Терляцкас и Саснаускас — Барладяну — Ольга Матусевич —
Стус — Гончаров — Трескунов — Горетой — Маркосян — Кузь-
кин — Дядькин и Горбачев — Давыдов**

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этот журнал издается в Москве в Самиздате с 1968 года. За эти годы журнал заслужил репутацию наиболее серьезного и достоверного источника информации о политических репрессиях в СССР.

По поручению московской редакции "Хроника текущих событий" переиздается в Нью-Йорке издательством "Хроника".

По-английски "Хроника текущих событий" издается "Международной Амнистией" в Лондоне (адрес для заказов: Routledge Journals, Broadway House, Newtown Road, Henley on Thames, Oxon, RG9 1EN, England; in the United States — Routledge Journals, 9 Park Street, Boston, Mass. 02108).

Необычайно важно, чтобы этот журнал распространялся как можно шире. Редакция издательства "Хроника" просит всех, кто в состоянии это делать, содействовать переправке выпусков "Хроники текущих событий" в СССР.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любой орган прессы вправе *бесплатно без запроса издательства* публиковать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любые радиостанции вправе *бесплатно без запроса издательства* передавать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" обращается ко всем, кто в состоянии это делать, с просьбой содействовать организации иноязычных изданий "Хроники текущих событий". Авторские права на полное иноязычное издание "Хроники текущих событий" по договоренности с издательством предоставляются *бесплатно*.

Главный редактор издательства "Хроника"

Валерий Чалидзе

* * *

Издательство "Хроника" имеет статус некоммерческой организации. Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

* * *

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 58

1980

Copyright © 1981 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y., 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Татьяной Великановой	5
Суд над Вячеславом Бахминым	15
* * *	
Суд над Якуниным	21
Суд над Регельсоном	25
Суд над Капитанчуком	28
Суд над Огородниковым	33
* * *	
Дело о журнале "Поиски"	34
Суд над Сокирко	38
Суд над Абрамкиным	44
Суд над Гриммом	64
* * *	
Суд над Статкявичюсом	67
Суд над Терляцкасом и Саснаускасом	67
* * *	
Суд над Барладяну	74
Суд над Ольгой Матусевич	74
Суд над Стусом	74
Суд над Гончаровым	78
* * *	
Суд над Трескуновым	78
Суд над Горетым	79
Суд над Маркосяном	80
Суд над Кузькиным	82
Суд над Дядькиным и Горбачевым	83
Суд над Давыдовым	89
Указатель имен	93

ХРОНОЛОГИЯ СУДОВ

2 июня	— Трескунов
5-8 августа	— Горетой
8-11 августа	— Статкявичюс
11-13 августа	— Барладяну
13 августа	— Маркосян
25-28 августа	— Якунин
26 августа	— О. Матусевич
27-29 августа	— Т. Великанова
3-7 сентября	— Огородников
8 сентября	— Кузькин
15-19 сентября	— Терляцкас и Саснаускас
16-18 сентября	— Дядькин и Горбачев
18-19 сентября	— Давыдов
22-24 сентября	— Вячеслав Бахмин
22-24 сентября	— Регельсон
29-30 сентября	— Сокирко
29 сентября — 2 октября	— Стус
1-4 октября	— Абрамкин
3-4 октября	— Гончаров
8-9 октября	— Юрий Гримм
8-9 октября	— Капитанчук

СУД НАД ТАТЬЯНОЙ ВЕЛИКАНОВОЙ

С 27 по 29 августа Московский городской суд под председательством зам. председателя суда В.Г. Романова рассматривал дело Татьяны Михайловны Великановой (1932 г.р.; арестована 1 ноября 1979 г. — Хр. 54), обвинявшейся по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель — пом. прокурора г. Москвы С.Н. Чистяков, защитник (назначенный) — адвокат А.В. Батова.

Процесс проходил в здании народного суда Люблинского р-на г. Москвы — там же, где судили А.Э. Краснова-Левитина (Хр. 20), В. Буковского (Хр. 23), А. Твердохлебова (Хр. 40), Ю. Орлова (Хр. 50). Это здание расположено удобно для перекрытия подходов и подъездов к нему.

* * *

“Дело” Т. Великановой состоит из 12 томов. На предварительном следствии было допрошено около 40 свидетелей; кроме того, в деле имеются извлечения из судебных дел П. Якира и В. Красина (суд — Хр. 29), Г. Суперфина (суд — Хр. 32) и С. Ковалева (суд — Хр. 38). К делу приобщены данные радиоперехвата передач западных радиостанций о “Хронике текущих событий”. Кроме того, по запросам следователя администрация ряда исправительно-трудовых лагерей представила свои данные о содержании в лагерях. Допросы Т. Великановой начались через два месяца после ареста. Допрашивали ее, в основном, Каталиков (Хр. 54) и Малышев (Хр. 56). Во время предварительного следствия Великанова ни на какие вопросы не отвечала. Великанову ознакомили с “покаянным заявлением” Д. Дудко (Хр. 57).

В числе допрошенных — М. Соловов (суд — Хр. 56) и епископ пятидесятников Н.П. Горетой (суд — наст. вып.). Оба они отзывались о Великановой хорошо.

Пытались допросить также Валентину Пайлодзе (Хр. 56). На вопрос, говорит ли она по-русски, Пайлодзе ответила, что достаточно хорошо говорит и по-русски, и по-грузински и потому ни на одном из этих языков показаний давать не станет.

Весной по делу Великановой были проведены обыск и допрос Ма Хуна (Хр. 42).

В деле имеются записи о том, что состав преступления по ст. 70 обнаружен в действиях Н. Лисовской, Т. Осиповой, С. Белановского, Ма Хуна.

Следствие по делу Великановой закончилось еще в мае. 30 мая с ней беседовала адвокат Батова. Узнав, что Батова приглашена следствием, Великанова отказалась от ее услуг.

Родственники Татьяны Великановой узнали о том, что 27 августа начинается суд над ней, только утром того же дня — из телефонного звонка иностранного корреспондента (оказалось, что зарубежное радио сообщило об этом еще ночью).

Квартал, где находится здание суда, был оцеплен сотрудниками ГАИ и закрыт для автомобильного движения; машины направлялись в объезд. Это продолжалось все три дня. Местные жители по этим признакам сразу "опознали" политический процесс и в разговорах с собравшимися у суда вспоминали проходивший здесь в мае 1978 г. процесс Ю. Орлова.

В зал суда кроме "спецпублики" пустили только детей и сестер Т. Великановой. Сестер Великановых при входе обыскиали — проверяли, нет ли при них магнитофонов. Детей Т. Великановой пропустили без обыска, однако в первый же перерыв их затолкали в боковую комнату, где находилось около дюжины милиционеров, и потребовали "предъявить" содержимое сумок и карманов. Когда те отказались это сделать, их обыскивали насильно. Изъято ничего не было.

Т. Великанова полностью отказалась принимать какое-либо участие в суде. Единственными поводами, по которым Великанова несколько раз обращалась к суду, были:

— Отказ от назначенного адвоката. "Мне не нужен второй прокурор", — сказала она. В одном из заявлений на эту тему Т. Великанова указала, что по мнению адвоката она, Великанова, обвиняется в "нелегальном общении с иностранцами". "Это — юридические взгляды тридцатилетней давности", — отметила Татьяна Михайловна. Она сказала также, что в беседе с ней адвокат назвала настоящий суд "закрытым". В заключение она добавила, что, несмотря на ее просьбу, адвокат не сообщила детям о начале суда и уже поэтому она не может этому адвокату доверять. (По словам адвоката, ей сообщили о месте суда за час до его начала.) Адвокат Батова поддерживала ходатайство о своем отводе. Она сказала, что не может найти контакт с подсудимой — та полностью отвергает ее линию защиты. Батова фактически объявила о своей некомпетентности в такого рода делах. Суд ходатайство об отводе адвоката регулярно отклонял.

— В начале суда Великанова выразила удивление, почему в зале суда нет ее сестер, матери и друзей. (Сестры вскоре появились; мать незадолго до суда перенесла тяжелый инсульт, о чем Великанова не знала; что касается отсутствия друзей, то судья переадресовал вопрос Великановой коменданту суда.) В течение судебного разбирательства Великанова несколько раз требовала, чтобы в зал впустили ее друзей, выражая уверенность в том, что они находятся у дверей здания суда. В конце концов комендант заявил, что перед дверьми никого нет (действительно, в этот момент люди, собравшиеся у здания суда, были оттеснены на несколько десятков метров).

На второй день процесса Т. Великанова попыталась зачитать свое заявление, в котором она мотивировала свой отказ от участия в суде. Судья не разрешил ей этого сделать и предложил передать заявление суду в письменной форме. Вот полный текст этого заявления:

Я отказываюсь участвовать в процессе, т.к. считаю его, как и все предыдущие подобные процессы, противоправным. Как проходили все предыдущие процессы, мне хорошо известно. О моем — могу судить уже по следствию и обвинительному заключению.

Мне предъявили большое количество заявлений, обращений и т.д., а также двадцать шесть номеров журнала "Хроника текущих событий". Меня обвиняют в клевете. Это громадный материал, где приведены тысячи эпизодов, лиц... Я убедилась, что у следствия и суда нет и не было задачи исследовать этот материал. Объективный и беспристрастный анализ его, конечно, обнаружил бы ошибки, и не мало. Но такой анализ выявил бы и другое: что журнал "Хроника текущих событий" — журнал отнюдь не клеветнический и цель его — максимально объективное и добросовестное изложение фактов нарушения законов органами власти и отдельными ее представителями, а также фактов противостояния людей этим нарушениям. Большая часть материала "Хроники", имеющаяся в моем деле, следствием не только не исследовалась, но тщательно обходилась.

Из сказанного вытекают логически те процессуальные нарушения, которые сопровождают каждый такой процесс. Например, я не знаю такого закона, по которому кто-то мог бы определить состав публики в зале суда. Я уверена, что такого закона нет и не может быть. И тем не менее каждый раз суд или какие-то другие не известные мне лица определяют не только то, кого нельзя допустить в суд, но и кого нужно пригласить. При этом допускаются любые способы помешать "нежелательным" лицам прийти в суд и даже подойти к суду, вплоть до задержания на улице и доставки в милицию по фиктивному обвинению, например, в краже чужой сумки. Так было со мной лично, так было много раз с другими людьми.

Я не верю в независимость суда. Я считаю, что все участники процесса — судья, заседатели, адвокат, прокурор — не могут, не смеют действовать согласно своей совести и закону. А если бы такие и нашлись, они не были бы назначены на этот процесс. В таком процессе я оказалась бы соучастником этого беззакония. Я уважаю закон и потому отказываюсь участвовать в процессе.

Помимо вышеуказанных ходатайств и заявлений Т. Великанова не вступала с судом ни в какие отношения; она присутствовала на заседаниях, держала себя свободно и отстраненно, внимательно, иногда — с интересом наблюдала за происходящим.

Обвинялась Великанова в следующем:

— Участие в Инициативной группе по защите прав человека в СССР "совместно с единомышленниками Якиром, Красиным, Ковалевым и другими"; участие в обсуждении, составлении и подписании документов Инициативной группы; участие в распространении этих документов внутри СССР и передача их за рубеж, где их широко использовали "буржуазные пропагандистские центры" и "зарубежные антисоветские организации" в целях "подрыва идеологических, политических и дипломатических позиций Советского государства на международной арене". Эта деятельность Великановой датируется маем 1969 г. (организация Инициативной группы — Хр. 8) — январем 1972 г. (Хр. 24).

— Участие "совместно с А. Сахаровым, Т. Ходорович, С. Ковалевым и другими единомышленниками" в составлении, подписании и распространении различных писем, заявлений и обращений в период с сентября 1973 г. по октябрь 1974 г. Тем самым Великанова "способствовала проведению идеологических диверсионных актов против нашей страны".

— В октябре 1974 г. Великанова организовала "сборище с участием иностранных корреспондентов", посвященное "так называемому Дню заключенных"; там же передала этим корреспондентам "нелегально изготовленные и полученные из мест лишения свободы" документы, "содержащие клеветнические измышления в отношении органов государственной власти, отдельных аспектов внутренней политики СССР, советского строя и СЭВ" (Хр. 33).

— В 1974 г., "изыскивая новые возможности для продолжения преступной деятельности", Великанова, совместно с Ковалевым и Ходорович, возобновила издание и распространение "антисоветского клеветнического нелегального сборника "Хроника текущих событий", выпуск которого был прекращен (приостановлен — Хр.) в 1972 г." (7 мая 1974 г. Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович заявили, что они берут на себя ответственность за распространение "Хроники" — Хр. 32); тогда же "вместе с Ковалевым и Ходорович" Великанова передала 28, 29 и 30 выпуски "Хроники" иностранным корреспондентам.

— В 1974-1979 гг., вместе с Ковалевым (его арестовали 27 декабря 1974 г. — Хр. 34), Ходорович (она эмигрировала 6 ноября 1977 г. — Хр. 47) "и другими лицами", изготовила и распространила в СССР, а также — "в ущерб интересам Советского Союза" — передала за границу 25 выпусков "Хроники" — с 28-го по 52-й. Собирала и редактировала материалы для этих выпусков. Собрала и хранила материалы для 53 выпуска. Все эти выпуски содержали "тенденциозно подобранные и в клеветническом духе изложенные" сведения о деятельности судебно-следственных органов, "искаженные сведения о содержании осужденных в местах лишения свободы и душевнобольных в психиатрических учреждениях", в них пропагандировалась антисоветская литература. Материалы "Хроники" подбирались "с целью дискредитации внутренней политики Советского государства".

– "Преследуя цель активизации антисоветской деятельности", Великанова "продолжала поддерживать преступные связи со своими единомышленниками: Чалидзе, Литвиновым, Алексеевой, Закс, Ходорович и другими лицами, выехавшими из СССР". С их помощью она организовывала размножение "Хроники текущих событий" и "иных клеветнических материалов" в издательстве "Хроника-пресс" и в "иных зарубежных антисоветских издательствах", распространение этих материалов за рубежом и "нелегальную засылку" их в СССР. Вообще, Т. Великанова "координировала антисоветскую деятельность как различных лиц в СССР, так и обществ и организаций за границей".

Кроме этих, основных, обвинений Т. Великановой инкриминируется, что в 1971 г. она давала читать "Технологию власти" Авторханова и "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" Амальрика своему знакомому К. Зайнутдинову и хранила у себя дома книгу канадского издания "Карл Маркс о России".

* * *

Первый свидетель – Глазко, бывший начальник отдела в ВЦ Главмосавтотранса, где работала программистом Т. Великанова. Глазко и Татьяна Михайловна кивнули друг другу довольно приветливо. Глазко давал показания в дружелюбной манере. Он сказал, что они работали вместе пять лет, отношения у них были хорошие. Великанова была в отделе ведущим специалистом, "очень хороший и опытный работник", хотя "отдавала себя работе на 40%, а могла бы – на 100%". Часто опаздывала на работу, ссылаясь на то, что часто выходит на машину вечером. Был спор по поводу некоторой задачи, которую Великанова отказывалась брать, считая ее неправильно поставленной. Глазко настаивал, но – "как вы, вероятно, знаете, Татьяна Михайловна готова умереть за свои убеждения". Общественных поручений Великанова не имела, в выборах участвовать отказывалась, не выходила встречать иностранных гостей ("Если я кого захочу встретить, то встречу сама"); не имела телевизора. На субботах, однако, ходила. Касаясь политических взглядов Великановой, Глазко отметил, что она считала однопартийную систему неэффективной, вызывающей "социальный застой"; по ее мнению, выборы являются фикцией, советские газеты и радио – врут. По определению свидетеля, Т. Великанова – "единомышленница Сахарова". Утверждение о том, что советское государство Великанова назвала фашистским, Глазко не подтвердил (этот эпизод, со ссылкой на показания Глазко, присутствовал в обвинительном заключении; в приговоре он опущен).

Свидетель М.М. Кондратов (Хр. 40) – работник лагеря, в котором пять лет назад сидел А. Фельдман (Хр. 30). По словам свидетеля, Фельдман "держался в стороне от коллектива", все время – с книжками. Читать ему не мешали, ограничений в переписке он не имел. Сообщение об избиении Фельдмана (Хр. 32, 40) подтвердил, отметив, что не знает, кто его бил, и что били несильно. Сообщение "Хроники" о том, что он, Конд-

ратов, антисемит, отверг с пафосом: вообще смешно говорить об антисемитизме в СССР!

Свидетель Г.Е. Королева — племянница хозяйки квартиры, которую снимала Т. Великанова в 1974 г. Королева излагает эпизод с обнаружением и сдачей в милицию бумаг, оставленных в квартире. (Показания Королевой по существу повторяют аналогичные показания об этом эпизоде на суде над Сергеем Ковалевым — Хр. 38.)

Свидетель Колодко (1906 г.р.) — заключенный, сидит уже двадцать третий год. Рассказывает об условиях содержания в лагере (17 Мордовский лагерь): условия хорошие, питание нормальное, в больнице даже дают компот. Работа — шитье рукавиц; он, Колодко, перевыполняет норму.

Т. Великанова просит у свидетеля извинения за то, что была невольной причиной его утомительного путешествия этапом в Москву и обратно. Великанова: "Желаю Вам поскорее освободиться". Колодко: "И Вам того же желаю".

Следующий свидетель — тоже заключенный, Александр Солдатов; осужден по обвинению в "грабеже" (Хр. 45). Сын политического заключенного Сергея Солдатова (суд — Хр. 38). Держится неуверенно, отвечает преимущественно односложно, иногда ограничивается кивком головы или пожимает плечами; каждый предложенный ему вопрос обдумывает по несколько минут. По впечатлениям присутствовавших, А. Солдатов, видимо, с трудом понимает смысл задаваемых ему вопросов (он всю жизнь жил в Эстонии и не очень хорошо знает русский); с другой стороны, ни в коем случае не хочет повредить ни себе, ни другим неосторожным ответом. На вопрос судьи, в каких он с Великановой отношениях, ответить не сумел.

— За что отбываете наказание?

— Вас интересует статья? (Называет статью.)

Несколько позднее:

— Я ведь вообще не знаю, за что сижу...

Солдатова также спрашивали об условиях содержания в лагере. Условия — "нормальные", работа не тяжелая. На вопрос судьи, как с Солдатовым обращались во время следствия, отвечает:

— Меня избили.

— Кто Вас избил?

— Я не помню.

— Это были Ваши сокамерники?

— Нет, не сокамерники. (Об избиении А. Солдатова — см. Хр. 48.)

Когда речь зашла о показаниях А. Солдатова по делу Т. Великановой весной 1980 г., тот обратил внимание суда на то, что под протоколом нет его подписи. Солдатов настаивал на том, что о деятельности подсудимой ничего не знает.

Александра Солдатова выводят. Когда его проводят мимо скамьи подсудимых, Татьяна Михайловна кивает ему и произносит несколько ободряющих слов.

Следующий свидетель – главврач центральной больницы Пермских лагерей Минахметова (?), Больница, по ее словам, обеспечена всем необходимым, есть возможность вызвать любого специалиста, лекарства с базы они получают без ограничений. В каждом лагере – своя санчасть, тоже хорошо оборудованная. Прием больных дважды в день, утром и вечером. Насильно никого не лечат, но иногда приходится уговаривать, например, пойти к стоматологу.

Свидетель Вениамин Кожаринов (Хр. 19, 21, 30).

– Знакомы ли с подсудимой?

– Нет.

– Но на предварительном следствии Вы показали...

– Был знаком косвенно; может, и видел.

В 1968-70 гг. размножал по просьбе Красина какие-то тексты, после ареста Красина за туеядство (Хр. 11, 22) больше этим не занимался. Через Красина познакомился и подружился с Якиром, бывал в доме П.Г. Григоренко.

– Видели ли Вы там Великанову?

– Не помню; это было давно, больше 10 лет назад.

– На допросе Вы показали, что видели ее у Григоренко.

– Раз я давал такие показания, значит, так оно и есть.

– Были ли в Вашем присутствии разговоры об Инициативной группе?

– Не помню.

– Но на допросе Вы показывали, что при Вас в доме П.Г. Григоренко шел разговор о создании Инициативной группы. Там были, по Вашим словам, Якир, Красин, Великанова и другие.

– Не помню этого, но от своих старых показаний не отказываюсь.

Несколько свидетелей в суд не явились. Показания троих из них были зачитаны.

Сергей Алексеев (сын Л.М. Алексеевой, был допрошен зимой 1980 г., а в мае уехал за границу – Хр. 57) на первом допросе показаний не давал (Хр. 56), на втором показал, что с Великановой знаком, видел ее у матери. Знал, что его мать участвовала в правозащитном движении; сам он этими проблемами не интересуется. Политических разговоров между матерью и Великановой не слышал. Его впечатление о Татьяне Михайловне: приятная женщина, добрая, честная. Предъявленное ему письмо действительно написано его матерью: он опознает почерк приписки "Привет Тане!" (само письмо было напечатано на машинке).

Показания свидетеля Гайниченко (начальник одного из Мордовских лагерей). В его показаниях раскрывается антиобщественное лицо ряда заключенных – В. Осипова, С. Солдатова и других (всего пять или шесть фамилий). Все они – туеядцы, отщепенцы, не ходят на политзанятия, не участвуют в общественной жизни лагеря.

Показания свидетеля Камиля Зайнутдинова. Познакомился с Т. Великановой, когда она приехала в поселок Красный Затон, под Сыктывкар, где в 1969-1970 гг. отбывал ссылку ее муж Константин Баби-

кий (Хр. 4). После того, как в Красном Затоне побывала Т.М. Великанова, там появилась самиздатская литература: Авторханов, Мандельштам, Солженицын и др. Бабицкий давал ему кое-что читать: сначала — "Раковый корпус", потом судебные документы. После приезда друзей Бабицкого тоже появлялись книги. Зайнутдинов не знает, кто их привозил, но думает, что это делали Анатолий Якобсон и Леонид Флишман. Потом он приезжал в Москву, жил у Т.М. Великановой месяц, видел, что на книжных полках открыто стоит самиздат. Вместе с сестрой Т. Великановой Ксенией был у Эрнста Руденко, "который переплетал для них антисоветские произведения". Вместе с братом Т. Великановой Кириллом и Вадимом Делоне ходил в гости к Даниэлю ("Сейчас все они занимаются на Западе антисоветской деятельностью"). А еще Зайнутдинов побывал у Ксении Великановой на вечеринке; там торговали самиздатом. Он приценивался к "Раковому корпусу", но это оказалось слишком дорого — 20 руб. Тогда он попросил Ксению Михайловну дать ему эту книгу почитать. Та дала. С 1971 г. ничего о деятельности Т.М. Великановой не знает.

Затем открылись прения сторон.

Речь прокурора началась и кончилась цитатами из Ленина. В середине говорилось о международном положении, о том, что деятельность Великановой была в интересах реакционных кругов Запада и что это подтверждается связями Великановой с эмигрантами: Буковским, Плющом, Алексеевой, Литвиновым, Закс, Амальриком, Шрагиным, Ходорович. Все эти люди связаны с антисоветскими организациями на Западе. В качестве доказательства прокурор ссылался на изъятую у Великановой переписку, на показания свидетелей Глазко, Зайнутдинова, Кожаринова, на материалы дел Ковалева и Суперфина. Он потребовал приговорить Т. Великанову к четырем годам лагеря и пяти годам ссылки.

Адвокат Батова в своей речи отметила, что впервые сталкивается с таким сложным делом. Подсудимая настойчиво отказывается от адвоката, "человека, самого близкого ей сейчас". "Я говорю это для того, — объяснила Батова, — чтобы подчеркнуть, в каких тяжелых условиях я работаю". Почти все инкриминируемые Великановой действия относятся ко времени до 1974 г. В 1974 году ей вынесли официальное предостережение, из которого следует, что вся ее деятельность была хорошо известна. Однако ее не арестовали даже тогда, в разгар дела Якира и Красина (дело Якира-Красина кончилось в сентябре 1973 г. — Хр. 30). За одну и ту же вину, заметил адвокат, нельзя наказывать дважды. Показания свидетелей Королевой, Зайнутдинова, Алексеева, Кожаринова ничего не доказывают. Они не относятся непосредственно к Великановой. Адвокатом была зачитана характеристика с последнего места работы Т. Великановой (санитарка в детской больнице): работает добросовестно, к детям относится чутко. (Из зала: "Подумаешь!") Подсудимая вырастила троих детей, хороших, здоровых детей. Конечно, документы, которые подсудимая подписывала, "носят определенный характер. Но ведь мы наказываем, чтобы воспитать, а не чтобы отомстить, товарищи судьи?"

В статье 70 предусмотрен широкий диапазон наказаний. Есть и такая мера: от двух до пяти лет ссылки. Адвокат считает возможным назначить Великановой наказание, не связанное с лишением свободы.

В ответ на предложение произнести последнее слово Великанова лишь сказала: "Фарс окончен — ну, и окончен".

29 августа суд вынес приговор: четыре года лагерей строгого режима и пять лет ссылки.

Т. Великанова не пожелала подавать кассационную жалобу. 28 сентября она была этапирована из Москвы. 3 октября прибыла в 3-й Мордовский лагерь.

* * *

Советская печать откликнулась на процесс Великановой большой статьей в "Советской России" от 31 августа "Со щитом клеветы". Под статьей стоит подпись — "В. Иванов". Основной упор в статье делается на связи Т. Великановой с Западом. Обильно цитируются письма к ней из-за рубежа. Довольно много места уделяется "Хронике текущих событий", ни разу не названной своим именем:

...

... материалы дела (на суде были предъявлены как машинописные экземпляры пасквилей, так и отпечатанные в Нью-Йорке в антисоветском издательстве "Хроника — Пресс" и нелегально доставленные в СССР типографские издания этой клеветнической стряпни) не оставили никакого сомнения в том, что за "правду" имели в виду авторы антисоветских пасквилей.

...

Вся эта "информация" стряпалась по одному рецепту: стало известно о предании кого-то суду, пусть даже жулика или хулигана, — немедленно сообщение о преследованиях за убеждения, прослышали о наказаниях в какой-то колонии за нарушение режима — тут же шум по поводу якобы жестокого обращения с заключенными.

...

Великанову и ее сообщников, именующих себя "защитниками прав", меньше всего интересуют права в том широком и полном объеме, в котором они провозглашены и гарантированы Конституцией СССР. Их интересы ограничены совершенно определенным кругом тем — тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, аресты. Словом, собирается вся грязь — от слухов и сплетен до откровенной клеветы, вызывающих у каждого нормального человека чувство омерзения и ощущение запаха помойных отбросов.

...

Москвичам запомнилась история со взрывом бомбы в метро, когда по вине преступников пострадало 44 человека, семь из которых погибли. И вот суду предъявляется один из последних выпусков сборника, который Великанова готовилась отправить за ру-

беж. Среди прочих клеветнических материалов в нем содержится и целый раздел, озаглавленный "Дело о взрыве в метро" (Хр. 52 — Хр.).

Здесь каждая строка — смесь вымыслов со злонамеренной клеветой. Здесь и сожаление о "слишком суровом приговоре", и намеки на какое-то алиби, имевшееся у преступников.

...

После суда оставшиеся на свободе члены Комитета защиты Татьяны Великановой — Л.И. Богораз, Е.Г. Боннэр, С.В. Каллистратова и Л.З. Копелев — поставили свои подписи под следующим текстом:

...

Бессмысленно говорить о каких-либо нарушениях закона в деле Великановой: законом здесь и не пахло. Были внешние детали — ложные символы законности: здание суда (за тройным милицейским кордоном), зал заседаний (охранявшийся от Таниных друзей строже, чем склад боеприпасов), прокурор, судьи, человек, назвавшийся адвокатом (отвергнутый Татьяной: "Мне второй прокурор не нужен!" — и все же оставленный судом при заданной роли), люди, исполнявшие роли свидетелей (среди них — ни разу не видевшие Таню в глаза, ничего не слыхавшие о ней и ее деятельности), 12 томов "дела". Татьяне Великановой предназначалась роль подсудимой — но она отказалась играть эту роль. И спектакль рассыпался, не состоялся. Суда не было, осталась единственная реальность: конвой (в солдатской, милицейской и штатской форме), отгородивший Татьяну от ее друзей, и тюремная машина, которая увезла ее из нормальной жизни на 9 лет.

Мы, друзья Тани, три дня стоявшие на улице у здания суда, стремились попасть внутрь вовсе не для "слушания дела" — просто мы хотели увидеть Таню, наглядеться на нее перед долгой разлукой, которая началась еще 10 месяцев назад.

Что там было слушать, в зале? Вопросы судьи о лагерном супе; растерянные, невпопад ответы "свидетелей"; беспомощный лепет адвоката; бессодержательное громохание прокурора; запрограммированные выкрики отборной "публики" — "Мало дали!". Все это было ни о чем и ни к чему, всю эту несвязицу можно было тянуть еще неделю или обойтись вовсе без нее. Великанова молчала — и заготовленные против нее удары упали в пустоту. "Фарс окончен", — сказала она после приговора.

После суда над Татьяной Великановой заранее потерял смысл следующих процессов — над ожидающими своей очереди в тюрьмах Бахминым, Абрамкиным, Подрабинеким, Осиповой, Лавутом, Терновским и остальными. Зачем? Конвой, тюрьма, лагерь, воронок — и так всегда наготове.

В первый день суда Тане удалось издали махнуть нам рукой.

29 августа Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 140 "Суды над Татьяной Великановой и священником Глебом Якуниным".

В тот же день письмо "Кто осужден?" о приговорах Т. Великановой и Г. Якунину подписали пятьдесят семь человек: Е. Алексеева, С. Анищенко, Н. Бабицкая, Ф. Бабицкий, Л. Богораз, Л. Бойцова, Е. Боннэр, Ю. Величкин, Е. Гайдамачук, Ю. Гастев, В. Гершуни, М. Гефтер, А. Горган, А. Готовцев, С. Гримм, З. Дзедзоева, В. Долгий, М. Дубах, М. Зотов, В. Истомин, Н. Истомина, А. Кабинова, Д. Казачкова, С. Каллистратова, И. Ковалев, Н. Комарова (Некипелова), Л. Копелев, Е. Костерина, В. Кронрод, В. Кувакин, С. Лавут, М. Ланда, Р. Лерт, М. Лиятов (Яковлев), Н. Мейман, И. Мясковский, М. Новиков, Г. Павловский, З. Перчаткина, М. Петренко (Подъяпольская), В. Полищук, Г. Полищук, К. Попов, Н. Прокопчик, Т. Прокопчик, А. Сахаров, Ф. Серебров, А. Смирнов (Костерин), В. Смушкевич, В. Сорокин, С. Сорокина, Л. Терновская, В. Толыч, С. Ходорович, Ю. Шиханович, В. Щеглов, Ф. Ясиновская (Литвинова).

* * *

Татьяна Великанова в 1954 г. окончила механико-математический факультет МГУ; затем учительствовала на Северном Урале. По возвращении в Москву работала математиком-программистом: сначала в ВЦ АН СССР, потом — в ЦЭМИ, затем в ВЦ Главмосавтотранса. В 1977 г. ушла оттуда и некоторое время работала санитаркой в детской больнице.

СУД НАД ВЯЧЕСЛАВОМ БАХМИНЫМ

С 22 по 24 сентября Московский городской суд под председательством Н.А. Байковой рассматривал дело члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Вячеслава Ивановича Бахмина (1947 г.р.; арестован 12 февраля — Хр. 56), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель — прокурор Т.П. Праздников, защитник (назначенный) — адвокат А. Поляк.

Суд проходил в помещении народного суда Люблинского р-на г. Москвы — там же, где суд над Т. Великановой (см. выше). В зал суда кроме "специалистов" пустили только Владимира Бахмина, старшего брата Вячеслава. Никого из друзей Вячеслава Бахмина в зал не пустили. Жену Вячеслава и его младшего брата Виктора вызвали в качестве свидетелей. 24 сентября друзьям Бахмина запретили даже заходить в квартал, в котором расположено здание суда, так как накануне они "нарушали общественный порядок" (когда Бахмина выводили из здания суда и сажали в "воронок", они приветствовали его криками).

Бахмину инкриминировались изготовление и распространение "Информационных бюллетеней" Рабочей комиссии и распространение "антисоветской литературы", в частности "Архипелага ГУЛАг". Из примерно

1000 "эпизодов" (по оценке Бахмина), содержащихся в 22 выпусках "Информационного бюллетеня", подготовленных до его ареста, ему вменялось только 14.

Бахмину инкриминировались также обращение к Международному конгрессу психиатров в Генолулу (Хр. 47) и письма, которые он посылал в психбольницы (по поводу незаконных госпитализаций и других нарушений законности).

В обвинительном заключении отмечено, что эти материалы и материалы из "Информационного бюллетеня" публиковались издательством "Посев" и зачитывались радиостанцией "Свобода".

Бахмин заявил ряд ходатайств: о приобщении к делу "Инструкции по неотложной госпитализации психических больных, представляющих общественную опасность"; о вызове дополнительных свидетелей, в частности — из Института им. Сербского, и о том, чтобы первыми были допрошены его жена и брат. Суд удовлетворил только первое ходатайство и частично последнее: жену Бахмина допрашивали первой, а брата — по требованию прокурора — последним. Адвокат также заявил ходатайство — о вызове в суд А. Соколова, давшего на предварительном следствии показания о распространении Бахминым "Архипелага ГУЛаг". Это ходатайство тоже было отклонено. После этого Бахмин отказался от адвоката и от участия в судебном следствии (демонстративно молчал). Отказ от адвоката суд не принял.

Из вызванных в суд 34 свидетелей явились 17, в основном врачи разных психиатрических больниц и диспансеров. Они рассказывали об условиях содержания в психбольницах и утверждали, что никаких нарушений при госпитализациях больных не было. Главный врач Красноярской психбольницы Марченко и зав. отделением Сычевской спецпсихбольницы Гуревич, оспаривая сообщение "Информационного бюллетеня" о случаях преследования отдельных врачей-психиатров и медперсонала за сочувственное отношение к больным и отказ от выполнения бесчеловечных процедур, заявили, что с их стороны "гонений в отношении обслуживающего персонала не было". Свидетельница Колыцова из 3-го психдиспансера г. Москвы не смогла ответить на вопрос адвоката о том, какие больные считаются социально опасными.

В суд были вызваны также друзья Бахмина Борис и Марина Румшиские (Хр. 57). Перед тем, как давать показания, Б. Румшицкий поздравил Бахмина с днем рождения (25 сентября Бахмину исполнилось 33 года) и бросил ему на колени цветы. За поздравление судья сделал Румшискому замечание, затем был объявлен перерыв (конвой цветы отнял), после которого распорядитель не пустил в зал ни Румшиского, ни, "чтобы ему не было скучно", его жену.

Прокурор Праздникова потребовала максимального наказания — 3 года лагерей.

Адвокат Поляк заявил, что, в соответствии со ст. 301 УПК РСФСР ("Приговор суда должен быть законным и обоснованным..."), его подзащитный не виновен, так как в его действиях отсутствовала "заведомость".

В последнем слове, продолжавшемся 40 минут, Бахмин сказал, что только в двух из вмененных ему 14 эпизодов

были допущены неточности. Показания по остальным двенадцати или подтверждают правильность нашего освещения событий, или же сами себе противоречат.

Бахмин продолжал:

Каким образом проводилось расследование? Должностным лицам, о которых нам известно, что они совершают правовые нарушения, рассылались по материалам следствия такого рода запросы: "Сообщите, пожалуйста, что Вам известно по такому-то и такому-то эпизоду в связи с уголовным делом Бахмина В.И., обвиняемого по ст. 190-1 в распространении заведомо ложных измышлений..." Что могут после такого запроса сообщить должностные лица? Так как органы прокуратуры уже говорят, что человек обвиняется по этой статье в распространении заведомо ложных измышлений, то, разумеется, ответ получается везде однозначный, что видно по свидетельским показаниям врачей, заведующих отделениями; они говорили, что все прекрасно, никаких нарушений ни в работе больницы, ни в госпитализации просто нет.

...

Гражданин прокурор в своей речи часто говорила о том, что все люди, о которых писалось в бюллетенях, больны. Дело в том, что Комиссия никогда не пыталась этого оспаривать. Речь идет о том, что у больного человека, как у любого другого, существуют определенные права, и эти права зафиксированы как раз в "Инструкции по неотложной госпитализации", которая очень часто нарушается, что и отражалось в "Информационных бюллетенях". К примеру, Себелев, о котором говорила свидетельница Колыцова, был принудительно госпитализирован в состоянии алкогольного опьянения органами милиции прямо из своей квартиры. Вскоре он был выписан как не нуждающийся в стационарном лечении. Это пример грубого нарушения "Инструкции", т.к. состояние алкогольного опьянения не является основанием для принудительной госпитализации. Более того, очень часто сами психиатры этой "Инструкции" не знают — не только не знают ее содержания, но и не знают о ее существовании. Это было выяснено, когда оказалось, что среди членов комиссии по проверке некоторых медицинских заключений, сделанных Волошановичем, никто не слышал о существовании этой "Инструкции". Работа этой комиссии заключалась в проверке диагнозов, поставленных Волошановичем. Ни один психиатр из этой комиссии ни разу за время проверки не видел ни одного больного, о которых он делал заключения. Поставленные ими диагнозы основаны лишь на историях болезней, которые члены комиссии все же удосужились полистать, и, безусловно, совпадают с поставленными ранее в больницах.

...

Гражданин прокурор в своей речи часто говорила о тайности наших действий, хотя деятельность Рабочей комиссии была, безусловно, легальной. Мы ни от кого не скрываемся, чего не скажешь о суде, который фактически проходит при закрытых дверях. В зале находились только трое моих близких родственников. Мои же друзья не допущены в зал судебного заседания, их не пускает сюда кордон милиции, и это делается затем, чтобы никто не узнал о том, что происходит в зале. Кто же боится? Фамилии, подробные адреса и телефоны членов Рабочей комиссии стоят на титульных листах всех "Информационных бюллетеней". Выпущенные бюллетени регулярно посылались мной в прокуратуру и Минздрав СССР. В сопроводительных письмах к ним я просил в случае обнаружения в них неточной или неправильной информации сообщить уточненные сведения членам Рабочей комиссии, чтобы эти уточнения были помещены в следующих номерах ИБ. Однако прокуратура, которая якобы должна следить за соблюдением закона, на следующий день посылала ИБ в ту самую организацию, которую гражданин прокурор так ласково именует "комитетом", то есть КГБ. То же самое происходило и с бюллетенями, посылаемыми в Минздрав СССР. Вероятно, КГБ более компетентен в вопросах психиатрии... У нас КГБ решает, что именно могут читать граждане нашей страны. КГБ — это организация, которая в случае, если граждане читают литературу, которую им читать не полагается, проводит обыск и изымает у этих лиц книги, статьи, стихи, которыми наша страна должна гордиться. Мне стыдно, что в нашей стране боятся *слова*.

...

Суд приговорил Бахмина к 3 годам лагерей общего режима.

* * *

В документе Московской группы "Хельсинки" № 144 "Суд над Вячеславом Бахминым", принятом 2 октября 1980 г., говорится:

...

Приговором Бахмину инкриминируется "клеветническое" содержание "Информационных бюллетеней", выпускавшихся якобы "тайно и нелегально".

В данном случае клевета содержится именно в тексте приговора и опровергается самим приговором, ибо в том же тексте указано, что на первой странице каждого бюллетеня напечатаны фамилии и адреса его составителей. Кроме того, легальный и гласный характер деятельности Комиссии подтверждается, как сказано выше, самим фактом рассылки бюллетеней официальным учреждениям и организациям.

...

Никаких доказательств *заведомой* ложности в материалах дела нет и в приговоре не приведено. Что же касается ошибок, вполне возможных (особенно в обстановке постоянных преследований и препятствий, чинимых властями сбору и проверке информации), то небольшое количество их как раз свидетельствует о тщательности и добросовестности проверки, проводимой Бахминым и другими членами Комиссии.

...

Ни следствие, ни суд добросовестной проверки материалов "Информационных бюллетеней" не провели, как не проводили ее и те официальные учреждения, которым рассылались бюллетени. Отказав Бахмину в ряде ходатайств, направленных на действительно объективную проверку фактов (в частности, ходатайство о вызове дополнительных свидетелей), суд обосновал "клеветнический" характер инкриминируемых Бахмину материалов ссылкой на показания свидетелей, явно заинтересованных в исходе дела: врачей-психиатров, ответственных за состояние дел и положение пациентов в психиатрических учреждениях.

...

Смешно было бы даже предполагать, что такие прямо заинтересованные свидетели подтвердят сообщение о своих собственных незаконных действиях.

Однако даже показаниями таких заинтересованных свидетелей *заведомая* ложность сообщений, помещенных в "Информационном бюллетене", ни по одному из вмененных Бахмину конкретных сообщений не доказана. Объективные же свидетели, которые могли бы подтвердить достоверность этой информации, ни на предварительном следствии, ни в суде не допрашивались.

...

* * *

Как уже сообщалось (Хр. 57), 15 мая в Лондоне состоялось общественное слушание свидетельских показаний по делам В.И. Бахмина и Л.Б. Терновского. Слушание было организовано английскими юристами, психиатрами, "Международной Амнистией" и членами британского парламента. Вел слушание английский адвокат Бахмина Л. Блум-Купер (ранее он защищал А. Подрабиника — Хр. 50). "Настоящее слушание имеет целью... собрать относящиеся к делу показания и материалы, а собрав их, послать в Московскую прокуратуру и в суд. В соответствии с нормами советского судопроизводства эти показания должны быть приняты во внимание и суд обязан на них отреагировать", — сказал Купер.

Свидетельские показания давали П.Г. Григоренко, шведский врач-психиатр Х. Бломберг, консультант Рабочей комиссии А. Волошанович. Были зачитаны присланные из Москвы заявления Ирины Гривниной (Хр. 56) и Юрия Ярым-Агаева (Хр. 56), коллективное письмо в защиту Бахмина (Хр. 56).

* * *

В марте брат Вячеслава Бахмина Виктор послал шестидесяти депутатам Верховного Совета СССР письмо с просьбой "сделать все возможное для того, чтобы были восстановлены справедливость и законность", и получил два ответа.

3. Киселева написала:

По Вашему вопросу следует обратиться в Верховный суд РСФСР, Верховный суд СССР, Прокуратуру СССР.

Депутат не имеет полномочий для рассмотрения вопросов, связанных со следствием.

Председатель колхоза А.Е. Терентьев ответил так:

Положительного ответа вам дать не могу. Если в этом деле нужно разбираться, то нужно ехать на место и поднимать все бумаги. А у меня на это времени нет. Да и мое ходатайство будет незаконно — не мой округ.

Позже из Прокуратуры СССР (туда письмо не посылалось) пришла почтовая карточка:

Сообщаю, что Ваша жалоба для проверки направлена в прокуратуру г. Москвы, откуда Вам сообщат о принятом решении.

* * *

В 1966 г. Бахмин окончил школу-интернат № 18 при МГУ ("колмогоровский интернат") и поступил в Московский физико-технический институт.

1 сентября 1969 г. Бахмина вызвали на беседу в КГБ по поводу распространения "запрещенной литературы".

30 ноября 1969 г. Бахмин (он был тогда студентом 4-го курса) был арестован: в декабре он собирался, "в честь" девяностолетия со дня рождения И.В. Сталина, разбрасывать антисталинские листовки (Хр. 11). В сентябре 1970 г., когда предварительное следствие уже было закончено, он неожиданно был помилован (Хр. 16).

При освобождении Бахмин был предупрежден, что учиться в МФТИ он не сможет. К тому времени он уже был исключен из института за "непосещение занятий"; вскоре комитет комсомола МФТИ исключил его из ВЛКСМ.

В 1974 г. Бахмин окончил заочное отделение Московского экономико-статистического института. Работал программистом.

В 1977 г. Бахмин стал одним из основателей Рабочей комиссии по исследованию использования психиатрии в политических целях (Хр. 44).

18 октября 1979 г. его вызывали на "беседу" в КГБ СССР, где "предупредили" (Хр. 54).

СУД НАД ЯКУНИНЫМ

С 25 по 28 августа Московский городской суд под председательством В.Г. Лубенцовой (она же судила в октябре 1968 г. "демонстрантов" — Хр. 4, в январе 1972 г. В. Буковского — Хр. 23, в мае 1978 г. Ю. Орлова — Хр. 50) рассматривал дело члена Христианского комитета защиты прав верующих в СССР свящ. Глеба Павловича Якунина (1934 г.р.; арестован 1 ноября 1979 г. — Хр. 54), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель — прокурор Скареев, защитник — адвокат Л.М. Попов (Хр. 21, 46).

Процесс проходил в помещении Московского городского суда. Зал, в котором слушалось дело, рассчитан приблизительно на 30 человек. Он был заполнен "представителями общественности", входившими по пропускам. В зал суда пустили жену о. Глеба Ираиду Якунину (Хр. 57). Другим родственникам и друзьям подсудимого "не хватило мест". Зато места нашлись для четырех, по меньшей мере, сотрудников КГБ: один из них задерживал Т. Щипкову (Хр. 52, суд — Хр. 56), другой участвовал в обысках у членов Христианского семинара, третий допрашивал Т. Лебедеву (Хр. 54, 56, 57), четвертый беседовал с А. Найденович (Хр. 28, 54), убеждая ее уехать из Москвы на время Олимпиады.

В обвинительном заключении о. Глебу инкриминировались его письма и обращения, в первую очередь — обращение к 5-й Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби (Хр. 38) и обращение к христианам Португалии (оба обращения — совместно с Л. Регельсоном — см. ниже).

Якунин не признал себя виновным.

В суд в качестве свидетелей были доставлены член Христианского комитета В. Капитанчук, участник Христианского семинара Л. Регельсон (оба содержались в Лефортовской тюрьме; о судах над ними — ниже) и участник Христианского семинара В. Попков (суд — Хр. 56).

Регельсон и Капитанчук показали, что они подписывали документы, инкриминируемые о. Глебу, или участвовали в их составлении. Капитанчук сказал, что он является автором и распространителем некоторых из них.

Попков дал суду подробные показания; в частности, подтвердил, что присутствовал при встрече Якунина, Д. Дудко (Хр. 56, 57) и В. Коваленко (Хр. 55, 57) с иностранцами, и рассказал, что и кому передавал Якунин. Попков подтвердил также "уличающие" показания швейцарской гражданки Э. Берини-Вальдфогель, зачитанные в суде. Эти показания во время предварительного следствия подтвердили также Дудко и Коваленко.

Члены делегации Русской Православной Церкви на 5-й Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби (Хр. 38) А.И. Осипов (профессор Московской духовной академии) и игумен Иосиф Пустоутов (зав. аспирантурой Московской духовной академии и сотрудник отдела внешних

сношений Московской патриархии) сказали на суде, что письмо Якунина и Регельсона на Ассамблею повредило престижу советской власти. Своей антипатриотической деятельностью о. Глеб настраивал христиан мира против правительства СССР.

Ф. Карелин (в прошлом — близкий друг Якунина) сказал, что многие документы, составленные о. Глебом, обращены к Западу, который "никогда ничем не помогал советскому государству". На вопрос судьи, считает ли он инкриминируемые Якунину документы антисоветскими, Карелин ответил, что это следует решать суду.

Свящ. Кривой (из Львова) привел слова Якунина: "КГБ щупальцами опшел весь мир". Кривой отрицательно охарактеризовал о. Глеба и сказал, что тот может выпить две бутылки водки. (В ответ Якунин спросил: "В течение какого периода?" В обвинительной речи прокурор, ссылаясь на Кривого, заявил, что Якунин — пьяница.) Кривой заявил также, что купил у Якунина икону и что Якунин, видимо, ими торговал.

Свидетельница Федотова (Якунин с ней не знаком) показала, что слышала разговор сына с А. Огородниковым, в котором Огородников сетовал на то, что о. Глеб получает деньги от Солженицына, но с ним не делится.

Староста Николо-Кузнецкой церкви А. Шушпанов чуть ли не с порога начал кричать, что о. Глеб — пособник империализма и антисоветчик и его место — на скамье подсудимых. Он сказал также, что о. Глеб — против мира, за войну. В ответ Якунин потребовал подвергнуть Шушпанова психиатрической экспертизе. (Якунин считает Шушпанова агентом КГБ; об этом он, Хайбулин и Капитанчук писали патриарху Пимену — Хр. 46. В свое время Шушпанов предлагал Якунину большую сумму на нужды Христианского комитета и хотел войти в его состав. Денег Якунин не взял и в Комитет Шушпанова вводить отказался.)

Свидетельница Е.В. Загрязкина (бухгалтер храма на Ваганьковском кладбище) сказала, что в жизни не встречала более порядочного, честного, доброго, мужественного и высоконравственного человека, чем о. Глеб. (Показания Загрязкиной на предварительном следствии носили отрицательный характер; в 1973-74 гг. Загрязкина дала обширные показания на Петрова-Агатова.)

Свидетель Кудрявцев, несмотря на настоятельные требования судьи Лубенцовой, отказался давать показания. Он сказал, что власти наделили его "дипломом шизофреника" и не имеют права допрашивать психически невменяемого человека.

Свидетель А.И. Рогов заявил суду, что Якунин ненавидит советскую власть, что он — предатель своего народа. Якунин ходатайствовал о вызове в суд Худякова, присутствовавшего при его разговоре с Роговым. Худяков в суд вызван не был.

Не был вызван в суд и Дудко, хотя о. Глеб просил об этом, ссылаясь на то, что фамилия Дудко часто упоминалась в обвинительном заключении и его показания, данные во время предварительного следствия, обильно цитировались в судебных заседаниях.

Суд перечислил в числе неявившихся свидетелей свящ. В. Фонченкова (Хр. 53) и Л. Полуэктову (Хр. 54), которые повесток не получали, но просили их допросить в качестве свидетелей и которые стояли у здания суда и не были допущены в зал заседаний.

Прокурор в своей речи сказал, что Якунин — закоренелый преступник, антисоветчик, враг Родины и Церкви, окончательно разложившийся тип, пьяница. Он просил вынести частное определение о том, что по фактам, выявленным в судебном заседании, необходимо произвести предварительное расследование по деяниям, предусмотренным ст. 88 ("Нарушение правил о валютных операциях") и ст. 154 ("Спекуляция") УК РСФСР. Прокурор сказал, что вина подсудимого полностью доказана, и попросил суд приговорить Якунина к пяти годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки.

Адвокат просил смягчить приговор.

Перед тем, как произнести последнее слово, о. Глеб спросил: "Интересуют ли суд и сию аудиторию мотивы и факты, заставившие меня взяться за правозащитную деятельность в помощь христианам?" Судья Лубенцова сказала, что это никого не интересует. На вопрос о. Глеба, что же интересует суд, она ответила, что Якунин может обратиться к суду с просьбами. Якунин заявил, что просьб у него нет. "Тогда все!" — сказала Лубенцова. В результате последнее слово о. Глеба состояло из одной фразы: "Я благодарю Бога за дарованную мне судьбу".

Приговор — пять лет лагерей строгого режима и пять лет ссылки. Во время зачтения приговора в зале велась телевизионная съемка. Эта запись была потом показана по английскому телевидению.

* * *

29 августа Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 140 "Суды над Татьяной Великановой и священником Глебом Якуниным".

В тот же день письмо "Кто осужден?" о приговорах Т. Великановой и Г. Якунину подписали пятьдесят семь человек (см. выше).

* * *

2 сентября в газете "Труд" была напечатана статья Л. Колосова "Кому служил "отец" Глеб?"

В статье говорится:

В ходе судебного следствия выяснилось, что "на протяжении 1964-1979 годов Г.П. Якунин с целью извлечения незаконных доходов систематически и в крупных размерах занимался скупкой и перепродажей предметов церковного обихода, антиквариата, книг, промышленных товаров, изделий из драгоценных металлов и камней, в том числе серебряных монет дореволюционной чеканки...".

В статье утверждается также, что Якунин

осудил факт использования подготовленных им материалов радиостанцией "Свобода", НТС и другими подрывными центрами во враждебных Советскому Союзу целях и заявил об отказе в дальнейшем от инкриминируемой ему деятельности.

* * *

В 1958 г. Якунин окончил биолого-охотоведческий ф-т Иркутского сельскохозяйственного института. В том же году он поступил в Московскую духовную семинарию. В 1959 г. его исключили из семинарии "за задержку сдачи книг в библиотеку".

В 1962 г. Якунин был рукоположен в сан священника и начал служить в Дмитрове Московской обл.

В 1965 г. священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин послали патриарху Алексию "Открытое письмо". В ответ Алексий запретил им служить священниками "за попытку нарушить благожелательные отношения между Церковью и государством" и "за нарушение церковного мира". (Апелляции к Алексию, к Поместному собору 1971 года и к патриарху Пимену с требованием канонического церковного суда остались без результата.) Оба подчинились.

С 1966 г. Якунин работал чтецом и певчим в разных храмах Московской области.

В 1974 г. Якунин выступил с критикой заявления митрополита Серафима, одобрявшего высылку Солженицына.

В 1975 г. Якунин послал в Совет Министров СССР, объявивший день Пасхи рабочим днем, "Открытое письмо", в котором назвал распоряжение правительства кошунственным (Хр. 36). В том же году он и Л. Регельсон обратились к 5-й Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби с призывом к христианам разных конфессий объединиться в деле защиты гонимых христиан и деле прославления и почитания современных христианских исповедников и мучеников.

В 1976 г. Якунин и Регельсон обратились во Всемирный Совет Церквей с анализом и критикой советского законодательства о религии (Хр. 41). Тогда же они обратились к христианам Португалии с письмом о последствиях возможного прихода коммунистов к власти и об особой духовной связи между христианами России и Португалии. В том же году Якунин, Регельсон и В. Капитанчук обратились к руководству Русской Зарубежной Церкви с призывом поднять вопрос о канонизации мучеников Русской Церкви, пострадавших в революционные и послереволюционные годы. Тогда же Якунин, Капитанчук и В. Хайбулин образовали Христианский комитет защиты прав верующих в СССР.

В 1977 г. Комитет обратился к Брежневу и к главам Православных Церквей в связи с опубликованием проекта Конституции СССР (Хр. 46).

В 1978 г. в журнале "Русское возрождение" была опубликована статья Якунина об отношении Московской патриархии к культу лично-

сти Сталина. В том же году Якунин, Капитанчук и В. Щеглов обратились к Конклаву кардиналов Римско-Католической Церкви по поводу восточной политики Ватикана.

В 1977-78 гг. Якунин сделал два доклада Христианскому комитету — об экономической дискриминации церковнослужителей со стороны государства и о современном положении в Русской Православной Церкви (Хр. 56).

В 1979 г. Якунин, Капитанчук, Регельсон и В. Фонченков обратились с призывом поддержать канонизацию русских мучеников и исповедников XX века, подготавливаемую Русской Зарубежной Церковью.

СУД НАД РЕГЕЛЬСОНОМ

С 22 по 24 сентября Московский городской суд под председательством Миронова рассматривал дело участника Христианского семинара Льва Львовича Регельсона (1939 г.р.; арестован 24 декабря 1979 г. — Хр. 55), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель — пом. прокурора г. Москвы С.Н. Чистяков (он же обвинял Великанову — см. выше), защитник (назначенный) — адвокат Л.М. Попов (он же защищал Якунина — см. выше).

(Жена Регельсона Людмила Иванова — Хр. 54 — узнала о том, что защитником у Регельсона назначен Попов, случайно и незадолго до суда. Еще до этого следователь Капаев, ссылаясь на желание мужа — Регельсон видел Попова на суде над Якуниным, уговаривал ее по телефону заключить договор с Поповым. За неделю до суда Иванова позвонила Попову и попросила его назвать дату суда. Тот долго отказывался, но в конце концов назвал ее. После этого Иванова предупредила Попова, что она собирается заключить договор с другим адвокатом. "Вам не удастся сорвать процесс!" — крикнул Попов и бросил трубку.)

Процесс проходил в помещении Московского городского суда. Кроме отца и жены Регельсона в зале суда присутствовала Л. Полуэктова (Хр. 54), которую провел сотрудник КГБ, делавший у нее обыск. Других знакомых Регельсона, пришедших к зданию суда, в зал не пустили. Не разрешили пройти и иностранным корреспондентам.

Регельсону инкриминировали статьи и письма, написанные им в 1974-1979 гг.

Регельсон заявил на суде, что он согласен с обвинительным заключением: инкриминируемые ему произведения носили откровенно антисоветский характер, они отправлялись на Запад с целью оказания Западом давления на внутреннюю политику нашего государства и изменения положения с религией в СССР. Борясь с атеистической пропагандой, он на самом деле вступил в борьбу с государством. Регельсон сказал, что теперь он укрепился в вере в Бога и поэтому отходит от всякой политической деятельности. Он дал обширные показания. Отвечая на вопрос

судьи "Каким образом размножались документы?", Регельсон сказал, что первую закладку печатал он, дальнейшим размножением занимался Якунин. Встречи с иностранцами устраивал Якунин. Встречались в домах Воронеля, Шрагина. Передавал документы на Запад Якунин. Передавали через Н. Солженицыну, Т. Ходорович, иностранных туристов. (Все показания и ответы на вопросы Регельсон зачитывал по бумажке.)

Первым из свидетелей был допрошен доставленный под стражей В. Попков (см. "Суд над Якуниным"). Он подробно рассказал о Христианском семинаре (Хр. 41, 43, 46, 49, 52), сказал, что заседания этого семинара проходили на квартире у свящ. Н. Гайнова (член Христианского комитета защиты прав верующих в СССР — Хр. 54).

Затем в зал был доставлен член Христианского комитета В. Капитанчук (суд над ним — ниже). Он подтвердил, что Регельсон участвовал в изготовлении и распространении документов Христианского комитета, и осудил деятельность Комитета. Капитанчук рассказал, что однажды к нему приехали иностранцы в сопровождении Вячеслава Бахмина и он отвез их к Гайнову, а сам уехал. На вопрос о знакомстве с иностранными корреспондентами Капитанчук ответил, что встречался, например, с Милетичем; с Дейкиным связь установил Регельсон. Капитанчук сказал, что документы Христианского комитета он передавал для распространения Полуэктовой. (Капитанчук тоже зачитывал свои показания по бумажке.)

Свидетельницы Беляева и Муранова из Кемерова показали, что одна из них получила у Регельсона его книгу и журнал с его статьей и передала другой, а та их сожгла. Одна из них вспомнила, что видела у Регельсона книгу Солженицына "Бодался теленок с дубом". "Не надо, не надо", — прервал судья.

Были допрошены бывшие сокурсники Регельсона Бабушкина и Погорелова. Они показали, что после окончания МГУ видели Регельсона три раза — на встречах бывших студентов их группы. Бабушкина рассказала, что на одну из этих встреч Регельсон принес свою книгу; она всех заинтересовала, потому что Регельсон был единственным верующим в их группе. Погорелова дала аналогичные показания, но сказала, что книга Регельсона — идеологически чуждого содержания (правда, она не могла вспомнить, на каком языке был экземпляр книги, который она видела).

Были допрошены также бывший сокурсник Регельсона Гальцев и свящ. Александр Мень.

Были зачитаны показания Якунина, "не явившегося по болезни" (Якунин в это время содержался в Лефортове; о суде над Регельсоном он не знал). В этих показаниях говорилось о совместном подписании писем; подтверждалось, что Регельсон — автор документов, им подписанных; говорилось, что на квартире Дудко без ведома хозяина была организована пресс-конференция, перечислялись ее участники, назывались многие иностранные корреспонденты (в основном, те, кто уже уехал из СССР), которых Якунин пригласил на нее.

Зачитывались также подробные показания В. Коваленко, который был переводчиком на этой пресс-конференции, и бывшего сослуживца Регельсона В. Прилуцкого. В показаниях Прилуцкого говорилось, что Регельсон передал ему текст какого-то письма.

В суде оглашались также некоторые протоколы обысков.

Прокурор в своей речи просил суд приговорить Регельсона к пяти годам условно. Он мотивировал свою просьбу тем, что Регельсон полностью раскаялся в своей деятельности и помог следствию в раскрытии важных государственных преступлений.

Адвокат рассказал о своем впечатлении от личных встреч с Регельсоном и очень положительно его охарактеризовал. Он сказал, что сначала Регельсон не давал следствию никаких показаний, затем признал авторство инкриминируемых ему документов, но отказывался признавать их антисоветскими, затем признал и это. Таким образом, он прошел трудный и мучительный путь. Поэтому адвокат не считает его социально опасным и полагает, что он может находиться на свободе.

В последнем слове Регельсон еще раз признал свою вину, признал, что причиной его антисоветской деятельности было духовное тщеславие — он хотел пострадать и быть гонимым и провоцировал власти на это своей антисоветской деятельностью. Теперь же он понял, что это было от недостатка веры и ложного понимания христианского учения. Он отделил свою религиозную деятельность от антисоветской и намерен убеждать других верующих в необходимости такого шага. Он понял, что советская власть не против религии, и надеется, в связи со своими изменившимися убеждениями, повлиять на Пореша (суд — Хр. 57) и Огородникова (суд — наст. вып.) с тем, чтобы изменить их позиции и, благодаря этому, облегчить их участь.

Приговор — пять лет условно. Регельсона освободили из-под стражи в зале суда. Выйдя из зала, он сказал ожидавшим его иностранным корреспондентам: "Я готов сидеть за Христа, но не готов сидеть за правозащитное движение".

Процесс был заснят на киноленту.

* * *

29 или 30 сентября Попков имел в Лефортове свидание с Регельсоном, который уговаривал разделить его позицию. Попков сказал, что не может с ним полностью согласиться. Тут же вошли следователи Яковлев и Капаев. Узнав, что Попков не согласился с Регельсоном, они сообщили, что на Попкова есть материалы по ст. 70.

После освобождения Регельсон поддерживает контакт с КГБ.

* * *

В 1961 г. Регельсон окончил физический факультет Московского университета. Работал в НИИ.

В 1965 г. Регельсон крестился.

В 1971 г. Регельсон, Капитанчук, Ф. Карелин и свящ. Н. Гайнов послали на Поместный собор Русской Православной Церкви исследование, в котором они критиковали учение митрополита Никодима (Ротова) и других иерархов Русской Православной Церкви, пытающихся ввести в православное вероучение элементы коммунистической идеологии.

В 1974 г. Регельсон написал открытое письмо с протестом против высылки Солженицына.

В 1975 г. Регельсон выпустил в Самиздате книгу, которую потом под названием "Трагедия Русской Церкви, 1917-1945" напечатало изд-во "Имка-Пресс".

О совместной деятельности Регельсона и Якунина в 1975-79 гг. см. в разделе "Суд над Якуниным".

В 1978-79 гг. Регельсон принимал активное участие в работе Христианского семинара, где читал доклады по догматическому богословию и современной богословской проблематике.

СУД НАД КАПИТАНЧУКОМ

2 сентября Татьяна Капитанчук позвонила следователю Московского УКГБ Левченко, ведущему дело члена Христианского комитета защиты прав верующих в СССР Виктора Капитанчука (арестован 12 марта — Хр. 56), и спросила, не знает ли он мнения ее мужа по вопросу о найме адвоката. Левченко обещал выяснить это и позвонить ей, заодно Левченко спросил, не посылает ли она мужу денег.

10 сентября Левченко позвонил Т. Капитанчук и сказал, что она может сделать передачу — "поменьше колбасы и побольше сыра, а также цветные карандаши". Карандаши при передаче не приняли.

12 сентября к Т. Капитанчук около станции метро "Ленинский проспект" подошел милиционер, потребовал у нее документы и отвел в милицкий пункт в метро. Там он записал, где живет и работает Т. Капитанчук, и спросил, откуда она едет. На ее вопрос, почему ею заинтересовалась милиция, милиционер ответил, что "не имеет права сказать".

* * *

17 сентября Левченко сообщил Т. Капитанчук, что дает ей свидание с мужем. Это свидание, в присутствии следователей Левченко и Яковлева, состоялось на следующий день.

Свидание было дано по просьбе В. Капитанчука, чтобы он мог изложить жене свою позицию. Капитанчук положительно отзывался об условиях содержания в Лефортовском следственном изоляторе КГБ и об отношении к нему сотрудников КГБ. Он сказал, что имел возможность читать Библию, ему разрешали молиться и не оказывали на него никакого давления. Сначала Капитанчук не признавал себя виновным, отказывался от

дачи показаний и написал протест по поводу своего ареста. Затем, изучая документы Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, протоколы медицинских экспертиз, судебные заключения и другие материалы, он понял, что нарушал закон. В этом убеждении он, по его словам, укрепился посредством религиозных размышлений. Капитанчук заявил на свидании, что убедился в том, что его деятельность противоречила духу Евангелия.

По словам Капитанчука, он на следствии не называл никаких фамилий, но от него этого и не требовали — к моменту ареста следствие уже располагало всеми материалами.

У него была очная ставка с Якуниным. Капитанчук спросил у Якунина, имеет ли тот к нему "моральные претензии". Якунин на это поинтересовался, искренни ли "покаяния" Капитанчука; получив положительный ответ, Якунин сказал, что претензий к нему не имеет.

Капитанчук возлагал надежды на свою будущую религиозную деятельность. "Время воинствующего атеизма в СССР уже кончилось", — сказал Капитанчук.

После свидания, продолжавшегося около двух часов, Т. Капитанчук вернули изъятые у них на обыске магнитофонные кассеты, пленки, записные книжки, пишущую машинку, религиозные работы В. Капитанчука, три религиозные брошюры, изданные за границей.

* * *

Во время следствия Капитанчуку было предъявлено около двадцати документов Христианского комитета. Он признал, что в этих документах содержатся утверждения, ложность которых он сознавал в момент их составления. Например — о том, что имеются специальные зоны для верующих, которые переполнены баптистами и пятидесятниками, и что в СССР сотни и тысячи инакомыслящих лечатся в психбольницах от их убеждений. (Сами документы он клеветническими не признал.) Капитанчук утверждал, что никогда не был противником советской власти — он просто стремился исправить отдельные недостатки.

Находясь под следствием, Капитанчук, по предложению КГБ, написал в конгресс США письмо. В этом письме он просил не использовать документов, которые он подписывал, в целях, враждебных Советскому Союзу. Ему было предложено также высказаться в этом письме о Сахарове и дать оценку действий Т. Великановой. Он отказался.

* * *

8 и 9 октября Московский городской суд под председательством В.Г. Лубенцовой (она же судила Якунина — см. выше) рассматривал дело Виктора Афанасьевича Капитанчука (1945 г.р.), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель — ст. помощник прокурора г. Москвы Фунтов, защитник (назначенный) — адвокат Васильева.

Процесс проходил в помещении Московского городского суда (в зал кроме "спецпублики" пустили жену и брата подсудимого). Он снимался на киноплёнку и подробно описан в сообщении корреспондента ТАСС Матвея Белова, сделанном для заграницы.

Из этого сообщения:

... Виктор Капитанчук ... заявил: "Я полностью признаю себя виновным в том, что на протяжении 1975-1979 годов, проживая в городе Москве, в целях ослабления советской власти я в письменной и устной форме проводил антисоветскую агитацию и пропаганду".

Он также признал, что совместно с ранее осужденными Глебом Якуниным и Львом Регельсоном, а также другими лицами он систематически изготовлял, размножал и распространял материалы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Он признал себя виновным и в том, что в этот же период названные материалы он различными путями направлял для массового распространения на Запад, где они активно использовались антисоветскими организациями и пропагандистскими центрами в проведении враждебных акций против советского государства, о чем ему было известно еще до привлечения к уголовной ответственности...

"Я полностью признаю, — заявил сегодня на суде Виктор Капитанчук, — что своими преступными действиями я способствовал зарубежным антисоветским центрам и организациям в проведении враждебной деятельности против Советского Союза".

"Этими своими действиями, — сказал Виктор Капитанчук, — я причинил ущерб советскому государству и очень сожалею об этом".

Как следует из оглашенного сегодня обвинительного заключения, Виктор Капитанчук в ходе следствия полностью признал себя виновным в совершенном преступлении, заявил о чистосердечном раскаянии в содеянном, осудил проводимую им антисоветскую деятельность и отказался от ее продолжения.

Капитанчук передал сегодня суду заявление для печати и просил его опубликовать.

Сегодня на открытом процессе по уголовному делу Виктора Капитанчука состоялся допрос свидетелей.

В качестве свидетелей суд выслушал Льва Регельсона..., а также Назаренко, Шадрину, Приходько и других. ...

Свидетели в своих показаниях подтвердили участие Капитанчука в подготовке и распространении таких антисоветских материалов, как "Заявление для прессы в связи с вступлением в НАИС" от 19 октября 1977 года, а также писем и заявлений от 4 января, 18 мая 1978 года и 4 февраля 1979 года.

В этих материалах, приобщенных к делу, содержатся клеветнические измышления о якобы планомерно проводимых в СССР "по-

литических репрессиях", утверждения о будто бы незаконном привлечении в разное время к уголовной ответственности лиц не за конкретные преступления, а за их политические или религиозные убеждения.

В этих и других письмах и обращениях, фигурирующих в деле Капитанчука, присутствуют ложные утверждения, будто бы в Советском Союзе органами власти по отношению к отдельным лицам применяются "психиатрические репрессии" и в психиатрические больницы якобы преднамеренно помещаются заведомо здоровые люди за их убеждения и подвергаются там истязаниям. В других материалах он клеветал на Конституцию СССР, грубо извращал политику советского государства и КПСС в отношении религии и церкви, отрицал демократизм развитого социалистического общества, подвергал грубым нападкам конституционные права советских граждан.

Как следует из представленных суду доказательств, Виктор Капитанчук поддерживал отношения с рядом иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, и иными враждебно настроенными к СССР гражданами капиталистических государств, в частности с журналистами Валь, Кентом, Ле-Галем, Милетичем, Майденсом, Рузйном, Реппертом, Сэттером, Свеберг, Хостал, Хуттером, Шиплером, Эвансом и другими. С их участием Капитанчук неоднократно устраивал в Москве у себя дома и на квартирах своих единомышленников сборища, где распространял клеветнические документы и комментировал их содержание, а также выступал с устными заявлениями, в которых клеветал на советский государственный и общественный строй, и передавал названным иностранным журналистам для широкого распространения на Западе поставляемые им материалы указанного характера.

В результате преступных действий Капитанчука издательством антисоветского "Вашингтонского исследовательского центра" было выпущено и распространено на Западе более 10 сборников на английском и русском языках с материалами, порочащими советский строй, которые активно использовались империалистическими кругами США и ряда западноевропейских стран, а также зарубежными антисоветскими организациями и подрывными центрами для осуществления враждебных Советскому Союзу акций и вмешательства в его внутренние дела.

Подсудимый подтвердил, что через Якунина и Регельсона он поддерживал преступные отношения с редактором "Вашингтонского исследовательского центра" Дейкиным. "Между мной и Якуниным, — сказал Капитанчук, — была договоренность о том, чтобы все изготовленные нами документы о положении верующих в СССР направлялись в адрес Дейкина".

Протоколы осмотров архивных уголовных дел, копии решений судов и другие приобщенные к уголовному делу Капитанчука ма-

териалы проверки в отношении отдельных лиц, которые упоминаются в сфабрикованных им материалах как якобы невинно пострадавшие за свои убеждения, свидетельствуют, что эти лица были привлечены к уголовной ответственности и осуждены обоснованно, за совершение конкретных уголовных преступлений (хищение государственного имущества, незаконное хранение оружия и т.д.), а распространенные Капитанчуком сведения о них являются клеветническими.

Суд рассмотрел выписки из историй болезней и сообщения психиатрических учреждений в отношении тех лиц, на которых Капитанчук ссылается в своих фальшивках. Из этих документов видно, что утверждения Капитанчука о якобы имевших место в СССР "психиатрических репрессиях" носят клеветнический характер, так как указанные им лица действительно длительное время страдают душевными заболеваниями и в связи с этим проходили лечение в психиатрических больницах, врачи-психиатры из московских психоневрологических диспансеров, допрошенные в суде в качестве свидетелей, полностью опровергли домыслы Капитанчука и подчеркнули, что его клеветнические измышления порочат деятельность советских психиатрических учреждений.

...

В ходе открытого судебного процесса над Виктором Капитанчуком отмечалось, что своим поведением, полным признанием своей вины как на следствии, так и в суде, подробными показаниями об обстоятельствах своих преступных действий он способствовал установлению истины по делу...

В своем последнем слове Капитанчук заявил: "В совершенном преступлении я полностью раскаиваюсь, свою преступную деятельность осуждаю и со всей ответственностью заверяю органы следствия и суда в том, что в будущем подобной деятельностью я заниматься никогда не буду, а своим трудом стану стремиться загладить тот ущерб, который я причинил советскому государству и народу."

Приговор — 5 лет условно. Капитанчук был освобожден в зале суда.

* * *

В 1967 году Капитанчук окончил химический факультет Московского университета. В последнее время он работал зав. лабораторией Всероссийского художественного научно-реставрационного центра.

В 1965 г. Капитанчук крестился.

О совместной деятельности Капитанчука, Якунина и Регельсона в 1971-1979 гг. см. в разделах "Суд над Якуниным" и "Суд над Регельсоном".

В 1978 г. в самиздатском журнале "Община" № 2 (Хр. 57) была опубликована статья Капитанчука "Онтологическая проблема в русской софиологии".

СУД НАД ОГОРОДНИКОВЫМ

С 3 по 7 сентября Калининский областной суд рассматривал дело Александра Иоилевича Огородникова (1950 г.р.), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР.

Огородников был арестован 21 ноября 1978 г. (Хр. 51) и приговорен к 1 году лагерей общего режима за "тунеядство" (Хр. 52). По истечении срока заключения он не был освобожден из-под стражи — против него возбудили новое дело (Хр. 55). В знак протеста Огородников объявил голодовку, которую к началу суда держал уже более ста дней. У Огородникова вырезана селезенка; он страдает также язвой желудка. Он очень слаб. Из зала суда его выносили на руках.

В первый день в зал суда, заполненный "спецпубликой", пропустили только мать Огородникова. Его отцу и жене было заявлено, что они вызываются в суд в качестве свидетелей. Друзей Огородникова также не пустили на процесс.

В начале первого заседания суда Огородников заявил ходатайство о том, чтобы из зала суда "вывели всю эту сволочь" и впустили туда его друзей. Суд отклонил это ходатайство. Тогда Огородников заявил ходатайство об отводе суда. Оно также не было удовлетворено. После этого Огородников поблагодарил адвоката и отказался от его услуг. Адвокат покинул зал заседания. Затем суд постановил удалить из зала мать Огородникова. (Причина "Хронике" не известна.) Огородников крикнул: "Мама, не уходи, я порежу себе вены!" Милиция вывела мать Огородникова из зала.

На третий день Огородников появился в суде с бинтовой повязкой на шее; около здания в этот день дежурила карета "Скорой помощи". В этот день матери Огородникова разрешили присутствовать на процессе и допросили его отца и жену; после допроса им позволили остаться в зале суда.

"Спецпублика" вела себя настолько враждебно по отношению к Огородникову, что судья вынужден был удалить из зала нескольких человек.

Огородникову инкриминировали участие в издании журнала "Община", распространение там- и самиздата и "устную антисоветскую агитацию".

В качестве свидетелей на суд были вызваны В. Пореш и В. Попков, ранее, на суде над Порешем (Хр. 57), уже рассказавшие об участии Огородникова в издании журнала "Община". Были допрошены также знакомые Огородникова, подтвердившие, что он, проживая в Москве, давал им читать "литературу". Заключение из лагеря, где Огородников отбывал срок за "тунеядство", положительно охарактеризовали обвиняемого, но показали, что он вел антисоветские разговоры. Свидетельница М. Тимонина показала, что Огородников пытался ее изнасиловать. На

суде говорилось, что Огородников, живя в Свердловске (он там учился в университете), "сожительствовал с несовершеннолетней". Был также зачитан акт судебно-психиатрической экспертизы, в котором указывалось, что Огородников "вменяем, но патологически истеричен".

Защитительная речь Огородникова продолжалась 5 часов.

Огородников был приговорен к 6 годам лагерей строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет.

* * *

23 сентября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 141, посвященный суду над А. Огородниковым. В документе говорится:

...

Возбуждение дела и арест в 1980 г. (правильно — в 1979 г. — Хр.), в последние дни отбывания наказания за "тунеядство", — это противозаконный способ продления срока наказания...

Жестокий приговор Александру Огородникову убедительно свидетельствует о намерении властей полностью разгромить движение за свободу вероисповедания.

ДЕЛО О ЖУРНАЛЕ "ПОИСКИ" (Хр. 52-57)

Самиздатский журнал "Поиски" начал выходить весной 1978 г. На обложке выпуска 1-2 была объявлена редакция: П. Абовин-Егидес, В. Абрамкин, Р. Лерт, П. Прыжов (Хр. 51). В следующих выпусках в качестве членов редколлегии были указаны В. Гершуни (Хр. 51), Ю. Гримм (Хр. 52) и В. Сокирко (Хр. 52). В выпуске 6 вместо П. Прыжова указан Г. Павловский.

В январе 1979 г. у редакторов и сотрудников "Поисков" прошла серия обысков в рамках дела № 46012/18-76 (Хр. 52). В апреле того же года Московской городской прокуратурой было начато следствие по делу № 50611/14-79 — делу о журнале "Поиски" (Хр. 53). В следующие месяцы участники издания "Поисков" подвергались допросам, задержаниям, обыскам и т.д. — вплоть до административного ареста (в августе 1979 г. — Гримм) и помещения в психбольницу (Гершуни — Хр. 57).

4 декабря 1979 г. был арестован Валерий Абрамкин (Хр. 55), которого еще весной следствие объявило "заложником" (следователь Ю.А. Бурцев грозил арестовать Абрамкина, если выйдет 6-й номер журнала). 23 января 1980 г. были арестованы Юрий Гримм и Виктор Сокирко (Хр. 56). Всем арестованным было предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

31 декабря 1979 г. были пущены в самиздат шестой, седьмой и восьмой номера "Поисков". В № 8 редакция объявила о приостановлении издания (Хр. 56). Арест Гримма и Сокирко был произведен уже после прекращения работы редакции.

В начале лета 1980 г. в Москве начал выходить новый машинописный журнал "Поиски и размышления" (Хр. 57). Анонимная редакция нового журнала, желая подчеркнуть, что он является преемником "Поисков", нумерует его выпуски двойной нумерацией — № 1 (9), № 2 (10) и т.д. К настоящему времени вышло четыре номера этого журнала.

* * *

Квалифицируя статьи журнала "Поиски" как клеветнические, следствие ссылается на "отзывы", подписанные директором Института философии АН СССР, доктором философских наук, проф. В.С. Украинцевым, сотрудниками того же института — доктором философских наук, проф. Е.Д. Модржинской и кандидатом философских наук П.Ф. Казиным, зав. сектором источниковедения Института истории АН СССР, доктором исторических наук Г.А. Труканом, доктором исторических наук О. Ржешевским из Института всеобщей истории АН СССР и директором Института международного рабочего движения чл.-корр. АН СССР Т. Тимофеевым. Эти отзывы были представлены в Московскую прокуратуру в ответ на письмо Ю.А. Бурцева следующего содержания:

Директору... Института... направляются номера... самиздатского журнала "Поиски".

Прошу дать оценку общественно-политическому направлению помещенных в журнале материалов, о чем составить справку и представить ее в прокуратуру г. Москвы для приобщения к имеющемуся уголовному делу.

В "справках", названных их авторами "рецензиями" или "заключениями", фигурируют такие формулировки, как "политически беззащитные маньяки", "возмутительная клевета", "шизофренический бред".

Сообщая общественности об участии ряда московских научных сотрудников в подготовке обвинения против арестованных членов редакции "Поисков", С. Каллистратова, Р. Лерт и Ф. Серебров 9 сентября в "Информации для печати" писали:

... Все это напоминает "кампании", "проработки" и процессы тридцатых-сороковых годов и свидетельствует об успешной регенерации в академической среде "ученых" типа Вышинского, Лысенко, Певзнера и прочих подобных.

Надеемся, что советские и зарубежные деятели науки по достоинству оценят внеслужбное рвение их поименованных выше коллег. ...

* * *

8 августа Бурцев допросил Олега Курганского (Хр. 56). В ответ на вопрос о знакомстве с Гриммом, Сокирко и Абрамкиным Курганский объяснил, что знаком только с Гриммом, познакомился с ним у суда

над Шаранским. Ни "Поисков", ни другого самиздата Гримм ему не давал. Искать машинистку для журнала Курганский Гримму не помогал. К деятельности СМОТа Гримм его не привлекал — он сам этим интересовался. Статей Гримма об Олимпиаде он не видел, а устно Гримм выражал желание уехать на время Игр на дачу. Курганский еще раз (ранее, в феврале, его допрашивали по этому поводу на работе) подтвердил свое авторство статьи о его задержании 10 декабря 1978 г. и заявил, что дал ее в самиздат сам, без участия Гримма.

11 августа филологу Григорию Крейдлину позвонили из отдела кадров ВИНТИ, где он работает, и попросили его на следующий день, в 5 ч. вечера, зайти к ним. В тот же день, 11 августа, к его жене обратились с ее работы с идентичной просьбой. 13 августа по постановлению Бурцева у Крейдлиных провели обыск. Во время обыска Алла Крейдлина, растерявшись, назвала человека, для которого она печатала на их машинке письмо в защиту Бахмина, написанное бывшими соучениками Бахмина по МФТИ.

* * *

Только 20 августа дело Абрамкина — Гримма — Сокирко было разделено на три дела.

* * *

Виктору Сокирко угрожали переквалифицировать обвинение на ст. 70 УК РСФСР. В апреле его водворяли в карцер; из карцера его возили в гостиницу, где с ним беседовал какой-то экономист. В июле Сокирко передал следователю заявление о том, что если его имя и работы (клеветнического их характера Сокирко не признал, хотя и не отрицал возможного наличия ошибок) будут использоваться за рубежом во вред стране, то он это осудит. В августе он заявил следователю об отказе от "самиздатской деятельности". 3 сентября Сокирко подписал

Заявление для печати
от гражданина СССР Сокирко

Как мне стало известно, в некоторых зарубежных западных средствах массовой информации появились сообщения обо мне как о "жертве советского режима". В связи с этим я должен сообщить следующее:

Многие годы по глубокой убежденности я занимался деятельностью, порочащей советский общественный и государственный строй. К сожалению, отдельные мои статьи использовались западными противниками в ущерб нашей стране. Осознав антиобщественный характер моей деятельности, я осуждаю ее и готов искупить свою вину перед народом честным трудом на благо нашей Родины. В связи с этим я категорически запрещаю использовать мои работы и имя во враждебных моей стране целях или для ведения против нее психологической войны.

Данное заявление с моего согласия может быть опубликовано в советской печати, АПН и на телевидении.

(Этот текст — результат многократных переделок июльского заявления Сокирко.) 4 сентября Сокирко был освобожден до суда под подписку о невыезде.

* * *

4 сентября Абрамкин и его адвокат Аксельбант отказались продолжать ознакомление с делом, поскольку Абрамкин не был освобожден из-под стражи по истечении девяти месяцев.

5 сентября С. Каллистратова, Р. Лерт, Е. Гайдамачук (жена Абрамкина), Ф. Серебров, И. Ковалев и В. Гершуни направили открытое письмо Генеральному Прокурору СССР с требованием "немедленного освобождения Валерия Абрамкина", где указывали, что содержание Абрамкина в тюрьме является "не просто нарушением закона, а прямым преступлением ответственных лиц Бутырской тюрьмы", подпадающим под ст. 126 УК РСФСР ("Незаконное лишение свободы").

В тот же день следователь Бурцев по согласованию с пом. прокурора г. Москвы В.Ю. Смирновым направил в юридическую консультацию № 16 (место работы Аксельбанта) постановление о прекращении дальнейшего ознакомления Аксельбанта с материалами дела Абрамкина. В постановлении говорится, что прекращение Аксельбантом ознакомления с делом "следствие рассматривает как ставящее целью умышленное затягивание предварительного следствия" и "фактический отказ от защиты", поскольку "заявленное им (и Абрамкиным) ходатайство не является основанием для прекращения ознакомления с делом", а "фактически установленный срок содержания Абрамкина под стражей" истек не в 8 ч. 20 мин. 4 сентября (как указано в ходатайстве), а на 9 ч. 55 мин. позднее. О причине содержания Абрамкина под стражей сверх максимального установленного законом срока в постановлении ничего не говорится, однако указывается, что "прокуратурой г. Москвы возбуждено ходатайство о продлении срока содержания под стражей В. Абрамкина до 4 ноября 1980 г." (В нарушение существующих правил ходатайство перед Президиумом Верховного Совета было возбуждено Бурцевым 26 августа, т.е. за девять дней, а не за месяц до конца девятимесячного срока. Кроме того, оно не было завизировано Прокуратурой СССР.)

Постановление Бурцева было обжаловано Аксельбантом в прокуратуру РСФСР. С 15 сентября Аксельбант ушел в очередной отпуск, в связи с чем Е. Гайдамачук написала заявление в суд с просьбой отложить разбирательство до его возвращения.

1 октября в ответ на открытое письмо от 5 сентября зам. начальника следственного управления прокуратуры РСФСР Комаров сообщил "Е. Гайдамачук и другим", что "в отношении следственных работников, не обеспечивших окончания следствия к надлежащему сроку, приняты необходимые меры".

В обвинительных заключениях всем троем редакторам инкриминировались изготовление и распространение номеров журнала "Поиски" (Абрамкину — выпуски с 1-2 по 7, Гримму и Сокирко — с 4 по 7; последнему были предъявлены также и другие обвинения — см. "Суд над Сокирко"). 8-й номер журнала не упоминается совсем — видимо, в распоряжении следственных органов его не было. Как клеветнические квалифицировались следующие публикации журнала:

— все статьи В. Сокирко (подписанные как его фамилией, так и псевдонимом "К. Буржуадемов"); статья В. Абрамкина о суде над А. Гинзбургом (Хр. 50) и его интервью "Читателям "Поисков" (совместно с П. Егидесом); заметка Ю. Гримма "То ли еще будет" (о заключении его на 15 суток);

— статьи Р. Лерт "Двоеперстие или двоемыслие", "Поздний опыт"; все статьи Г. Павловского и П. Прыжова; все статьи П. Егидеса (две из них совместно с П. Подрабинеком);

— статья В. Тамарина "25 лет без Сталина по сталинскому пути"; публикация воззвания арестованных участников Совещания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в 1918 г.; работа М. Байтальского "Религия и государство"; "Неполитические письма" П. Растина; книга А. Кузнецова "Бедность народов"; "Заметки о пессимизме" М. Гефтера; статья В. Кувакина "Социальное обеспечение"; эссе Г. Померанца "Сны земли"; "Что у кого почва" Понырева; отрывки из произведений Г. Владимова и В. Войновича; "РД-3" Г. Снегирева (под этим названием в "Поисках" № 6 публиковались его предсмертные записки — см. Хр. 52); "Интервью" В. Черных; статья Р. Пименова о выставке Илы Глазунова; "Рок за решеткой" Р. О'Коннора; публикация воззвания С. Шагина "Уважаемые товарищи по крови!"; "О неслучайных декабристах" В. Репникова; Открытое письмо редакции "Поисков" в редакцию китайского независимого журнала "Искания"; публикация "Хартин-77".

СУД НАД СОКИРКО

29 и 30 сентября Московский городской суд под председательством Н.А. Байковой (она же судила Вяч. Бахмина — см. выше) рассматривал дело Виктора Владимировича Сокирко (1939 г.р.). Обвинитель — прокурор Т.П. Праздникова (она же участвовала в суде над Бахминым). От назначенного адвоката Сокирко отказался. Процесс проходил в помещении Московского городского суда. В зал пустили кроме "спецпублики" жену и двух друзей Сокирко. (Сокирко по собственной инициативе составил список знакомых — "недиссидентов", которых он хотел бы видеть в зале. Из этого списка следствие оставило двоих.)

Сокирко инкриминировалось участие в изготовлении и распространении №№ 4-7 журнала "Поиски" (см. выше), а также составление (под

псевдонимом "К. Буржуадемов") сборников "В защиту экономических свобод" №№ 1-6 (Хр. 49, 56; 7-й номер не ставился Сокирко в вину).

Во время предварительного следствия на псевдоним "К. Буржуадемов" была произведена экспертиза, хотя Сокирко от него не отказывался.

Ходатайство подсудимого о вызове на суд специалистов — авторов отзывов на журнал и сборники было отклонено. (На сборники дал отзыв директор Института экономики АН СССР Капустин.)

На вопрос "Признаете ли Вы себя виновным?" Сокирко ответил: "Ответ на этот вопрос для меня сложен. Он сформулирован в моем заявлении, которое я зачитаю". После этого он прочитал заявление, подписанное им 3 сентября (см. выше).

(Во время переговоров со следствием, перед выходом из тюрьмы, Сокирко договорился с неким "куратором" — по словам этого "куратора", он не из КГБ, что в ответ на вопрос "Признаете ли Вы себя виновным?" он прочитает это заявление и, сославшись на него, откажется от последнего слова. Текст заявления "куратор" вручил Сокирко в метро, перед самым судом; по просьбе "куратора" Сокирко добавил в название заявления "в суд" и изменил под ним дату.)

Судья. Суд должен определить, признаете ли Вы свою вину полностью, частично или отрицаете.

Сокирко. Я настаиваю на том, что мой ответ содержится в зачитанном заявлении, и прошу его занести в протокол. Устно же я поясняю, что свою вину осознаю лишь в той части, что мои работы были использованы за рубежом во враждебных стране целях, но обвинения в клевете я не признаю, не понимаю.

Судья. Значит, Вы признаете свою вину частично, а текст Вашего заявления мы приобщим к протоколу.

В судебном следствии Сокирко подтвердил свое участие в редакции "Поисков" и составление сборников "В защиту экономических свобод". Сокирко подчеркнул, что им руководило сознание своей гражданской ответственности (в том виде, в каком он ее тогда понимал). "Свои соображения, — отметил Сокирко, — я неоднократно высказывал и в письмах, направленных как в руководящие органы страны, так и в советскую печать, но практически ни разу не получал ответов по существу". Тревога за будущее страны побудила его стремиться к расширению круга лиц, участвующих в обсуждении острых экономических и нравственных проблем нашего общества.

В то время Сокирко считал, что судебные преследования за самиздат — "род судебных ошибок". По его мнению, то, что следственные и судебные органы в подобных делах "уделяли очень мало внимания" аргументированному доказательству наличия клеветы, — "нехорошая традиция".

Сокирко высказал уверенность, что клевета и дискуссия "логически, а следовательно, и юридически несовместимы". Он указал на открытость издания "Поисков", на уверенность членов редакции в законности своего предприятия и настаивал на том, что обвинение неверно называет журнал и сборники нелегальными.

В техническую сторону издания "Поисков" Сокирко не входил; со многими публикациями журнала он был несогласен, но клеветы в них не усматривает; об идее переиздания номеров журнала на Западе знал и не возражал; о том, что журнал передается за границу, также знал. Вообще к связям с Западом "относился настороженно, сторонился их, но считал их неизбежностью". Денежных субсидий из-за границы журнал не получал.

В отношении своих "экономических" сборников Сокирко показал, что фактически он был их единственным составителем и распространителем на территории Москвы. Когда зашла речь об обсуждавшейся в сборниках проблеме спекуляции (К. Буржуадемов считает, что спекуляция играет положительную роль в экономике страны), прокурор Праздникова спросила:

— Значит, Вы выступали против закона? А закон есть волеизъявление народа...

Сокирко. Я считаю, что законы надо реально выполнять. Но оспаривать их в идейной форме вполне возможно.

...

Прокурор. Кто и где делал ксерокопии? Ведь ксерокопии без официального разрешения не делают.

Сокирко. Сейчас стало обыкновенным — делать ксерокопии с художественной литературы. Художественный самиздат распространен. Так что мои сборники были в ряду этих книг и вопросов не вызывали. Конкретно же, кто делал, я и тогда не помнил — постарался забыть, а сейчас — тем более.

Прокурор. Значит, на этот вопрос отказываетесь отвечать?

Сокирко. Считайте, что отказываюсь.

...

Прокурор. Кому давал читать сборники? Великановой давал?

Сокирко. Великановой давал, а каким образом получили Белановский, Абрамкин, Померанц, не знаю. Возможно, что и от меня.

В ходе судебного следствия были допрошены В. Сорокин, М. Яковлев, В. Томачинский, Т. Петрова (машинистка, печатавшая статьи Сокирко), его начальник по работе во ВНИИНефтемаш А. Шмидт, Г. Авдеева и Е. Полишук.

Виктор Сорокин (Хр. 52, 54-56) охарактеризовал Сокирко как "честного, вдумчивого человека", никогда не позволявшего себе "заведомо ложных суждений". Сорокин заявил суду, что журнал "Поиски" не содержит и в принципе не может содержать "заведомо ложных фактов" — в нем "сданы гласности мнения и оценочные суждения, которые не могут быть клеветническими "по определению".

Далее Сорокина допрашивали об обыске, проведенном у него 25 января 1979 г. (Хр. 52), и о показаниях, которые, согласно протоколу допроса, он дал 26 января.

В протоколе допроса было, в частности, записано, что 3-й номер "Поисков" он читал у Абрамкина, 4-й номер он видел только в момент изъятия его у Майковой, пришедшей к Сорокиным во время обыска, а 5-й но-

мер печатался в его квартире. В конце следующего допроса Сорокин заявил, что дезавуирует протоколы обоих допросов, т.к. показания записываются обобщенно и толкуются расширительно, а сами допросы проводятся с многочисленными нарушениями УПК.

Отвечая на вопросы суда, Сорокин сказал, что допрос 26 января был не допросом, а "беседой", лично у него 4-й номер "Поисков" не изымали и показаний о том, что 5-й номер "Поисков" печатался у него на квартире, он не давал. Свою подпись под протоколом допроса Сорокин не признал.

(В приговоре суда отмечено, что показаниям Сорокина в суде, "где он отрицал размножение у него на квартире журнала "Поиски" № 5", судебная коллегия не доверяет, "поскольку от прежних показаний Сорокин отказался безмотивно". При чтении приговора никакого частного определения в отношении Сорокина оглашено не было. Однако 4 ноября Московская городская прокуратура вынесла постановление о привлечении Сорокина к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 181 УК РСФСР ("Заведомо ложное показание", срок — до 1 года лагерей). В следственном деле Сорокина фигурировало "определение судебной коллегии Мосгорсуда" о возбуждении против него уголовного дела по ст. 181.)

Сославшись на свое право и обязанность, согласно ст. 283 УПК РСФСР, рассказать все, что ему известно по существу дела, Сорокин потребовал у суда сообщить ему, в чем обвиняется Сокирко. Суд ответил, что это — "не его дело". После окончания допроса судья Байкова не позволила Сорокину остаться в зале.

Михаил Яковлев (Хр. 53-55) показал, что номер "Поисков", который у него изъяли на обыске, он получил не от Сокирко. Он отказался ответить на вопрос, от кого он узнал о существовании журнала.

Свидетель В. Томачинский (Хр. 56) заявил, что он читал все выпуски журнала до 7-го и не обнаружил в них клеветы. В ответ на вопрос, где он взял их, Томачинский выразил надежду, что суд не станет заниматься политическим сыском. С Сокирко Томачинский не знаком и дома у него не был.

Петрова показала, что она встречалась с Сокирко с апреля 1979 г. 10 мая 1979 г. ее вызвали в милицию и заставили написать заявление о том, что она печатает для Сокирко материалы, содержащие клевету. Ей велели "продолжать контакты", в частности — договориться с Сокирко о получении новой порции материалов для перепечатки и назначить для этого встречу. Во время этой встречи Сокирко был задержан и обыскан (Хр. 53).

Шмидт дал Сокирко положительную рабочую характеристику.

Были зачитаны показания соседа Сокирко по лестничной площадке, преподавателя МАДИ В. Конькова (сам он находился во время суда в заграничной командировке). В них повествуется, как однажды, гуляя с собакой, он поднял голову и увидел в окне квартиры Сокирко свет от кинопроектора. Кроме того, к супругам Сокирко постоянно приходили люди, которые выходили курить на лестницу. Среди них были женщина,

которую он, подумав, определил для себя словом "еврейка", и молодой человек, который называл ее "мамой". Чтение этих показаний шло под еле сдерживаемый смех присутствующих, в том числе и "спецпублики".

Прокурор просил приговорить Сокирко к условной мере наказания.

В ходе судебного разбирательства Виктор Сокирко старался не полемизировать с обвинением. Однако, выступая в роли защитника, он, не будучи уже связанным договором с "куратором", разобрал обвинительное заключение и показал юридическую несостоятельность обвинения в клевете. В частности, касаясь одного из пунктов обвинения, он указал, что текст, приписываемый ему как автору сборника "В защиту экономических свобод" и квалифицированный как клеветнический, на самом деле является отрывком из книги Брежнева "Целина". "В таком случае, — заметил Сокирко, — его место рядом со мной" (в перерыве "куратор" сделал Сокирко выговор).

В заключение Сокирко сказал:

... Я ... сознаю свою большую вину перед государством в части того ущерба, которое нанесло ему использование моего имени и работ за рубежом во враждебных целях.

... Мне придется, поскольку я сам осуществляю свою защиту, самому и перечислить все смягчающие вину обстоятельства:

1. Я никогда не действовал по злому умыслу, а мог лишь искренне ошибаться, будучи уверенным, что выполняю свой гражданский долг, чтобы избавиться от чувства острой тревоги, мучимый ответственностью за будущее своей страны и своих детей.

2. Я всегда старался оставаться на патриотических позициях, поэтому всегда очень сдержанно относился к проникновению наших работ на Запад, как к неизбежности, хотя и стоял в принципе за свободный обмен информацией и идеями. Как подтверждает обвинение, экономические сборники, составленные мною, были распространены только в пределах г. Москвы. Попав в нынешнюю ситуацию, я сделал заявление, запрещающее использование моих работ и имени во враждебных стране целях.

3. Я дал обязательство впредь не заниматься самиздатом и исключить повторение подобных ситуаций.

4. Я всегда отличался неплохой работоспособностью, трудолюбием, это подтверждают все характеристики с работы, в том числе и данная следствию. И я прошу, чтобы мне дали возможность нормальным трудом восполнить причиненный ущерб.

5. У меня большая и очень хорошая семья, четверо детей на иждивении. Озабоченность их судьбой в очень большой степени диктовала все это время мои решения и поступки.

Даже если вы не найдете справедливыми все мои аргументы защиты, то я очень прошу суд вынести мне наказание, которое бы не отрывало меня от нормальной работы и от детей. Потому что в других случаях моя семья будет наказана больше, чем я сам.

От последнего слова Сокирко, в соответствии с соглашением, отказался. Судья удивился. Тогда Сокирко еще раз попросил назначить ему наказание, не отрывающее его от семьи.

Из приговора:

...

С заявлением Сокирко, что помещенные в журнале "Поиски" и сборниках "В защиту экономических свобод" и исследованные в судебном заседании материалы заведомо клеветническими не являются, судебная коллегия не может согласиться по следующим причинам.

Так, в судебном заседании подсудимый Сокирко пояснил, что с содержанием некоторых материалов, помещенных в журнале "Поиски", одним из редакторов которого он являлся, он не был согласен, хотя и не возражал против их опубликования. Это объяснение Сокирко подтверждает его умысел на изготовление и распространение в печатной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Это обстоятельство подтверждается также и показаниями Сокирко, данными им в суде по поводу написанной им в сборнике "В защиту экономических свобод" № 3 статьи "Заключительный анализ контрдоводов в дискуссии и покаяние К. Буржуадемова", в которой он признает, что в написанных им ранее статьях имело место неправильное освещение некоторых сторон нашего государства вследствие того, что в вопросах, которые затрагивались в этих статьях, у него не было ясности. Вместе с тем, Сокирко и после этого продолжал писать и публиковать статьи по экономическим вопросам клеветнического характера.

Помимо этого, подсудимый Сокирко показал, что отказался выступить на семинаре, где обсуждался проект новой Конституции СССР, сославшись на то, что его выступление дезорганизует работу семинара. Этот факт также свидетельствует о понимании Сокирко заведомо ложного характера написанного им, а также других материалов, которые помещались в журнале "Поиски" и сборниках "В защиту экономических свобод".

...

Все это дает основание для вывода о том, что Сокирко, как автор и редактор "Поисков" и сборников "В защиту экономических свобод", помещал в них материалы, содержащие заведомо ложные измышления...

...

Подсудимый Сокирко подтвердил все фактические обстоятельства совершенного им преступления, представил суду заявление, в котором указал, что осознал антиобщественный характер своей деятельности и осуждает ее.

По месту работы и месту жительства Сокирко характеризуется положительно, имеет четырех несовершеннолетних детей.

Суд приговорил Сокирко к трем годам лишения свободы условно.

Сокирко окончил МВТУ им. Баумана.

В 1961 году был исключен из ВЛКСМ за "неубежденность в марксизме-ленинизме, клевету на советскую действительность и неправильное понимание товарищества" — отправка письма с критикой программы КПСС и отказ назвать тех, с кем он разговаривал на эту тему.

В 1973 г. Сокирко был осужден Московским городским судом на 6 месяцев исправительных работ за отказ дать показания по делу Якира и Красина (Хр. 29).

В 1974 г. — предупрежден "по Указу" об ответственности за распространение самиздата и показ диафильмов "тенденциозного" содержания.

Под псевдонимом "К. Буржуадемов" выпустил книгу "Очерки растущей идеологии (Антигелбрейт)", изданную затем на Западе (Хр. 20).

В 1976-78 гг. под тем же псевдонимом составил три дискуссионных сборника обсуждений призыва А.И. Солженицына "Жить не по лжи".

В 1977 г. написал открытое письмо Л.И. Брежневу и А.Д. Сахарову о проекте Конституции (Хр. 46-47).

В 1978-79 годах Сокирко выпустил семь сборников "В защиту экономических свобод", в 1978 г. вошел в редакцию "Понсков".

В январе 1980 г. обратился с письмом к Л.И. Брежневу с "Прошением о выводе войск из Афганистана" (Хр. 56).

СУД НАД АБРАМКИНЫМ

24 сентября Московский городской суд под председательством судьи Евстигнеевой начал рассматривать дело Валерия Федоровича Абрамкина (1946 г.р.). Обвинитель — прокурор Острцова, защитник (назначенный) — адвокат Ефремов. По ходатайству Абрамкина, не успевшего ознакомиться с делом, суд был отложен до 1 октября. (К этому времени Гайдмачук заключила с Ефремовым договор о защите мужа.)

Следующее рассмотрение дела Абрамкина проходило с 1 по 4 октября. Процесс проходил в помещении Московского городского суда.

За несколько дней до начала процесса друзья Абрамкина направили в суд заявление с просьбой предоставить им возможность присутствовать при разбирательстве дела, но не получили ответа. Тогда они направили жалобу на имя прокурора РСФСР. 4 октября друзья Абрамкина, находившиеся в здании суда (22 человека), направили в суд заявление, в котором потребовали, в соответствии со ст. 18 УПК РСФСР, обеспечить их присутствие в зале во время оглашения приговора. По окончании заседания, на которое никто из них допущен не был, четырнадцать человек из числа написавших первое заявление составили "Акт" о том, что, несмотря на своевременный приход, никто из них не был допущен ни на одно заседание суда по делу Абрамкина. Таким образом, "формально открытый процесс был, по существу, превращен в закрытый". После

окончания рабочего времени суда милиционеры, несмотря на продолжающееся слушание дела Абрамкина, выгоняли его друзей на улицу, а там предлагали "разойтись".

3 октября комендант суда отобрал у Гайдамачук портативный магнитофон, который она хотела пронести в зал.

1 октября Абрамкин заявил суду ряд ходатайств:

- Вызвать в качестве свидетелей С. Сорокину, Р. Лерт, М. Гефтера, С. Белановского, В. Кучерова, В. Жуликова, Т. Замяткину (Хр. 54) и начальника Абрамкина по работе Захарова (для проверки выданной на работе характеристики, в которой упоминается допущенный прогул, хотя Абрамкин писал заявление, что пропустил этот день из-за смерти близкого друга).

- Отложить суд еще на неделю, т.к. за дополнительное время с 24 сентября по 1 октября дело ему привозили всего два раза и он не смог прочесть оставшиеся 1000 страниц.

- Предоставить свидание с женой для урегулирования вопроса о защитнике.

- Изъять из дела протокол его допроса, снятого следователем Жабным, поскольку в этот протокол кем-то вписана фраза, в которой Абрамкин признает свою вину. По этому же поводу Абрамкин ходатайствовал о вызове адвоката Аксельбанта и Жабина.

Для окончания ознакомления с делом суд устроил перерыв на три часа. Остальные ходатайства суд отклонил, согласившись лишь вызвать С. Сорокину (вначале и это ходатайство было также отклонено на том основании, что вызван ее муж).

После чтения обвинительного заключения Абрамкин заявил, что не будет отвечать на вопросы суда, если ему не дадут окончить ознакомление с делом.

2 октября Абрамкин заявил суду, что в тюрьме у него были изъяты выписки и другие бумаги по делу, а без них он не может участвовать в процессе — "осталось кляп в рот". Судья сказала, что суд не имеет отношения к этому, однако на следующий день она предоставила время с 10.00 до 12.30 для дальнейшего ознакомления с делом и выписками. Изъятые записи частично (без основного листа) Абрамкину вернули 3 октября.

Свидетельница Рубашева заявила, что с Абрамкиным не знакома. В феврале 1979 г. у Рубашевой был сделан обыск. Согласно протоколу обыска, у нее изъяли архив, данный ей на хранение Егидесом, а также "Поиски" №№ 1-2. Рубашева рассказала, что к ней на работу явились без ордера и повестки и повезли ее домой. Там забрали рюкзаки с бумагами и увезли без описи и протокола, руководствуясь, по-видимому, чутьем (обыскивавшие вышли на балкон и сказали: "Здесь пахнет антисоветчиной"). Лишь на следующий день Рубашеву вызвали в милицию и дали подписать протокол. На суде Рубашева подтвердила, что подписала протокол, но она не знает, соответствует ли он изъятому у нее.

Свидетель Н. Касаткин (ранее Егидесу и Гершуни, с которыми познакомился на "книжной почве", представлялся Розановым) показал, что заходил в сторожку церковного двора, где видел Абрамкина. Там было темно и находились какие-то люди. Кто-то (он не помнит, что это был именно Абрамкин) дал ему почитать номер "Поисков", предложив вернуть по прочтении Абрамкину или любому другому сторожу. Журнал Касаткину не понравился — литературно слабый и с антисоветской направленностью. Касаткин также показал, что его не приглашали участвовать в журнале, но просили помочь с его размножением. Он отказался.

Абрамкин заявил, что видит Касаткина впервые и что в сторожку тот никогда не заходил. Он потребовал вызвать старосту Антиохийского подворья и сторожей.

Свидетеля В. Сорокина (ср. "Суд над Сокирко") допрашивали больше часа.

Судья. Место работы?

Сорокин. Согласно ст. 282 УПК РСФСР, для установления личности достаточно паспортных данных. Могу назвать и вторую причину — возможность незаконных преследований после того, как место работы станет известно официальным органам, в чем я неоднократно убеждался.

...

Судья. Скажите, свидетель, был ли у Вас обыск 25 января 1979 г.?

Сорокин. На основании ст. 283 УПК РСФСР, мое право и обязанность — сначала рассказать все, что мне известно по существу дела.

Судья. В этом нет необходимости. Отвечайте на поставленный вопрос.

Сорокин. На основании ст. 283... (повторение).

Судья. Слушаем.

Сорокин. По существу данного дела я сказать ничего не могу, поскольку судом нарушена ст. 270 УПК РСФСР: заранее вызванный свидетель обязан и имеет право присутствовать на открытии судебного процесса.

Судья. Тогда отвечайте на конкретные вопросы.

Сорокин. На основании ст. 283... (повторение). Это мой гражданский долг. Поскольку суд отказывается мне сообщить, в чем обвиняется Абрамкин, я вынужден исходить из сведений, полученных мною из разговоров с окружающими.

Судья. То Вы говорите, что Вам не известно существо дела, то — известно.

Сорокин. Я хотел бы знать официально сформулированное обвинение.

Далее Сорокин дал характеристику Абрамкину как работнику (в течение нескольких сезонов они вместе работали в лесхозе) и как человеку, который в принципе не способен ни к фальши, ни к лжи, ни к клевете.

Сорокин. Как редактор Валерий критически подходил к любой информации. Так, например, получив сведения, что политические процессы в СССР являются закрытыми, он приходил к зданию суда и убеждался в достоверности этого факта лично.

Дальнейшие попытки Сорокина охарактеризовать "Поиски" прокурор прерывала вопросами об обыске, произведенном у него 25 января 1979 г. Сорокин отказался отвечать на эти вопросы и от продолжения дачи показаний, сославшись на допущенные судом нарушения Конституции и УПК. Прокурор потребовала возбудить против Сорокина уголовное дело за отказ от дачи показаний. После этого Сорокина выдворили из зала, а суд удалился на совещание.

Пока судьи совещались, в комнату для свидетелей зашел некий субъект. (Яковлев узнал в нем человека, который допрашивал его в милиции при задержании в ноябре 1979 г.; тогда он не представился. 24 сентября он находился в здании суда и утверждал, что он — Бурцев. Однако свидетели, которым приходилось не раз встречаться со следователем Бурцевым, категорически считают это утверждение неправдой.) Он попытался отозвать Яковлева в сторону; когда же это ему не удалось, стал запугивать свидетеля прямо при всех. "Учти, Миша, — сказал он, — против Сорокина уже возбуждено уголовное дело. Так что подумай об этом, прежде чем давать показания". Больше ничего он сказать не успел. Томачинский выскочил в коридор и закричал (в зале суда был слышен этот крик): "Я требую председателя суда! Только что в этой комнате было совершено преступление!" Пока милиционеры и штатские заталкивали Томачинского обратно в комнату, неизвестный испарился.

В комнате кроме Яковлева и Томачинского находились еще Гайдамачук, Малиновская и Сорокина. Все они изложили происшедшее в заявлении на имя председателя Московского городского суда. В заявлении содержалось требование привлечь преступника к уголовной ответственности "за недопустимое давление на свидетелей перед дачей свидетельских показаний путем запугивания". С аналогичного устного заявления суду Яковлев, Томачинский и Сорокина начали впоследствии свои показания.

На совещании, длившемся около двадцати пяти минут, суд решил пригласить Сорокина продолжить свои показания.

Судья. Скажите, свидетель, был ли у Вас обыск?

Сорокин. А какой же тут секрет? Конечно, был. Есть документ, свидетели... И даже не один, а целых два обыска — 25 января и 4 декабря 1979 г.

Прокурор. А что у Вас изъяли?

Сорокин. Брали все подряд: туалетную бумагу, фотоэкспонетр, экспонированную пленку, на которой отснят ребенок Абрамкина. Всего унесли три мешка. Отбирали восемь часов, на просмотр дали всего несколько минут.

Далее следуют вопросы председателя и прокурора по материалам обыска.

Сорокин. Давать показания против самого себя отказываюсь.

На вопросы, касающиеся его "показаний" на следствии, Сорокин ответил, что он сделал в протоколе второго допроса заявление о том, что считает оба допроса недействительными ввиду целого ряда нарушений УПК, и попросил зачитать его. Сначала суд отказался это сделать, но Абрамкин настоял на том, чтобы упомянутое заявление зачитали.

Так как следователь категорически отказывается сообщить мне факты и обстоятельства, в связи с которыми я вызван на допрос, я не могу знать, на какие вопросы я обязан отвечать. Следователь не сообщил мне — кем, когда и где было совершено преступление. Поскольку запись, сделанная в протоколе первого допроса, получена путем многократного сжатия информации, я считаю мои показания на обоих допросах недействительными.

Сорокин (поясняет). Допрос, который длился около четырех часов, был после этого записан на четырех-пяти страницах. Вопросы следователя не записывались, так что не представляется возможным понять, к чему относится тот или иной ответ. Так, например, шел разговор о сталинских репрессиях и материалах XX съезда, о Хармсе и материалах по Хармсу. Следователь не указал, какие именно материалы принес Валерий — материалы XX съезда или материалы о Хармсе, оставив лишь "материалы принес Валерий". В ответе на вопрос, кто является членом редколлегии журнала, следователь опустил мои слова "как сообщила радиостанция "Немецкая волна".

Судья (зачитывает выдержки из протокола первого допроса). "Журнал был создан как дискуссионный с целью предоставить возможность всем желающим высказаться по проблемам, которые волнуют всех..."

Сорокин. Это соответствует действительности.

Судья. "3-й номер журнала я читал у Абрамкина".

Сорокин. Это не соответствует действительности. Я говорил, что видел его у Абрамкина.

Судья. "5-й номер журнала печатался на моей квартире".

Сорокин. Это абсолютно не соответствует действительности, и этого я в принципе не мог сказать.

Прокурор. А как у Вас в квартире оказалась "Хартия-77"?

Сорокин. Понятия не имею. А вообще, "Хартия-77" — документ, который имеется в каждом порядочном доме.

Заседатель. А где Вы читали номер журнала?

Сорокин. Как "где"? В общественной библиотеке.

Заседатель. А не могли бы Вы сообщить нам адрес этой библиотеки?

Сорокин. Нет! Туда разрешается вход только честным людям.

После того, как Сорокин ответил на вопросы адвоката, председатель заявил, что он может быть свободен.

Сорокин. На основании ст. 283 УПК РСФСР я обязан и имею право находиться в зале до окончания судебного следствия.

Судья. Вывести его из зала!

На вопрос судьи свидетелю В. Томачинскому, был ли у него обыск и какой номер журнала "Поиски" был у него изъят, Томачинский достал и передал суду и адвокату заявление:

Я являюсь постоянным подписчиком журнала "Поиски".

Я находился в постоянном контакте с редколлекцией — и в ходе критики относительно направленности и содержания журнала,

постоянно доводимой мной до сведения редакции, я имел возможность косвенным образом прояснить для себя не только те цели, которые редакция предавала огласке путем публикаций, но и те неявные, может быть, не всегда осознаваемые самими издателями побуждения, которые лежали в основе их предприятия.

Как свидетель я могу говорить только о корпоративных результатах деятельности Абрамкина — члена редколлегии, но не об Абрамкине-деятеле или Абрамкине-человеке, ибо никогда до сегодняшнего дня я не видел Валерия Абрамкина.

Журнал "Поиски" содержит немало публикаций, на мой взгляд, литературно слабых или неумных, или неинтересных. Есть в нем и вещи уникальные по своей художественности и поразительные по силе воздействия — таковы, например, "Пир Валтасара" и предсмертные записки Гелия Снегирева.

Хочу особо остановиться на клевете, распространяемой в нашей стране и за рубежом журналом "Поиски".

Эта клевета содержится в одном из последних номеров журнала — 12-м или 13-м, точно не помню, и имеет явную цель опорочить наш общественный строй. Клеветнические материалы, опубликованные в "Поисках", называются "Идеологическая экспертиза по делу № 50611/14-79" и подписаны пятью фамилиями — Тимофеев, Украинцев, Модржинская, Ржешевский, Трукан.

В этих академических рецензиях на первые семь номеров журнала "Поиски" нашел применение весь классический несессер клеветников-профессионалов: от подтасовок текста путем выдергивания обрывков фраз до всех пяти разновидностей ложных доказательств и даже до разрушения синтаксиса — т.е. до абсурда.

Впрочем, эта клевета не имеет отношения к В. Абрамкину, как к источнику, а только как к ее объекту.

(Томачинский, видимо, отождествляет журнал "Поиски" и журнал "Поиски и размышления".)

Томачинский попытался прочитать свое заявление, но ему не дали закончить чтение.

Заседатель. Вы сказали о клеветнических материалах, опубликованных в "Поисках"?

Томачинский. Да. Эти материалы были составлены четырьмя институтами и содержат клевету на журнал.

После передачи заявления Томачинский заявил, что уже давал показания на процессе Сокирко, но теперь он отказывается от показаний "ввиду стеснившейся обстановки".

Судья. А где можно подписаться на журнал "Поиски"? Значит, существуют организации по подписке? Кто в них состоит?

Томачинский. Томачинский, а кто еще — не знаю.

Бывшую жену Абрамкина Ирину Малиновскую допрашивали недолго — в основном, по протоколу допроса на предварительном следствии, где она говорила якобы, что Абрамкин выражал недовольство советским

строим. Малиновская сказала, что она этого не говорила. Протокол же содержал пробелы и был написан неразборчиво. Ее спрашивали об отношении Абрамкина к их сыну, об алиментах. Малиновская сказала, что к сыну он относится хорошо, по поводу помощи у них есть договоренность.

Свидетель Яковлев был единственным, чье заявление о "преступлении в комнате для свидетелей" вызвало некоторую реакцию у суда:

Судья. Ведь Вы же даете те показания, какие хотите дать?

Яковлев. Да.

Судья. Тогда где же здесь давление?

Яковлев. Если Вас избили без синяков, то это не означает, что Вас не били.

В конце концов выяснилось, что Яковлев не может назвать фамилию шантажиста; под этим предлогом судья прекратил обсуждение вопроса: "Факт запугивания свидетеля судом не установлен".

Яковлеву предъявили его показания, снятые в милиции при задержании (Хр. 55). В этих показаниях говорится, что Абрамкин давал ему читать "Поиски" (3-й номер) и по предложению Абрамкина он отдал в "Поиски" несколько своих произведений. На суде Яковлев сказал, что таких показаний давать не мог, так как в них содержится ряд грубых "накладок". Например, искажено название одного из его рассказов; его литературный псевдоним записан неверно ("Алиятов" вместо "М. Лиятов"). Пьесу свою ("Какой-нибудь Мендоса" — "Поиски" № 1-2) он в журнал не отдавал, как она туда попала — не знает, о публикации узнал по "Голосу Америки", его ли подпись стоит под протоколом милицкого допроса — не знает тоже.

Судья. Давал ли Абрамкин Вам журнал "Поиски"?

Яковлев. Нет.

Судья. Как же "нет", когда в Ваших показаниях...

Яковлев. Я не давал этих показаний.

Адвокат задал вопрос, читал ли Яковлев протоколы своих допросов. Тот сказал, что, возможно, проглядел там это место. Адвокат просил охарактеризовать Абрамкина — Яковлев дал положительную характеристику.

Несмотря на протесты Яковлева, после дачи показаний его выдворили из зала.

Свидетельница Сеитхан Сорокина (Хр. 52) заявила суду, что читала все восемь номеров журнала "Поиски" и ни в одном не нашла клеветы. Журнал этот, по словам Сорокиной, является "поисками" различных путей для обмена мнениями, для публикации собственных работ, для выражения своих убеждений. "Я думаю, — сказала она, — что суд объективно рассмотрит это дело и не даст повода предполагать, что в нашей стране преследуются слово и мысль... Выпуск журнала не противоречит и Конституции, ... осуществляется в интересах государства — личной выгоды издателям от его выпуска нет... Я считаю Абрамкина невиновным и в знак симпатии и уверенности в его победе при любом исходе дела преподношу ему эти цветы", — и Сорокина положила на барьер букет.

Сорокину, как и ее мужа, допрашивали, в основном, по материалам обыска, произведенного у них в доме: о машинках, копирке, бумаге. Сорокина подтвердила, что она является сотрудником журнала "Поиски". На этом основании она отказалась отвечать на вопросы, касающиеся технической стороны дела.

Абрамкин задал Сорокиной вопросы об эпизоде в комнате для свидетелей и подробностях проведения обысков у Сорокиных. Сорокина подробно рассказала о многочисленных процессуальных нарушениях во время первого обыска: не пронумеровывались страницы изымаемых текстов, в обыске участвовали не представившиеся и не отмеченные в протоколе лица, после обыска в доме пропало много ценных книг. Второй обыск сопровождался еще более грубыми нарушениями: ордер был выдан на предыдущее число, взломали дверь, не давали вносить замечания в протокол, обзывали хозяев дома "антисоветчиками" и "агентами ЦРУ", понятия не читали протокола, им ни разу не были объяснены их права и обязанности. Протокол этого обыска Сорокины не подписали.

Абрамкин. Поскольку в деле имеется Ваше (Сорокиной — Хр.) заявление о выходе из партии и выступление на партсобрании, я хотел бы по этому поводу задать вопрос...

Судья. В обвинительное заключение это не вошло.

Абрамкин. Но это находится в деле, значит, имеет отношение к делу. А если это имеет отношение к делу, то я имею право задавать вопросы...

Судья. Ну, мало ли что находится в деле.

Абрамкин. Если Вы считаете, что это не имеет отношения к делу, то прошу изъять этот материал из дела.

После окончания допроса Сорокина села в зале на скамью, но к ней тут же подошел человек в штатском и вывел из зала, несмотря на ее громкие протесты и апелляции к судье. Он также вышвырнул букет (конвой запретил Абрамкину взять цветы).

Екатерину Гайдамачук прокурор спросила о зарплате Абрамкина. Гайдамачук ответила, что не интересовалась этим.

Судья. Кто у вас ведет хозяйство?

Гайдамачук. Вместе.

Судья. Платит ли Ваш муж алименты за первого ребенка?

Гайдамачук. Да, помогает.

Судья. Читали ли Вы журнал...

Гайдамачук. Отказываюсь отвечать по этическим нормам, т.к. подсудимый — мой муж.

Судья. Вы говорили на предварительном следствии...

Гайдамачук. Я послала заявление, что мои показания искажены.

3 октября суд еще раз отклонил многочисленные ходатайства Абрамкина, в том числе: разрешить свидание с женой; пустить в зал всех желающих (мотив отказа: "В этом нет необходимости, т.к. суд открытый"); изъять из его дела "Поиски" № 1-2, фигурирующие как изъятые на обыске у Рубашевой, так как данный экземпляр принадлежал ему и у Рубашевой оказаться не мог; приобщить к делу заявление Е. Гайдамачук, на-

писанное ею после допроса в феврале (о том, что ее показания на следствии были неверно зафиксированы — не Абрамкин “давал” ей читать журнал, а она сама его читала; Е. Гайдамачук получила письмо, что ее заявление приобщено к делу, но на суде выяснилось, что это не так); предоставить книги “Программа КПСС” и “Мы и планета”, где содержатся цифры об экономическом положении СССР (мотив отказа: “Абрамкин — грамотный, с высшим образованием и опытом редакторской работы”); изъять из дела материалы обысков у Сорокиных в связи с многочисленными нарушениями УПК, допущенными при их проведении.

Были зачитаны показания, которые дал на предварительном следствии Олег Курганский. На первом допросе он сделал заявление, в котором говорилось, что члены редакции “Поисков”, по его впечатлениям, преследуют корыстные цели. П.М. Абовин-Егидес, например, стремился уехать из СССР и сколачивал себе политический капитал (П.М. Егидес эмигрировал в январе 1980 г. — Хр. 56). Из-за всего этого он, Курганский, отказался от предложения печататься в “Поисках”. На втором допросе Курганский показал, что его “заявление” было сделано под давлением следователя.

Суд отклонил ходатайство Абрамкина о вызове в суд Курганского и авторов “актов экспертиз” (так суд именовал “справки” академических институтов) и об оглашении документов, фигурирующих в деле, в первую очередь статей из “Поисков” и упомянутых “актов”.

В ответ на вопрос прокурора, предупреждали ли его об ответственности, Абрамкин подробно и в красках рассказал, как его задержали в Голубой бухте, “искали рацию”, держали в плавках под дулом автомата, предъявили документ с грифом “опубликованию не подлежит” и в конце концов пригрозили, что вывезут в степь с трехлетним ребенком и оставят там ночевать (Хр. 42, 43), как его предупредили, что он никогда не найдет работы больше, чем на 70 рублей (Хр. 43), и как Бурцев предупредил его, что если выйдет 6-й номер, то его посадят.

Прокурор Острцова нервничала, перебивала, требовала не распространяться, а прямо отвечать на вопрос (почти на все вопросы Абрамкин отвечал: “Сейчас я скажу, а на вопрос отвечу потом”), заявила, что он специально заявляет ходатайства, чтобы затянуть суд (народный заседатель при очередном ходатайстве Абрамкина измученно произнес: “Уже 36-е!”).

4 октября Абрамкин сделал еще ряд ходатайств: об отводе суда (перечислил все нарушения законности в суде, заявил, что у судьи есть личная заинтересованность в приговоре по конъюнктурным и карьеристским соображениям — за ее спиной стоят другие; остальной состав суда и прокурор — также в связи с их личной заинтересованностью); о возбуждении уголовного дела против следователя Бурцева и “специалистов” за оскорбление и клевету; о назначении экспертизы — философской, исторической, фактологической, т.к. отзывы специалистов даже не зачитывались. Все ходатайства были отклонены, за исключением ходатайства о свидании с адвокатом наедине — оно было предоставлено Абрамкину в перерыве, но не на два, а на один час.

После отклонения ходатайств начались прения сторон. Прокурор потребовала для Абрамкина максимального по ст. 190-1 наказания: три года лагерей. Содержание речи — пересказ обвинительного заключения. Она предложила снять обвинение в распространении "Поисков" № 6 и № 7 (они вышли после ареста Абрамкина) — суд не согласился с этим.

Адвокат обратил внимание суда на тот факт, что обвинение целиком построено на так называемых "отзывах специалистов". Но отзывы эти никак не оформлены юридически: их называют то "актами", то "справками", то "заключениями". Эти "акты-справки-заключения" даже не зачитывались вслух в судебных заседаниях. Стало быть, эти документы не имеют никакой доказательной силы. "Не доказана также субъективная сторона преступления", — сказал адвокат. Сам Абрамкин своей вины не признает, никто из свидетелей тоже не подтвердил "умышленность клеветы". По этим соображениям адвокат считает необходимым просить суд оправдать Валерия Абрамкина за недоказанностью обвинения.

Затем Абрамкин более двух часов произносил свое последнее слово. (В просьбе предоставить ему трехдневный перерыв для подготовки суд отказал.)

Он подвел итог многочисленным нарушениям закона во время следствия и призвал суд вынести частное определение о привлечении к уголовной ответственности следователя Бурцева и "специалистов-ученых" — за оскорбление и клевету. Абрамкин отметил, что ксерокопированный экземпляр следственного дела, присланный в суд, содержит бракованные листы (суд удостоверил, что эти листы прочесть невозможно, но отказался испрашивать у Прокуратуры исправный экземпляр). А ведь может быть, сказал Абрамкин, эти листы содержат существенные для обвинения или защиты материалы. Он напомнил суду, что его практически лишили возможности ознакомиться с делом, отстранив от этой процедуры адвоката Аксельбанта. У него отобрали записи, правда, потом их вернули, но без наиболее существенных листов — тех, на которых он готовил опровержение "заключений специалистов". Авторы "заключений" не вызвали в суд, сами "заключения" не зачитывались, а ведь они — основа обвинения. Ходатайства не удовлетворялись, свидетелей удаляли из зала суда, фактически процесс шел при закрытых дверях. В суде фигурировали показания свидетелей на предварительном следствии, которые, как выяснилось, были записаны расширительно и с искажениями. Заявление его жены о неправильной трактовке ее показаний не приобщено к делу. Свидетеля Курганского отказались вызвать в суд, а между тем есть основания полагать, что из его показаний изъят один лист — конец одного листа и начало другого не стыкуются между собой. С Касаткиным он, Абрамкин, вообще не знаком.

Когда Абрамкин сказал, что сейчас он перейдет к самому главному — анализу инкриминируемых ему материалов, его начали торопить. Судья заявила, что последнее слово дается подсудимому, чтобы он обращался к суду с просьбами: "Вот Вы и должны просить". Абрамкин резко ответил, что просить он никого и ни о чем не собирается, и продолжил свое выступление.

Абрамкин попытался сформулировать ответ на вопрос "Что такое клевета?". Согласно определению Абрамкина, клевета — это ложь, имеющая целью кого-то или что-то опорочить. Он подробно разобрал это определение, показывая на примерах, что каждый признак клеветы играет существенную роль, является необходимым. (Это заняло много времени, так как Абрамкина постоянно прерывали.) В частности, оценочное суждение, по Абрамкину, не может быть клеветой, т.к. является выражением чьего-то субъективного мнения.

Затем он перешел к разбору конкретных материалов.

Статья Тамарина "25 лет без Сталина по сталинскому пути" содержит не утверждения, а лишь оценочные характеристики, даваемые с марксистских позиций.

То же касается и послесловия Егидеса к главам из книги Генерального секретаря Компартии Испании Сантьяго Каррильо. В нем содержится оценка с марксистских позиций этой, к сожалению, не переведенной у нас книги.

Статья П. Прижова "Третья сила" писалась во время обсуждения проекта новой Конституции. К этому обсуждению призывали весь народ — а значит, и автора статьи, который выполнил свой гражданский долг, высказав свои соображения по поводу проекта...

На этом месте речь Абрамкина оборвалась: судьи, не говоря ни слова, встали и удалились для вынесения приговора.

Суд приговорил Абрамкина к трем годам лагерей общего режима.

* * *

5 октября Абрамкин написал в тюрьме письмо:

Друзья! Братья и сестры! Милые мои!

Большое спасибо вам за те прекрасные, радостные, праздничные дни, что вы так великолепно выстроили в грустную судебную пору моего заточения.

Десять месяцев за глухой стеной в полметра толщиной должны были напрочь отделить меня от всего, что составляет жизнь человека: его родных, близких, друзей, от его дела, его работы, его любви и привязанностей, от живого слова, живых людей. Но и сюда, и даже в 1,5 месяца одиночества в камере смертников, доходили до меня отзвуки происходящего на воле. 6-8 номера "Поисков", выступления в защиту арестованных членов редакции, письма, заявления, телеграммы, которыми были завалены и следствие, и тюремная администрация, январский вечер с нашими старыми "лесными" программами... Ну, а то, что Катюша не останется в трудную минуту без помощи и поддержки, — в этом я не сомневался.

Отзвуки отзвуками, а все-таки я сильно скучал: 10 месяцев не видеть близких, дорогих лиц, не слышать голоса друга, не поговорить, не поспорить...

И вот суд. Долгие, томительные, тошнотворные часы в зале судебного заседания, под равнодушными взглядами дрессированных

“представителей общественности”. (Там, в этой топкой гнильце, маленький островок надежды и отчаяния: мои родители, сестра, позже и Катюша.) Выматывающие, отнимающие последние силы шмоны, ругань вертухаев, сбивающая дыхание теснота бокса, горькие рассказы случайных попутчиков из Бутырки, перед которыми собственная беда кажется мелкой и ничтожной, снова бокс, еще более тесный и сумрачный, в подвале Мосгорсуда... конвой руки назад встать к стене лицом быстрее не смотреть не оглядываться не смотреть в сторону убрать руки с перегородки. Нудная перебранка за право сказать хоть что-то по делу. Поздним вечером снова воронок, Бутырка, вертухай, и как невозможного счастья ждешь (мечтаешь) своей камеры, шконки, дойти, добраться, провалиться, забыться... Да наваливается тяжким камнем бессонница и гудит голова: что? что можно сделать и сказать завтра? И не успеешь задремать – пять часов утра, залп кормушки – “Абрамкин, с вещами...” И это праздник? Да, праздник! И за те мгновения, когда выводили меня вечером из конвойки и я видел ваши лица и слышал ваши голоса, можно было бы заплатить и вдесятеро большую цену.

Ва-ле-ра! Господи, не знаю, как вам это удалось, но слышал я этот крик еще в первый день, 24-го, в подвале конвойки и, кажется, различил даже голос Виктора. Каким чудом проник на лестницу Глеб? Я успел помахать ему рукой... Совсем рядом было Танькино лицо (кто же такой там ее держал – не супруг ли? Поздравляю, Танечка!). А через дырочку глазка в воронке я успел встретиться взглядом с Сережей. Ну, а ежевечернее Володино “Валера” оглушало даже конвоиров. А был еще и букет васильков, переброшенный через забор к моим ногам (сбивались с шагу солдаты и осторожно перешагивали).

Каким счастьем был для меня день 2-го октября. Допрос свидетелей. Мужественное, спокойное поведение Виктора Сорокина, последовательность и логичность которого вывела из себя, до пены на губах, председательствующего, до срывающегося в лай крика прокурора. Даже дрессированная публика не выдержала своего номера и в открытую гоготала над судом. Ничего, ничего не смогли они сделать и с Мишей Яковлевым. Сколько пришлось ему, бедному, выдержать! Забрали 10-летний архив: рассказы, пьесы, повести, романы... Одесские и московские мытарства с хвостами, допросами, выдворениями из Москвы. Так не хватило, добавили еще угрозы в камере свидетелей. Мишка, твое удивительное спокойствие, тонкий юмор (мне, кажется, давно не было так смешно, с того самого времени, когда я читал твои рассказы) и то, как ловко ты сажал в лужу этих тупых служителей беззакония, – просто восхитительны. (Миша и Наташа, примите мои запоздалые поздравления, я рад за вас, ребята, доброй вам жизни!) А во время выступления Томачинского, казалось, все поменялось в этом зале, и в шкуре преступников съежились судьи и прокурор.

Я понимаю, как трудно было выступать на этом суде Ирине Малиновской, тем более убедительно, достойно и благородно представляется ее поведение. Вся чушь, нелепица, подложность следствия была проиллюстрирована Рубашевой. Нежданным-негаданным подарком оказалось появление в суде Сонечки Сорокиной. Помоему, это было самое блестящее выступление за весь суд и впечатление оно произвело на всех присутствующих (конвойные уже в воронке больше всего расспрашивали меня "про Сорокину"). Удивительное сочетание мягкости и пламенности, трогательности и убедительности. Сонечка, не расстраивайся: от твоего букета мне досталось несколько лепестков и прошел я с ними все шмоны, а в камере с моим единственным сокамерником, тоже возвратившимся с суда, долго не могли прийти в себя от изумления: не помялись, не засохли, не потеряли живой трепетности и запаха, цвета эти лепестки. Настоящее сказочное чудо!

Следственная липа — Касаткин, бледный, трясущийся, прячущий глаза... Нет, он мне не мог испортить праздник. Ах, жалок он был и ничтожен, настолько жалок и ничтожен, что я не смог терзать его убийственными вопросами и отпустил без покаяния.

Слушал я вас, ребята, и думал: ну почему, почему я лучше всех? Всех... Всех... Всех... Может быть, на Марсе и есть кто-нибудь лучше меня, а на Земле? Нет, нет, на Земле лучше никого не найдете... Не обижайтесь, ребята, но, честно говоря, расхвалили вы меня чрезмерно. А вдруг я все это всерьез приму, а? Это что же будет: зек с крылышками? и какой тогда нужен будет конвой? А впрочем, ладно. Втихаря признаюсь, что я и летать умею, рассказывать дальше не буду — все равно никто не поверит.

За все время процесса я чувствовал помощь и поддержку и вашу, Раиса Борисовна, Михаил Яковлевич, Петр Маркович, Глеб, Володя, Виктор и Юра... Вашу, Сережа Ходорович, Арина Жолковская, Витюша... Вашу, Феликс и Вера Серебровы, Игорь Мясковский, Володя Кучеров, Сережа Белановский, Валерий Жуликов, Танечка Замяткина... Простите, ребята, не буду перечислять всех, но каждого из вас в отдельности я помню и люблю. Не считите это за громкие слова, но именно благодаря вам я горжусь тем, что родился на этой земле и принадлежу к этому народу. Я никогда не определял и не высчитывал, много ли в России честных, порядочных людей. Какая разница: сотни или тысячи. Версиков у Достоевского, кажется, говорил, что ради одной сотни или тысячи таких людей, может быть, и нужна была вся наша история.

Мне приходилось выстаивать томительные часы у закрытых дверей "открытых" судебных процессов. Теперь двери закрылись за мной. Четыре дня шел судебный процесс. Значит, есть личный опыт и можно сравнивать. И я не преувеличу, если скажу, что здесь, на скамье подсудимых, и легче, и проще. Еще раз спасибо вам, ребята, за все...

В последний день, когда суд переписывал приговор, в окно с грохотом и звоном влетел кирпич. Перепуганный конвой вызвал подкрепление и были приняты все меры к тому, чтобы я вас не увидел и не услышал. Да ничего им не помогло. И снова были те прекрасные мгновения, когда нас не могли разделить железные ворота и стены.

До-сви-да-ния... Я мог, я должен был ответить вам. Ничем мне это не грозило, а один солдатик даже тихонько шепнул: "Ладно, крикни, ничего с тобой не сделают". Но проклятый комок кляпом забил горло, и не смог я выдать из себя ни слова.

До свидания... До свидания на воле. Храни вас Бог, товарищи мои.

5 октября 1980 года. Бутырка, камера № 19

8 октября Абрамкин написал в тюрьме еще одно письмо:

Редакторам, сотрудникам, авторам, читателям
и друзьям "Поисков"

Итак, закончился второй процесс по делу "Поисков". К сожалению, нет у меня никаких сведений от Юры Гримма, да и о Сокиркином процессе знаю я немного. Но закончилось ли дело против "Поисков"? И получит ли дело, начатое "Поисками", продолжение? В одной из последних встреч Бурцев сказал о дальнейших планах властей недвусмысленно: "Собственно говоря, и после ваших трех процессов дело № 50611/14-79 не будет закрыто, так что вакансии свободные есть". Что же касается второго вопроса — отвечать на него нам.

В том, какими способами велась борьба против нашего журнала, нет ничего принципиально нового. Удивляться можно только тому, что продержались мы так долго и даже выпустили восемь номеров.

С январских погромов 79-го года до конца августа 80-го следствие не представило нам (по крайней мере, мне) никакого обвинения, ни одного конкретного факта клеветы, ни одного примера: в таких-то материалах содержатся, по нашему мнению, клеветнические измышления. Обвинительное заключение, с которым я познакомился совсем недавно, не отступает от традиционной схемы: в таких-то произведениях такого-то номера содержатся такие-то клеветнические измышления, распространение которых нанесло ущерб международному престижу СССР. И все. Как будто для доказательства достаточно одной утвердительной части, аргументы излишни. Ни анализа, ни разбора, ни единой цитаты из "преступной работы".

Как в театре абсурда:

- Вы убили мальчика, поэтому вы — преступник.
- Но какого мальчика, когда и где?

- Какое это имеет значение, раз вы его убили.
- Но с чего вы взяли, что это я его убил?
- Вы преступник, поэтому вы его убили.
- Но почему я преступник?
- Потому что вы его убили.
- Кого его?
- Мальчика (и т.д. и т.п. до бесконечности).

Но откуда следует, что в данных журнальных материалах действительно содержатся такие-то утверждения? И потом, на основании чего можно судить, что эти утверждения клеветнические? и не соответствуют реальности? Эти вопросы вы можете ставить бесконечно долго. На них не отвечали раньше, не ответят и сейчас.

Суд забивал каждое слово, каждую попытку ставить вопросы по существу. Не прозвучало ни единого слова, ни единой цитаты из журнала (кроме названий статей). Обсуждение, исследование, расследование? Сыск, обычный сыск: где вы взяли, кому давали, куда положили, кто принес машинку, кто печатал? Моя попытка хоть вкратце изложить содержание работ (нетрудно было выяснить, что судьи наших журналов не читали) № 1-2 встретила озлобленный, захлебывающийся лай. А когда я продолжал, суд панически бежал в совещательную комнату, а из зала тут же удалили *всех* (а кого *всех*? согнанных Бог весть откуда "представителей общественности"?) присутствующих. Так торопились, даже не объявили, что я лишен последнего слова и что суд отправляется переписывать приговор...

А что он дал, этот процесс? Еще раз показано, КАК ОНИ НАС СУДЯТ? Но это не добавит ни единого штриха к давно и ясно представляемой картине лжи насилия беззакония произвола. Так зачем все это было нужно, ну вот хотя бы мне — зачем? Оставим в стороне все личные моменты: как отказаться от возможности после 10-месячного заточения увидеть лица близких, услышать голоса друзей. Я довольно подробно изложил в последнем интервью читателям "Поисков" все "за" и "против" участия в жалком судебном фарсе и как идеал сам же наметил логичное "нет" их жалким потугам претендовать на видимость судебного расследования, а в качестве достойного примера назвал поведение на суде Саши Подрабиника и Балиса Гаяускаса. Я был готов к такому повороту, решению, выходу из грязной игры, и хватило бы (поверьте) сил преодолеть личные моменты, связанные с присутствием на скамье подсудимых. Да и кто сказал, что это сложнее: получить свои три года, не мучая ни себя, ни близких своих и друзей.

Попробую объяснить "измену" ранее выработанным принципам. Было в нашем деле и нечто новенькое. Кажется, впервые к своей упряжке карательные органы попытались пристегнуть казенных идеологов. "Закключение специалистов", с которым я ознакомился при закрытии дела, давало повод к робкой надежде на диа-

лог, пусть с крайне урезанными правами для нас и по навязанным ими бесчестным правилам, но все же диалог. И в этой ситуации я не мог, не имел права отказаться от возможного спора (весьма наивно было предполагать с моей стороны такую возможность, но ведь и "Поиски" с такой же наивности начинались), возможности поисков взаимопонимания между полярными, далеко расходящимися силами нашего общества (да и силам-то этим не разойтись на одной земле и в одном народе). Но вот закончился суд, и проверены все надежды, и еще раз мы убедились, что в нашей стране диалог с ними *в принципе невозможен*. С глухонемыми можно общаться лишь на языке мимики и жестов. Так что проглоти свой язык и мычи, мычи, как учили тебя с детства, мычи и натягивай на лицо идиотскую улыбку и делай вид, что тебе это нравится, что ты счастлив: все нормально, прекрасно, изумительно ("как прекрасен этот мир – посмотри!"). Как легко быть таким бессловесным скотом, не хуже и не лучше других, вместе со всеми, заодно со всеми, шагать в ногу, упиваться единомыслием...

Вряд ли сами "специалисты" без указки сверху отказались явиться на суд. Скорее всего, и такой урезанный диалог был признан нецелесообразным. Но это не мое дело и не моя вина! Я честно подавал ходатайство за ходатайством, я соглашался ждать философов и историков в качестве ли специалистов, экспертов, в каком угодно, кого угодно, ждать хоть месяц, хоть год, сидя под стражей без суда. Не добившись самих казенных идеологов, просил зачитать их рецензии и обсудить. И из этих жалких опусов *ничего* не зачитали. Те, кто читал эти рецензии, пусть попробуют ответить на вопрос: почему? Ну, чем они-то могли быть опасными? Боялись тех передернутых и подтасованных цитат, что "выскребли" специалисты из нашего журнала? Того, что мне придется дать полслова сказать? Самое смешное, что, когда я пытался цитировать "заключение специалистов", прокурора и судей бросило в дрожь, и мне даже пообещали не рассматривать рецензии в качестве доказательства (если внимательность мне не изменила, в приговоре о специалистах ни слова). Ну, вот: пусть хоть слабое оправдание в "измене" заранее определенного принципа, но будет мне: я использовал *все* возможности добиться диалога. И не моя вина в том, что он не состоялся. (Хватит времени и везения, я все-таки попробую дать свой анализ этого примечательного документа.)

Кроме того, не избежал я соблазна показать, что незаконные творит свои дела незаконными же способами. Показания свидетелей, речи защитника и подсудимого (а еще более выступления прокурора и председательствующего) убедительнейшим образом показывают: в деле нет ни единого (даже с чисто формальной точки зрения) доказательства. Фальсификация, подлоги, обыкновенные фальшивки, юридическая безграмотность следствия, грубое пренебрежение основными процессуальными нормами, давление на

участников процесса (на свидетелей даже в ходе суда). Было сделано все, чтобы подсудимый не смог ознакомиться с материалами дела, лишили меня права на защиту, в ходе суда начали отбирать у меня (в СИЗО) выписки, которые я успел сделать, заранее подготовленные документы (следы изучения моих бумаг обнаружились потом в действиях председательствующего), лишили последнего слова. А что они смогли противопоставить нам? Ровным счетом ничего! Криминальность "Поисков" определялась, как метко заметила свидетель Рубашева, "по запаху". В результате даже этот суд не рискнул оставить в приговоре большинство "доказательств" из обвинительного заключения. Это было полное фиаско, безусловный разгром наших обвинителей. И я имею полное право поздравить вас с победой, друзья мои!

Уже в зале суда я прочитал заявление Лерт и Гефтера с просьбой допустить их на суд в качестве свидетелей. К сожалению, и их, и моя просьба были безосновательно отвергнуты судом. Но на процессе вы были рядом со мной, Райса Борисовна. И в ходе судебного следствия, в своем оборванном последнем слове я неоднократно пользовался выписками из наших статей в "Поисках" (перечитал их с удовольствием при ознакомлении с делом). Точно так же позицию защиты помогли мне обосновать статьи Михаила Яковлевича (особенно "Заметки о пессимизме"), Петра Марковича (основательно проработавшего правовые вопросы, выстроившего безупречную логическую систему аргументации), Глеба Павловского... Образцом и примером и в тюремные месяцы, и на суде служили мне стойкость и бескомпромиссность нашего Володи Гершуни. (Володя, пользуясь случаем, хоть с опозданием, поздравляю тебя с полувекowym юбилеем). Я постоянно чувствовал плечо и поддержку моих союзников Юрия Гримма и Виктора Сокирко. Убедительно выступили на суде сотрудники "Поисков" Виктор и Соня Сорокины... По понятным причинам вынужден оборвать этот далеко не полный список. Я счастлив, я горжусь, что мне выпала честь работать вместе с вами, мои дорогие друзья-коллеги!

Особо мне хотелось бы сказать о Викторе Сокирко. Я знаю, какому давлению подвергался он здесь, в тюрьме, в следственных кабинетах, знаю, чем ему грозили... В июне Виктор изложил мне свою позицию, я поддержал его и, в основном, одобрил. Не думаю, что те маленькие уступки, которые он вынужден был сделать под прессом следствия и суда, могут быть поставлены в вину этому мужественному и честному человеку. Виктор, я очень рад за тебя, за Лилию. Прошу, очень прошу тебя не терзать свою совесть из-за ложного понимания чувства солидарности. Поверь, мне было бы вдвойне тяжелее, если бы найденный нами совместно выход из той июньской ситуации был бы не реализован. И большое тебе спасибо... сам вспомнишь, за что. Да, прости меня за некоторые издержки тюремных неурядиц.

На суде я неоднократно заявлял, что являюсь одним из редакторов *легального* журнала "Поиски". Также говорил, что в мои обязанности не входило распространять журнал или отправлять его за границу. В своем последнем слове (оборванном) я намеревался уточнить, что, не занимаясь распространением, я, естественно, не был и не мог быть против чтения журнала нашими соотечественниками и ознакомления с ним людей, живущих за пределами СССР. Более того, я полагаю: распространение "Поисков" за границей служит делу взаимопонимания между различными странами, позволяет лучше понять наш народ и нашу страну, является реальным воплощением соответствующих статей Хельсинкских соглашений, устава ООН, ни в коей мере не может нанести ущерба России. Сказать этого мне не дали. Ну, что ж, я полагаю: здесь поставлены все точки над *i*, и нет повода для каких-либо недомолвок и неясностей. Я благодарен и признателен всем людям, принявшим участие в судьбе нашего детища. Большое спасибо за помощь и поддержку во всем людям доброй воли.

Дорогие мои друзья и коллеги! Говоря о только что закончившемся процессе, я, может быть, не совсем кстати поздравил вас с победой. Поражение следствия и суда (точнее, посрамление), конечно, безусловное. Но брать по большому счету — никакая это для нас не победа. И не потому, что срок... Не мне первому, не мне последнему отправляться на острова Архипелага. Просто не о таких победах мечталось, когда брались мы за наши "Поиски взаимопонимания". Не стоит и переоценивать значения нашего журнала. Положа руку на сердце, по качеству не успели выйти за средний уровень самиздатовской периодики. Заслугу "Поисков" можно видеть в том, что впервые была показана возможность *плодотворного сотрудничества* людей, далеко расходящихся по взглядам своим, по концепциям, по видимым способам решения проблем, стоящих перед нашим обществом. Нельзя сказать, что работалось нам легко и радостно. Чуть не на каждом номере схлестывались мы в жарких и не всегда корректных спорах, порой казалось, что не выдержит столь разнородное собрание людей заранее заданной совместности и разбежится по своим углам, своим направлениям. Марксисты в облака, почвенники назад, а буржуазные демократы в воду. Но не разбежались, не бросили с таким трудом начатое дело. Учились слушать и говорить друг с другом, и пусть не сблизились наши позиции (рассчитывать на это было бы наивным), главное: взаимопонимание, хотя бы между нами, становилось фактом реальным.

Как ни странно, коротенький период существования "Поисков" совпал с самым тяжелым, пожалуй, временем в истории дем. движения в нашей стране. Я имею в виду не обрушившиеся на правозащитников репрессии, не те жуткие преполюмбийские разгромы, которыми власти придавали такое значение в деле борьбы с независимым мнением, свободным неподцензурным словом (недаром в

"заключении специалистов" мелькает словечко: ликвидация...). Нам ли, понимающим, в какой стране мы живем и в каких условиях должны действовать, сетовать на методы, которыми тоталитарная власть расправляется с инакомыслием. Хуже другое. В последние годы правозащитное движение все более смещалось в сторону нетерпимости, болезненной отделенности, отстраненности различных составляющих его поток течений. Я не буду перечислять все факты и примеры. Недостойная некорректность со стороны отдельных людей и групп по отношению к Фонду помощи, Хельсинкской группе и даже жертвам беззакония, интриги и показательная активность, замешанная на тщеславии, непомерных амбициях, претензиях на лидерство со стороны некоторых "деятелей" и т.д. и т.п. Вам все это и без конкретизации памятно. Мне хотелось бы быть правильно понятым. Дем. движение в нашей стране изначально складывалось из разнородных направлений, и никакой беды в этом нет, наоборот, были бы губительными любые попытки стянуть пестрый спектр концепций в одну узенькую однотонную линию. Но разнородность совсем не предполагает чужеродности, догматической нетерпимости. Существовать мы можем в условиях данной социальной реальности лишь при условии координации своих действий, братской взаимопомощи, а развиваться — при условии того плодотворного сотрудничества порой совершенно полярных по своим концепциям течений, пример которому дали "Поиски". Как ни разнятся наши надежды на будущее России, у нас одна земля, один народ, одна беда, одна боль. Время ли сейчас заранее определять исключительность той или иной идеи в судьбе или истории нашей страны, когда под угрозой само существование, будущее России, без которых не будет ни судьбы, ни истории? Имеем ли мы право в этих условиях на безответственность, которая свойственна казенным идеологам, и на краю пропасти готовым бубнить: самое передовое, самое прогрессивное... самое научное... безусловные успехи... реальные права... ура-ура... ?

Условия, в которых я сейчас нахожусь, не дают мне морально-го права выступать сейчас с какими-либо определенными предложениями, подталкивать вас на те или иные конкретные действия. Мне просто хотелось бы надеяться, что дело, начатое "Поисками", получит достойное продолжение. Вот пока все.

Крепко обнимаю вас. Еще раз большое спасибо за помощь и поддержку. Ваш Валерий Абрамкин.

8 октября 80 г. Бутырка. Камера № 19

* * *

10 октября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 145 "Суд над Валерием Абрамкиным":

...

Процесс Абрамкина, длившийся в Московском городском суде *четыре дня*, в некотором роде является событием даже на фоне ставших уже бытовым явлением судебных процессов правозащитников в СССР.

Во-первых, Валерий Абрамкин осужден *только и исключительно* за попытку воспользоваться правом, формально предоставленным гражданам советской Конституцией, — правом на свободу печати. ... он в числе семи редакторов "Поисков" легально, насколько не скрываясь, издавал машинописный дискуссионный журнал, в котором высказывались различные (часто противоположные) мнения, суждения и оценки — как теоретических проблем, так и явлений нашей действительности...

Во-вторых, 34-летний инженер-химик, в последние годы вынужденный работать сторожем, не имеющий юридического образования и фактически лишенный нормальной защиты, в судебном заседании наголову разбил и следствие, и суд, и "отзывы" не явившихся на суд "специалистов".

... И именно за это — за живую, ищущую мысль — осужден на три года лагерей молодой, талантливый, полный сил и энергии человек, который много добра мог принести своей стране и которым страна могла гордиться.

...

28 октября Р.Б. Лерт написала статью "Мои не произнесенные свидетельские показания". В конце пятистраничной статьи Лерт пишет:

Я категорически протестую против того, что Валерия делают ответственным не только за свою, но и за мою работу. Я еще жива и обладаю всеми моими умственными способностями. У меня за плечами — сорокалетний опыт литературной деятельности в советской печати и более чем пятидесятилетний опыт члена КПСС, которым я перестала быть как раз в связи с "Поисками". Уже не думаете ли вы, что Валерий Абрамкин водил моим пером, когда я писала для "Поисков" свои статьи?

Почему же вы посадили на скамью подсудимых Абрамкина и не посадили рядом с ним меня? Я вам отвечу на этот риторический вопрос сама: потому что как раз моя биография не устраивает вас по статье 190-1. Подумайте же, если вы способны думать, почему уходят от вас люди, посвятившие свою жизнь созданию справедливого социалистического общества. И почему ваши репрессии, отнимающие у правозащитников здоровье, года жизни, иногда — саму жизнь, не могут отнять у них честь. Честь теряете вы — судьи.

* * *

Абрамкин окончил Московский химико-технологический ин-т им. Менделеева.

Шесть лет после института Абрамкин работает по специальности (физ. химия) в научно-исследовательском институте, имеет много публикаций в научных сборниках и отчетах.

В студенческие годы и позже Абрамкин — участник и организатор Московского клуба самодеятельной песни (КСП), где выступает в составе небольшой группы с программами на слетах КСП и в "агитпоходах". Это — композиции, составленные по документам и литературным произведениям (Пастернак, Хармс, поэма Галича "Кадиш").

В 1975 году разросшийся до нескольких тысяч человек КСП разбивается на "кусты", организуются мини-слеты этих кустов, на основе которых (уже отдельно от КСП) появляются "Воскресенья" — лесные встречи творческой молодежи (Хр. 41, 42). Здесь Валерий со своей группой показывает и композиции (Радищев, "Город солнца" по Кампанелле), и программы, написанные им самим ("Человек с керосиновой лампой", "Лошадь").

По материалам этих встреч создается альманах "Воскресенье". Валерий — один из его авторов ("Записки на другой стороне листа", цикл историй "Домик на сваях", статьи о творчестве Хармса, Введенского).

Кроме того, Абрамкин выпустил в самиздате сборник "Избранное" Даниила Хармса.

30 апреля 1976 г. Абрамкина предупредили об увольнении с работы в случае продолжения "Воскресений" (Хр. 43).

Сентябрь 1976 г. — обыск в Голубой бухте туапсинским отделом КГБ (на месте проведения отпуска) с предъявлением указа, предупреждающего об ответственности "за антиобщественную деятельность" (Хр. 42-44).

Октябрь 1976 г. — вынужденное увольнение, несмотря на незавершенность крупной работы (Хр. 43).

Вынужденный уйти в 1976 г. из науки под давлением КГБ, он с 1977 года работает рабочим в геофизической экспедиции, в строительной "шабашке", по расчистке леса, кочегаром, сторожем в храме.

С 1978 года Валерий — один из основателей и редакторов журнала "Поиски".

СУД НАД ГРИММОМ

8 и 9 октября Московский городской суд под председательством В.В. Богданова рассматривал дело Юрия Леонидовича Гримма (1938 года рождения). Обвинитель — Т.П. Праздникова (она же обвиняла Бахмина и Сокирко). Родные Гримма пригласили защитником адвоката Швейского, но перед процессом он ушел в отпуск. Суд назначил защитником Гримма адвоката Р.М. Бейзерова. Гримм отказался от назначенного защитника, однако суд не принял его отказа и не освободил адвоката от участия в деле.

Процесс проходил все в том же помещении народного суда Люблинского р-на г. Москвы (см. "Суд над Татьяной Великановой"). Из дру-

зей и родственников Гримма в зал пропустили только жену, сына и сестру. Недопущенные в зал суда ждали на улице. Милиция и дружинники вели себя корректно (если не считать систематической проверки документов).

В одном из ходатайств Гримм заявил следующее: его обвиняют в издании 4-7 номеров "Поисков" (т.е. тех выпусков, редактором которых он значился). На самом же деле он, с одной стороны, активно участвовал в выпуске 1-2 и 3 номеров журнала, не числясь еще членом редакции, а с другой стороны, не принимал, по договоренности с редакцией, никакого участия в выпуске 6 и 7 номеров. Гримм объяснил это тем, что непрерывная и плотная слежка лишала его возможности что-либо делать для "Поисков". Поэтому он просит суд изменить обвинение.

Не получив удовлетворения своих ходатайств, Гримм отказался от участия в суде, оставив за собой возможность произнести последнее слово.

Были допрошены свидетели О. Курганский, М. Яковлев, В. Сорокин и Н. Касаткин. В качестве свидетелей суд вызвал также Е. Гайдамачук и В. Томачинского, но те не явились.

Показания Касаткина — те же, что и на суде над Абрамкиным (только теперь он категорически утверждал, что журнал передал ему именно Абракин). Познакомился с подсудимым у Егидеса ("а Егидес — главный в их шайке"), потом поехали к нему (Гримму) домой (и Гримм, и его жена утверждают, что этого не было). Гримм просил его о помощи в размножении журнала.

Показания Яковлева — те же, что и на суде над Абрамкиным. Прокурор напомнила ему: против Сорокина уже возбуждено уголовное дело — против него может быть возбуждено аналогичное. Однако Яковлев не изменил своих показаний. (Дело против Сорокина было возбуждено лишь 4 ноября, против Яковлева — 4 декабря.)

Курганский, от которого обвинение также добивалось подтверждения первых его показаний на предварительном следствии, держался своей позиции: показания были даны под давлением (см. "Суд над Абрамкиным"). Давая показания, сообщил о последних судах и арестах.

Сорокин повторил свои показания на предыдущих судах: он рассказывал о грубых нарушениях закона, допущенных прокуратурой (Прокурор: "Вы слишком часто ссылаетесь на закон!"), охарактеризовал журнал "Поиски", охарактеризовал Юрия Гримма, после чего, сославшись на нарушения УПК (на этом и предыдущих процессах) и на Конституцию, отказался отвечать на любые дальнейшие вопросы по делу.

Прокурор. Что же тогда Вы нам тут целый час головы морочите, если не хотите давать никаких показаний?

Сорокин. Я воспользовался правом сказать все, что мне известно по данному делу.

Мнение прокурора: 3 года лагерей строгого режима (строгий режим потому, что Гримм имел судимость — см. ниже).

Мнение адвоката: оправдать за недоказанностью обвинения.

В последнем слове Гримм подробно остановился на следующих аспектах дела:

— Выделение его дела в отдельное производство из общего дела "Поисков". По мнению Гримма, это сделано для того, чтобы придать вес обвинениям против него лично. Деятельность шести-семи человек, непосильная для одиночки, инкриминируется каждому обвиняемому в отдельности. Для этой же цели весь второй том дела заполнен данными радиоперехвата — выписками из передач зарубежных радиостанций. Следствие настолько торопилось увеличить объем дела, что в обвинительное заключение попали, например, следующие пассажи: "В декабре 1979 г. Гримм распространил 7-й номер журнала". Факт распространения доказывается передачей радио "Свобода" от 28 сентября 1979 г.

— Гримм еще раз подчеркнул, что не участвовал в 6 и 7 номерах журнала, хотя на титульном листе и стояла его фамилия, а в вып. 1-2 и 3, наоборот, участвовал, хотя не был официально членом редакции. "Я как член редколлегии журнала и, в частности, член редколлегии 6-го и 7-го выпусков нисколько не снимаю с себя ответственности за материалы, находящиеся в этих номерах, — сказал он. — Однако я еще раз заявляю, что в 6-м и 7-м номерах не принимал участия".

— Особо Гримм коснулся судьбы своей статьи "То ли еще будет". Он сообщил, что написал эту статью не для публикации в "Поисках", а просто для самиздата. Он был поражен, узнав уже на следствии, что статья напечатана в 7-м номере "Поисков". Он не видит в этой статье ничего клеветнического — это рассказ о его личных впечатлениях о 15 сутках административного ареста.

Далее Гримм напомнил суду о своей трудовой деятельности, обратил внимание на суть своего первого "дела" 1964 г. (см. ниже).

В заключение Гримм сказал, что он предвидел ход суда, заранее знает приговор и именно поэтому избрал своей позицией неучастие в процессе. Приятной неожиданностью было для него то, что назначенный судом защитник Бейзеров сумел отнестись к своей задаче с должным вниманием и, несмотря на отсутствие помощи со стороны своего подзащитного, разумно и толково выстроил защиту.

Суд вынес приговор: три года лагерей строгого режима.

* * *

13 ноября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 147 "Суд над Юрием Гриммом":

...

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Гримму инкриминированы составление, изготовление, размножение и распространение журнала "Поиски"..., т.е. те же самые действия, за которые осуждены другие члены редакции "Поисков" — Абрамкин и Сокирко. Следствие в отношении всех троих велось по одному делу. Перед самым окончанием предварительного след-

ствия дело Абрамкина, Гримма и Сокирко в нарушение ст. 26 УПК РСФСР было разделено на три отдельных дела. Таким образом, Гримм и Абрамкин были лишены возможности совместно защищаться от общего для обоих обвинения...

* * *

Гримм по профессии — фотограф.

В январе 1964 г. был арестован и приговорен по ст. 70 УК РСФСР к шести годам лагерей за карикатуры на Хрущева. После падения Хрущева дело было пересмотрено, и в апреле 1965 г. срок был снижен до трех лет. После освобождения работал на стройках рабочим.

В 1975 г. Юрий Гримм и его семья подали на выезд в Израиль, но получили отказ.

В 1978 г. Гримм вошел в редакцию журнала "Поиски".

СУД НАД СТАТКЯВИЧЮСОМ

8 и 11 августа в Вильнюсе проходил суд над членом Литовской группы "Хельсинки" Алыгирдасом Статкявичюсом (1923 г.р.). Сам Статкявичюс на суде не присутствовал: психиатрическая экспертиза признала его невменяемым (диагноз: шизофрения, мания величия). Суд направил Статкявичюса на принудительное лечение в спецпсихбольницу.

У здания суда собралось много народа, но в зал суда никто допущен не был.

Арестовали Статкявичюса в ночь с 14 на 15 февраля (Хр. 56). Сейчас он находится в Черняховской СПБ.

СУД НАД ТЕРЛЯЦКАСОМ И САСНАУСКАСОМ

С 15 по 19 сентября Верховный суд Литовской ССР под председательством зам. председателя суда Игнотаса рассматривал дело Антанаса Терляцкаса (1928 г.р.; арестован 30 октября 1979 г. — Хр. 54) и Юлюса Саснаускаса (1960 г.р.; арестован 11 декабря 1979 г. — Хр. 55), обвинявшихся по ст. 68 УК Лит. ССР (=ст. 70 УК РСФСР). Обвинитель — пом. прокурора Лит. ССР Бакученис, защитники — Кудабя и Аперайтис.

В обвинительном заключении сказано, что в 1975 г. Терляцкас привлечен к преступной деятельности Саснаускаса. Обвиняемые, с целью подрыва советского строя, систематически размножали, распространяли, собирали и хранили с целью распространения нелегальные издания (Терляцкас — "Хронику ЛКЦ", "Лайсвес Шауклис"; Саснаускас — "Лайсвес Шауклис", "Пастоге", "Тесос Кяляс", "Хронику текущих событий"), вели антисоветскую агитацию и пропаганду. В июне 1979 г. обвиняемые

начали выпуск нелегального издания "Витис" (Хр. 53): Саснаускас напечатал не менее трех экземпляров № 1 (изъяты в Москве, в Юрбаркасе и у О. Лукаускайте-Пошкене в Шяуляе) и № 2 (распространил среди знакомых); кроме того, он издал № 3, напечатал его в трех экземплярах, один распространил среди знакомых, а два держал дома.

В 1979 г. обвиняемые послали министру здравоохранения Лит. ССР Клейзе письмо по поводу принудительной госпитализации А. Пашкаускаене (Саснаускас напечатал не менее пяти экземпляров этого письма и познакомил с ним не менее восьми человек). Обвиняемые изготовили, размножили и распространили коллективное письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора (Хр. 54), собирали под ним подписи (это письмо было изъято в Алитусе — у Шеркшниса, в Елгаве — у Жуковскиса, в Москве — у Т. Великановой и, на эстонском языке, у А. Лавута). Обвиняемые собирали материалы о суде над спекулянтом Рагайшисом (Хр. 54) и написали об этом суде открытое письмо. Терляцкас и Цидзикас (Хр. 46) написали письмо о злоупотреблении психиатрией. Терляцкас передал его Саснаускасу, а тот его размножил и распространил. На сходке у Рагайшене (Хр. 57) Терляцкас предоставил иностранным корреспондентам клеветническую информацию о мнимой оккупации Литвы, Саснаускас размножил описание этой сходки. Саснаускас, с помощью Терляцкаса, написал письмо о состоянии памятника Витаутасу в Юрбаркасе.

Кроме того, Терляцкасу инкриминируется его письмо Андропову о преследованиях и помещении в психбольницы за убеждения (Хр. 40). В обвинительном заключении отмечено, что Терляцкас поддержал документ № 69 Московской группы "Хельсинки" (к тридцатилетию Всеобщей декларации прав человека — Хр. 52).

Саснаускас обвиняется также в том, что он напечатал письмо в ЦК о В. Пяткусе (напечатал не менее трех экземпляров этого письма, ознакомил с ним не менее двадцати человек, опубликовал его в "Витис" № 2) и письмо редактору газеты "Теса" о Б. Гаяускасе (отредактировал его, перепечатал, ознакомил с ним не менее восьми человек, подписавших его). Саснаускас написал открытое письмо в ЦК КП Литвы о "поминовении умерших" (напечатал не менее пяти экземпляров) и открытое письмо об аресте Терляцкаса (напечатал не менее двух экземпляров, ознакомил с ним не менее тридцати человек). Саснаускасу инкриминируется заявление о службе в Советской Армии (под письмом стоят также подписи В. Богушиса, А. Тучкуса и А. Масюлиониса — Хр. 47). Саснаускас, Шакалис (Хр. 57) и Цидзикас написали открытое письмо в ЦК по поводу фальсификации при переписи населения (Саснаускас напечатал его в пяти экземплярах, один дал Рагайшису). С целью создать видимость якобы действующей в Литве группы "Хельсинки" Саснаускас написал документы №№ 13-17 Группы (он перепечатал эти документы и ознакомил с ними О. Лукаускайте-Пошкене и свящ. Лауринавичуса).

Во время предварительного следствия Терляцкас показаний не да-

вал. Саснаускас давал показания только по фактам, касающимся его лично. Виновыми они себя не признали.

На суде Терляцкас заявил, что письмо министру здравоохранения по поводу Пашкаускене (Хр. 52, 54) писала сама Пашкаускене, а привез его из Юрбаркаса Бастис (Хр. 57). Во время суда над Рагайшисом он вел записи, но Саснаускасу их не давал. Письмо редактору газеты "Теса" о Гаяускасе он получил от ксендза Гаруцкаса (умер в 1979 г. — Хр. 53). В пресс-конференции на квартире Рагайшене он принимал участие — его пригласил туда Черепанов (Хр. 57), который некоторым известен как провокатор; там они пили чай, разговаривали; статья "Пресс-конференция в Вильнюсе" его мыслям не соответствует. Письмо о памятнике Витутасу он Саснаускасу писать не помогал — только собирал материал из энциклопедии. Письмо о Пяткусе (Хр. 50) и документ Литовской группы "Хельсинки" № 14 (о Рагайшисе) он не подписывал. О письме, посвященном сорокалетию советско-германского договора, и о документе Литовской группы "Хельсинки" № 15 (о содержании Климашаускаса в психбольнице — Хр. 44, 51) ему ничего неизвестно. "Витис" видеть ему не приходилось — тем более никакого участия в его издании он не принимал. Материалы, как будто изъятые у него на обыске 23 августа 1977 г. (Хр. 47), были найдены не в квартире, а в сарае и в земле; экземпляр "Лайсвес Шауклис" ему показывал К. Иокубинас (эмигрировал в 1977 г. — Хр. 45), который убирал и его сарай. Документ Московской группы "Хельсинки" № 69 он подписал.

Саснаускас заявил, что утверждение, будто Терляцкас в 1975 г. привлек его к антисоветской деятельности, ничем не обосновано. Заявление о службе в Советской Армии (просьба оставить служить в Литве — Хр. 47) инкриминируется незаконно: оно написано после угроз превратить военную службу в наказание. (Саснаускас ходатайствовал о вызове в суд в качестве свидетелей Богушиса, Тучкуса и Масюлиониса.) Письмо о Пяткусе — не клеветническое. Письмо в ЦК о "поминовении умерших" (в нем говорилось, что достойны памяти лишь те, кто с оружием в руках боролись против советской власти) он писал категорическим тоном, потому что находился под впечатлением от грубых действий милиции; преступным он его не считает. Письмо о переписи, написанное вместе с Шакалисом и Цидзикасом (по официальным итогам переписи большинство литовцев хорошо владеет русским языком, а языковеды утверждают обратное), преступным тоже не считает. Письмо в "Тесу" о Гаяускасе (Хр. 49) дал ему свящ. Гаруцкас, указавший, куда его послать; письмо он, без всякого редактирования, перепечатал и отправил (только назвал "открытым письмом"); не со всеми мыслями письма он согласен, но перерабатывать его не хотел. Письмо министру здравоохранения по поводу Пашкаускене он не писал, хотя на предварительном следствии показывал обратное; он согласен с показаниями Терляцкаса по этому вопросу; письмо напечатал в его квартире на находившейся в ней машинке Шакалис (летом 1980 г. Шакалис бежал из СССР — Хр. 57); он не видит в письме ничего антисоветского. Летом 1979 г. он во многих местах ви-

дел письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора; он подписался под ним, затем размножил литовский перевод, но не распространял; по его мнению, этот документ не является антисоветским. Протест против приговора Рагайшису он написал и раздал; записки Терляцкаса о суде над Рагайшисом он взял сам, но не пользовался ими; может быть, из-за нехватки времени в его протесте и появились необоснованные утверждения.

(Аперайтис. Я прихожу к выводу, что вы — начетчик. Видимо, художественную литературу читали и не все поняли, а политической литературы не читали.)

Письмо о памятнике Витаутасу Терляцкасу ему писать не помогал — только дал исторические данные; он сам был в Юрбаркасе и видел памятник.

(Аперайтис. Памятник в Юрбаркасе — мелочь. Витаутас в буржуазные годы был в большом почете. А вы знаете, как выглядела Литва в то время?)

Саснаускас. Нет.

Аперайтис. А сейчас?

Саснаускас. Хорошо.

Аперайтис. Так что еще человеку надо? Есть, чего поесть, можно повеселиться, так зачем, непрощенному, делать из себя апостола?)

Протест по поводу ареста Терляцкаса он написал; согласен, что некоторые мысли в нем — антисоветские; письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора, он упомянул в своем протесте потому, что связывает деятельность Терляцкаса с этим письмом; о том, что Терляцкас его изготовил, он не знает. Документы №№ 13, 15-17 Литовской группы "Хельсинки" он изготовил сам (№ 13 — о Гаяускасе, № 16 — о преследовании литовцев в Советской Армии); о № 14 он ничего не знает. Пресс-конференцию у Рагайшине организовал Черепанов. Единственный эпизод обвинения, который он не отрицает, — "Витис": читал подпольную печать и захотел попробовать свои силы на журналистском поприще.

Выступая в качестве свидетеля, мать Саснаускаса охарактеризовала сына как хорошего и порядочного парня. В средней школе он пострадал за свои убеждения (Хр. 43). Письмо о Пяткусе ей дал прочитать сын, о Рагайшисе — Шакалис. О пресс-конференции сын говорил, что на ней были и представители власти.

Жена Терляцкаса сказала, что ничего не знает о материалах, изъятых на обыске в августе 1977 г., и что порядок в сарае наводил Иокубинас.

На предварительном следствии учитель-пенсионер из Алитуса Шеркшнис показал, что он отдал Терляцкасу текст своей речи, произнесенной на могиле свящ. Густайтиса; будучи в Вильнюсе, в гостях у Пятрушкавичене, он встретил у нее Терляцкаса, и тот показал ему "Витис", в котором под названием "Дискриминируется память свящ. Густайтиса в Лаздияй" была напечатана его речь; там же он получил письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора. На суде эти показания бы-

ли зачитаны. Шеркшнис на суде показал, что не помнит, кто дал ему "Витис", а письмо о договоре он нашел в кармане пиджака.

Соседка Терляцкаса С. Пятрушкявичене показала, что, будучи в Польше, она прочитала статью о положении литовских католиков в Сейнай. Эту статью она дала Терляцкасу, и вроде бы та же статья помещена в "Витис" № 1.

Терляцкас утверждает, что ничего от Пятрушкявичене не получал.

Рабочий из Каунаса Мажукна показал, что письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора, он впервые увидел на допросе и никакого согласия поставить под ним его подпись он никому не давал.

Житель Вильнюса В. Бастис заявил, что подсудимые ничего ему подписывать не предлагали. Документа № 14 Литовской группы "Хельсинки" он не видал, принципиальное согласие подписать протест против приговора Рагайшису он дал. Письмо министру здравоохранения не видел и не знает, кто его написал. Письмо о состоянии памятника Витаутасу не видел и не знает, кто его написал, но с его мыслями согласен; давал ли кому-нибудь согласие поставить под ним свою подпись, он не помнит — возможно, давал. О письме, посвященном сорокалетию советско-германского договора, он с кем-то говорил; вероятно, его собеседник понял его так, что он согласен подписать это письмо. (Зачитываются показания Бастиса на предварительном следствии: "О существовании этого документа узнал из разговоров с Терляцкасом и Саснаускасом. Подписать не согласился, его фамилия оказалась там необоснованно".) В пресс-конференции участвовал, попал на нее случайно; никаких анти-советских высказываний там не было. (Опять зачитывается протокол допроса на предварительном следствии: "В начале пресс-конференции Терляцкас приветствовал корреспондентов от имени диссидентов Литвы, говорил об оккупации Литвы, о пакте Молотов-Риббентроп. Саснаускас говорил о проблемах духовной семинарии, о положении верующих".)

Бывший сослуживец Терляцкаса, рабочий Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР (Терляцкас работал в нем пожарником) Печполис показал, что Терляцкас предлагал ему слушать радиопередачи из Ватикана. Терляцкас был настроен против советской власти.

Другой рабочий этого же театра Жедунас рассказал, что Терляцкас предлагал ему описать свою жизнь (Жедунас был репрессирован и реабилитирован).

Врач из Юрбаркаса В. Абraitис показал, что он видел Терляцкаса, когда тот приезжал с просьбой оставить Пашкаускене в покое, перестать вызывать ее на психэкспертизу.

Член Католического комитета защиты прав верующих свящ. Лауринавичюс сказал, что знает обоих подсудимых (Саснаускаса — меньше) и знает, что они ни в чем не виноваты. Саснаускас привозил ему документы №№ 15, 16 Литовской группы "Хельсинки", которые он не подписал.

Ангеле Рагайшене, войдя в зал суда, вручила Терляцкасу цветы. На

вопрос о пресс-конференции в ее квартире она ответила, что к ней на 10 минут заходили гости.

И. Жуковскис (Хр. 50) давал показания на латышском, при помощи двух переводчиков. Он сказал, что с Терляцкасом познакомился в Риге в 1976 г. и там никакого разговора о пакте не было. Письмо, посвященное сорокалетию договора, ему привезла какая-то женщина и оставила — он подписал.

Студент 1 курса Вильнюсского университета Тучкус (Хр. 47), прежде чем занять свое место, обошел подсудимых и пожал каждому из них руку. Он отказался подписать предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания. Тучкус сказал, что ему ничего неизвестно об антисоветской деятельности подсудимых. Отвечая на вопрос Саснаускаса, он подтвердил, что письмо 1977 г. о службе в армии они писали под влиянием угроз КГБистов.

Были зачитаны показания члена Литовской группы "Хельсинки" О. Лукаускайте-Пошкене (Саснаускас привез ей документы Группы, но она их не подписала) и свящ. Н. Норкунаса (незнакомый мужчина привез ему письмо о пакте — Норкунас его не подписал; на показанной ему фотографии Норкунас опознал Терляцкаса).

Судья отметил, что Терляцкас не сдержал обещания не действовать против советского строя, которое он дал в 1977 г. (Хр. 47). Прокурор сказал Терляцкасу, что раз было обещание прекратить деятельность, значит, такая деятельность была. Терляцкас возразил, что написанное им объяснение тогда отбросили и он, будучи очень усталым, подписал предложенный ему текст.

Терляцкас признал себя частично виновным: он возил заявление в Юрбаркас, шел на пресс-конференцию, хотя знал, что там будет провокатор, вел записи о суде над Рагайшисом.

Саснаускас сказал, что критически оценивает свои открытые письма — может быть, некоторые из них слишком острые, субъективные. Он полностью признает вину за издание "Витис". Когда-то он создал себе идеал борца по образцу Пяткуса и Терляцкаса, потом у него появились собственные убеждения. Терляцкас не имел на него существенного влияния.

В своей речи прокурор предложил снять с Терляцкаса обвинение в издании "Витис" №№ 2, 3 и обвинение в изготовлении письма, посвященного сорокалетию советско-германского договора как недоказанные. Он предложил также в формулировке цели деятельности подсудимых "подрыв советского строя" слово "подрыв" заменить на слово "ослабление", ибо советский строй — не такой слабый, чтобы Терляцкас и Саснаускас могли его подорвать. Прокурор предложил приговорить Терляцкаса к шести годам лагерей и пяти годам ссылки, Саснаускаса — к четырем годам лагерей и трем годам ссылки.

Адвокат Кудабя благодарит суд за внимательное рассмотрение дела. Терляцкас частично признал свою вину. Видно, он — такой человек, который, пройдя половину жизненного пути, оборачивается и видит, что метался, искал и ничего не смог найти. Кудабя выражает надежду, что его

подзащитный поймет свою вину полностью, и просит суд учесть, что у Терляцкаса большая семья, и смягчить наказание.

Адвокат Аперайтис тоже благодарит суд. Он говорит о людях, продавшихся заморскому капиталу, о юношах с бешеными глазами, бегающих по улицам и указывающих взрослым, как надо жить, о реакционном духовенстве. Саснаускас еще молод — у него есть время исправиться. А если не исправится, опять сядет на скамью подсудимых. Аперайтис просит суд учесть слабое здоровье Саснаускаса и смягчить наказание.

В последнем слове Терляцкас сказал, что признает вину в том, что не сдержал данного слова, и просил суд обратить внимание на его большую семью и назначить наименьшее наказание. Он обещал в будущем не заниматься никакой деятельностью.

Саснаускас в последнем слове сказал: "Всю свою жизнь я искал правду; может быть, и не всегда был прав. Я всегда стремился помогать людям". Он говорит, что не отказывается от намерения учиться, хотел бы свои способности посвятить родине и людям, и просит суд предоставить ему такую возможность. Он еще раз просит суд не обвинять никого другого за то, что сделал он, — за все он в ответе сам.

Приговор ссылается на показания свидетелей Абрайтиса, Бастиса, Шеркшниса, Норкунаса, Пятрушкявичене, Черепанова.

Суд, учитывая, что подсудимые частично признали свою вину и дали обещание в будущем не заниматься антисоветской деятельностью, а также молодость и состояние здоровья Саснаускаса (у него межпозвоноковый остеохондроз грудного отдела и деформирующий спондилез поясничного отдела позвоночника), приговорил Терляцкаса — к трем годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки, Саснаускаса — к полутора годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки.

Суд принял частное определение — уведомить ректорат Вильнюсского университета о недостойном поведении студента Тучкуса.

* * *

В зал впускали только близких родственников подсудимых — по паспортам. Вход в зал охранялся сотрудниками КГБ во главе с майором Калакаукасом и нарядом милиции. Всей операцией руководил зам. начальника оперативного отдела Литовского КГБ подполковник Чеснавичюс. В первые два дня зал был заполнен сотрудниками КГБ со всей Литвы, в остальные дни — наполовину пуст. На вежливую просьбу пропустить в полупустой зал сотрудник КГБ заявил Р. Рагайшису (суд — Хр. 54; он освободился по концу срока в июле): "Не хотим — не пускаем, и вообще мне твоя физиономия не нравится". В первый день процесса в фойе, в котором находилось человек тридцать друзей и знакомых подсудимых, транслировалось обвинительное заключение. У жены Терляцкаса и сестры Саснаускаса судья отнял записи судебных прений.

СУД НАД БАРЛАДЯНУ

С 11 по 13 августа в Ровно проходил суд над Василием Владимировичем Барладяну (1942 г.р.). Защищал Барладяну адвокат из Одессы А.С. Криничын. На суде было допрошено около тридцати свидетелей — сокамерников Барладяну. По ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР) Барладяну приговорили к трем годам лагерей строгого режима ("стро-гого", потому что он ранее отбывал наказание в виде лишения свободы — Хр. 46).

Предыдущий срок кончился у него 1 марта (Хр. 56).

СУД НАД ОЛЬГОЙ МАТУСЕВИЧ

26 августа Ольгу Дмитриевну Матусевич (1953 г.р.) осудили по ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР) на три года лагерей общего ре-жима. О суде даже родители узнали лишь после его окончания.

О. Матусевич прибыла в лагерь: 270059, Одесса 59, учр. ЮГ-311/74.

Арестовали О. Матусевич 12 марта (Хр. 56). Она — жена члена Укра-инской группы "Хельсинки" Николая Матусевича (суд — Хр. 49).

СУД НАД СТУСОМ

Летом по делу Стуса (Хр. 57) были проведены обыски у ссыльных Евгения Сверстюка (Хр. 52, 55, 56) и Александра Сергиенко (Хр. 52, 54, 55). Изымались письма.

26 июня следователь Стуса майор КГБ А.В. Селюк допросил жену Юрия Бадзьо (суд — Хр. 55) Светлану Кириченко (Хр. 54, 55); формаль-ная причина допроса: на обыске у Стуса были изъяты копии его писем из лагеря и ссылки, сделанные рукой Кириченко.

4 августа по делу Стуса был проведен обыск у Р. Руденко. Изъяты ла-герные стихи Н. Руденко, полученные в обход цензуры, пишущая машин-ка, записная книжка. 7 августа следователь КГБ Н.П. Цимох (Хр. 45, 53) допросил Р. Руденко по делу Стуса. Та показала, что видела Стуса один раз, на праздновании Нового года, он ей очень понравился, он блестящий поэт, никаких "антисоветских" или "клеветнических" разговоров он при ней не вел.

17 августа следователь Московского УКГБ Каталиков (Хр. 54) допро-сил по делу Стуса москвичку Н.П. Лисовскую (Хр. 54). Он, в частности, спросил: "Просили ли Вы Стуса направить в Ваш адрес его заявление в прокуратуру УССР от 19 ноября 1979 г. в отношении Горбала Н.А.?" (суд — Хр. 56); ответ отрицательный.

* * *

С 29 сентября по 2 октября Киевский городской суд под председа-тельством П.И. Феценко рассматривал дело члена Украинской группы

"Хельсинки" Василия Семеновича Стуса (1938 г.р.), обвинявшегося по ч. 2 ст. 62 УК УССР (=ст. 70 УК РСФСР). Обвинитель — прокурор Аржанов. Несмотря на протесты и отказы Стуса, на суде присутствовал назначенный защитником адвокат В.В. Медведчук (Хр. 55).

Арестовали Стуса 14 мая (Хр. 57). Во время предварительного следствия Стус никаких показаний не дал.

Стусу инкриминировали его письма Сахарову, Лукьяненко, Григоренко и киевским друзьям, заявление в прокуратуру по поводу Горбала, стихи, "устную агитацию".

25 сентября (четверг) жена Стуса Валентина Попелюх звонила Селюку, но он ей ничего о суде над мужем не сказал. Поздно вечером 30 сентября Михайлине Коцюбинской (Хр. 45, 46, 48, 49), Светлане Кириченко и жене Евгения Сверстюка В. Андриевской были вручены повестки с вызовом на 1 октября на суд в качестве свидетелей. Только от них Попелюх узнала, что суд над ее мужем уже идет, но и 1 октября ее в зал суда не пустили.

Выступая на суде, Коцюбинская назвала Стуса человеком с обнаженной совестью, не способным пройти мимо малейшей несправедливости. "Такие люди встречаются редко, и я счастлива, что судьба свела меня со Стусом. Я много чем в жизни обязана ему." На вопрос судьи, что она может сказать о заявлении Стуса в прокуратуру по поводу Горбала (в этом заявлении Стус требовал возбудить дело против организаторов циничной провокации), Коцюбинская ответила, что это заявление ярко подтверждает ее характеристику личности Стуса: она также была убеждена, что Горбаль не виновен, но она только горевала об учиненной несправедливости, а Стус немедленно и остро отреагировал на нее.

Коцюбинская отказалась выполнить просьбу судьи — охарактеризовать письмо Стуса из ссылки в Киев, написанное в 1977 г. (в этом письме Стус писал о желании вступить в Украинскую группу "Хельсинки", призывал не бояться танка, хоть он и крушит беспощадно все живое на своем пути, излагал линию поведения на будущем суде: он будет требовать присутствия представителей Мирового конгресса свободных украинцев, в противном случае не будет принимать участия в суде, только в последнем слове поставит точки над „і“ — будет говорить как сын своего народа, который пребывает в страшных условиях духовного гетто), поскольку видит не оригинал письма, а его копию (в "деле" имеется только копия этого письма, переписанная рукой Кириченко).

Отвечая на просьбу адвоката дать Стусу политическую характеристику, Коцюбинская отметила глубокую гуманность и демократизм его взглядов; ему абсолютно чужд поверхностный национализм; если же понимать национализм в плане "нельзя любить человечество, если не любишь прежде всего родную мать", он свойственен Стусу, Стус с болью воспринимал все уродства национальной жизни и прямо и резко выступал против них.

Стус. Известно ли свидетелю, что в Декларации прав человека записано право на свои взгляды?

Коцюбинская. Да.

Стус. Известно ли свидетелю о тайне личной переписки?

Коцюбинская. Да.

Стус. Известно ли свидетелю, что Кристина Бремер (Стусу инкриминировалось адресованное ей письмо; в обвинительном заключении сказано, что он "переписывался с националисткой из ФРГ" — Хр.) — член "Международной Амнистии", и может ли она быть националисткой?

Коцюбинская. Относительно национализма — абсурд. Теперь мне понятно, почему на предварительном следствии следователь не хотел записать, что Кристина Бремер — член социалистической партии Германии.

Стус. Известно ли свидетелю, что во время предварительного следствия ко мне 8 августа применяли пытки ("фізичні тортури")? Вот их автор (Стус показал на стоящего у двери зам. начальника следственного изолятора КГБ).

Коцюбинская. Не известно. Но если так говорит Стус, то это правда.

Затем Коцюбинская описала тяжелые условия, в которых Стус жил в ссылке, — его заставили жить в общежитии, крутом пили.

Судья прервал ее и сказал, что эти люди присутствуют в зале (на суд, в качестве свидетелей "устной агитации", были приглашены несколько человек из пос. Матросово Магаданской области, в котором Стус отбывал ссылку) — пусть она не клеветает на рабочий класс.

После этого одному из магаданских свидетелей был задан вопрос, правда ли, что сосед Стуса однажды в пьяном состоянии помочился в его чайник. Свидетель ответил, что он при этом не присутствовал, но моча в чайнике действительно была.

После окончания допроса Коцюбинскую заставили выйти из зала суда.

Кириченко в начале допроса обратилась к судье: "Прошу суд спросить у Стуса, признает ли он этот судебный процесс законным".

Стус. Не признаю.

Кириченко. В таком случае и я отказываюсь принимать участие в этом процессе.

В ответ на требование прокурора привлечь ее к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и на аналогичные угрозы судьи Кириченко ответила: "Я буду давать показания на том суде, где Василий Стус будет обвинять, а не сидеть на скамье подсудимых", — и вышла из зала суда.

Андриевскую спросили о письме Стуса из ссылки (см. выше). Она ответила, что читала только часть письма, обращенную непосредственно к ней.

В качестве свидетелей "устной агитации" на суде были допрошены жители пос. Матросово — начальник рудника, на котором работал Стус, зав. отделом кадров этого рудника Шариков, несколько рабочих — соседей по общежитию, медсестра из больницы, в которой лежал Стус, продащицы.

Речь прокурора продолжалась больше двух часов. Сначала он перечислил достижения Советской Украины, которые очернил Стус, затем по-

говорил о преступлениях бандеровцев и ОУНовцев, потом перечислил "преступления" Стуса: письмо из ссылки, заявление по делу Горбача, письма Кристине Бремер, А. Горбач и Г. Горбач (в ФРГ), А.Д. Сахарову, Л. Лукьяненко, П.Г. Григоренко (в деле эти письма представлены ксерокопиями), основное — устная агитация в ссылке.

Адвокат в своей речи сказал, что все преступления Стуса заслуживают наказания, но он просит обратить внимание на то, что Стус, работая в 1979-1980 гг. на предприятиях Киева, выполнял норму; кроме того, он перенес тяжелую операцию желудка.

После речи адвоката заседание суда было прервано.

2 октября заседание началось прямо с зачитания приговора (таким образом, у Стуса было украдено полагающееся ему по закону "последнее слово"). На это заседание кроме "спецпублики" пустили В. Попелюх, ее сестру и Риту Довгань. Кириченко 2 октября утром вызвали в милицию по вопросу о "тунеядстве" (она не работает три с половиной месяца; по закону преследование начинается с 4 месяцев) и задержали до окончания судебного заседания.

Суд приговорил Стуса к максимальному наказанию — к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки; кроме того, суд возложил на Стуса 2300 руб. судебных издержек (главным образом, за приезд магданских свидетелей).

Судья читал приговор, глотая слова, и с такой скоростью, что нельзя было разобрать ни дат, ни фамилий свидетелей. Окончив чтение, он без всякой паузы заявил: "Суд окончен", и "спецпублика" направилась к дверям. "Палачи! Вы мне и последнего слова не дали сказать!" — воскликнул Стус и процитировал Лермонтова: "И вы не смаете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь!"

Стус выглядел очень плохо, на лице ни кровинки, бледный. На свидании после суда он сказал жене, что такого срока не вытянет.

19 октября А. Сахаров выступил с обращением

В защиту поэта Василия Стуса

1980 год ознаменовался в нашей стране многими несправедливыми приговорами и преследованиями правозащитников. Но даже на этом трагическом фоне приговор украинскому поэту Василию Стусу выделяется своей бесчеловечностью.

...Юридическая машина сработала по своим нечеловеческим законам и обрела человека еще на 15 лет страданий.

...

Так жизнь человека ломается без остатка — как расплата за элементарную порядочность и неконформизм, за верность своим убеждениям, своему "я". Приговор Стусу — позор советской репрессивной системе.

...

Я призываю коллег Василия Стуса — поэтов и писателей во всем мире, своих коллег-ученых, "Международную Амнистию", всех, ко-

му дороги человеческое достоинство и справедливость, выступить в защиту Стуса. Особо я обращаюсь к участникам Мадридского совещания... Приговор Стусу должен быть отменен, как и приговоры всем участникам ненасильственного правозащитного движения.

СУД НАД ГОНЧАРОВЫМ

Повторная экспертиза, состоявшаяся в Институте им. Сербского под председательством директора Института Г.В. Морозова, признала Виктора Гончарова вменяемым (Хр. 56).

3 и 4 октября Кировоградский суд рассматривал дело Виктора Михайловича Гончарова (1955 г.р.), обвинявшегося по ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР),

Гончарову инкриминировали антисоветские разговоры. Свидетели Лариса Калюжная и Валерий Сиднин, знакомые Гончарова, подтвердили, что Гончаров поднял тост "За национальную трагедию русского народа!" и осуждал вторжение советских войск в Чехословакию. Среди свидетелей — Глухов, помощник начальника пожарной охраны, в которой работал Гончаров.

Гончаров хотел, чтобы его защищала в суде адвокат из Ворошиловграда Н.Я. Немиринская (Хр. 53, 57), но матери Гончарова в Ворошиловграде не удалось пригласить Немиринскую, несмотря на ее согласие.

Адвокат из Кировограда в своей речи говорил о заслугах родителей Гончарова и их престарелом возрасте, о болезни Гончарова (туберкулез) и о положительных характеристиках со всех мест работы.

Гончарова приговорили к трем годам лагерей строгого режима. Начало срока — 23 июля 1979 г. (Хр. 54).

СУД НАД ТРЕСКУНОВЫМ

2 июня Ленинградский городской суд под председательством А.В. Карлова рассмотрел дело Абрама Менделевича Трескунова, обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР.

Трескунов был арестован 13 марта при попытке войти в дом, где проживают сотрудники иностранных представительств в Ленинграде. При нем было обнаружено его "Обращение", которое он хотел передать на Запад.

Ему инкриминировали также сочинение "клеветнических документов" — анонимных писем (в статье В. Викторова "Пасквильянт", напечатанной в "Ленинградской правде" от 29 июня, сказано, что этих писем — сто), рассылку их в адреса государственных учреждений, редакций газет и журналов и сочинение восьми "антисоветских документов", в которых, согласно приговору, излагались "требования об отстранении КПСС от

руководящей роли в стране, об отмене всеобщей воинской повинности и монополии внешней торговли”.

На суде Трескунов выразил раскаяние. Суд приговорил его к пяти годам лишения свободы условно.

Трескунову 58 лет. Он — ветеран Великой Отечественной войны, имеет ордена и медали. В 1947 г. его приняли в партию (перед судом исключили). Трескунов — инженер-технолог, сейчас работает на станке шлифовщиком.

СУД НАД ГОРЕТЫМ

С 5 по 8 августа Краснодарский краевой суд под председательством Анохиной рассматривал дело пресвитера общины пятидесятников ст. Старотитаровской епископа Николая Петровича Горетого (1921 г.р.; арестован 13 декабря 1979 г. — Хр. 55), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР и ч. 1 ст. 227 УК РСФСР (“Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов”; первая часть этой статьи тяжелее второй). Обвинитель — зам. прокурора Краснодарского края Сорокин, защитник — адвокат Меркурьева.

Жена узнала о суде только тогда, когда на 6 августа были вызваны первые свидетели. В зал суда ее не пустили: “Суд закрытый, и вам там нечего делать”. На самом деле формально суд был открытым. Свидетелям после дачи показаний разрешали оставаться в зале только до первого перерыва. На чтение приговора пустили всех желающих.

Горетому инкриминировали участие в организации движения пятидесятников за выезд, составление “эмиграционных заявлений”, передачу их за границу и “клеветнические высказывания”, содержащиеся в них, а также то, что он был руководителем незарегистрированной религиозной общины.

Горетой не признал себя виновным.

В качестве свидетелей кроме верующих из Старотитаровской, Батуми, Ростова, Черкасс, Жданова, Батайска и Ровно были вызваны председатель сельсовета Кириченко, директор школы № 18 Котов, участковый милиционер Москаленко.

Горетой был приговорен к максимальной мере наказания — 7 годам лагерей строгого режима, 5 годам ссылки и конфискации имущества.

В конце сентября его отправили в лагерь. Наказание он отбывает в 37 Пермском лагере.

У Горетого одиннадцать детей и двадцать девять внуков. У него не работает одно легкое, зрение +20.

СУД НАД МАРКОСЯНОМ

13 августа Целиноградский областной суд под председательством Е.Х. Даутовой рассмотрел дело Размика Маркосяна (1949 г.р.; арестован 27 апреля – Хр. 57), обвинявшегося по ст. 170-1 УК Каз. ССР (=ст. 190-1 УК РСФСР) и ст. 198 УК Каз. ССР ("Побег с места ссылки..."). Обвинитель – прокурор В.В. Василенко, защитник – адвокат У.С. Хаяури.

До этого Маркосян был арестован в июне 1974 г. Тогда его приговорили по ст. 65 УК Арм. ССР (=ст. 70 УК РСФСР) и ст. 67 УК Арм. ССР (=ст. 72 УК РСФСР) к четырем годам лагерей и двум годам ссылки (Хр. 34).

Ссылку Маркосян отбывал в с. Кенбидаик Кургальджинского р-на Целиноградской обл. (Хр. 51). Срок ссылки истек у него 2 июня. 27 апреля его арестовали в Целинограде.

По ст. 170-1 Маркосяну инкриминировались три заявления (два – в ПВС СССР, одно – в ПВС Арм. ССР), посланные еще в 1977 г. из лагеря, заявление в ПВС СССР, посланное в декабре 1978 г. уже из ссылки, и неотправленное письмо Генеральному Прокурору СССР, обнаруженное на обыске 28 апреля.

В приговоре говорится, что в заявлениях в ПВС

содержатся заведомо ложные, клеветнические измышления, порочащие наш советский государственный и общественный строй, в частности, якобы в СССР отсутствует право нации на самоопределение, граждан преследуют за их убеждения, нарушается Конституция...

В письме Генеральному Прокурору

утверждаются заведомо ложные..., а именно, будто лучшие деятели культуры и искусства Украинской ССР арестованы и находятся в местах лишения свободы за свои убеждения, в СССР проводится геноцид в отношении украинской интеллигенции, не соблюдаются права человека, гарантируемые Конституцией.

В приговоре по этому обвинению сказано, что

Маркосян Р.Г. вину свою признал (он это отрицает – Хр.) и показал, что он считает, что в заявлениях на имя ВС СССР, ВС Арм. ССР и на имя Генерального Прокурора СССР действительно содержатся заведомо ложные.... Однако эти заявления, кроме заявления на имя ПВС СССР от 10 декабря 1978 г., были им написаны в местах лишения свободы, где он был среди лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, и он это сделал под влиянием лагерьной обстановки. Письмо же на имя Генерального Прокурора СССР тоже было написано в местах лишения свободы и как черновик

хранилось в его личных вещах, прибывших из мест лишения свободы вслед за ним. Далее Маркосян Р.Г. заявил, что после письма на имя ПВС СССР от 10 декабря 1978 г. он отошел от своих прежних убеждений и сейчас не считает себя членом так называемой НОП (Национальной объединенной партии Армении – Хр.).

По ст. 170-1 Маркосяну инкриминировалось также, что:

Находясь в селе Кенбидаик, Маркосян Р.Г. в устной форме распространял заведомо ложные..., утверждая, что СССР – агрессор, он оккупировал Афганистан, проводит агрессивную политику в отношении Ирана, хочет захватить ближневосточную нефть, в СССР нет свободы слова, нарушаются права человека, людей преследуют за их убеждения.

В этой части приговор ссылается на показания свидетелей В.Н. Злючего и Д.М. Ризванова. Согласно приговору, Маркосян утверждает, что:

После 10 декабря 1978 г. он никогда не говорил, что СССР – агрессор, никаких сведений, порочащих..., он не распространял, никогда ни Злючему, ни Ризванову этих сведений не говорил.

Побегом с места ссылки (за один месяц и шесть дней до конца ссылки!) суд счел поездку Маркосяна в Целиноград без маршрутного листа. Согласно приговору, Маркосян на суде заявил, что он

не знал, что нужно было брать маршрутный лист, 27 апреля 1980 г. он выехал в г. Целиноград с устного разрешения Букшиева – заместителя начальника РОВД, ему и раньше устно разрешали выезжать в г. Целиноград.

Свидетель С.М. Тароян подтвердил, что Маркосяну было дано устное разрешение на поездку в Целиноград, свидетели С.Б. Букшиев и Садвокасов отрицали это. Согласно приговору,

показаниям свидетелей Букшиева С.Б. и Садвокасова суд отдает предпочтение, а показания свидетеля Тарояна С.М. отвергает, так как Тароян С.М. – сыльный и его показания... носят характер защиты Маркосяна Р.Г. и опорочивания работников милиции.

Приговор кончается словами:

Вещественное доказательство – книгу А.Д. Сахарова "О стране и мире" – уничтожить...

Суд приговорил Маркосяна к трем годам лагерей строгого режима (с поглощением одного месяца и шести дней неотбытой ссылки).

25 сентября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 142 "О повторном осуждении Размика Маркосяна":

...

Обвинение Маркосяна в намерении совершить побег с места ссылки просто абсурдно. Ему оставалось чуть больше месяца до законного возвращения домой. Как побег квалифицировано простое нарушение установленного Исправительно-трудовым кодексом режима для ссыльных. Без оформления письменного разрешения милиции Маркосян на автобусе на несколько часов выехал в гор. Целиноград, не имея никакого умысла совершить побег.

...

Таким образом, сам текст приговора суда устанавливает, что Маркосян осужден за открытое высказывание в жалобах в советские инстанции и в разговорах с частными лицами своих убеждений. Других обвинений ему не предъявлено.

СУД НАД КУЗЬКИНЫМ

В апреле амбулаторная экспертиза в составе трех врачей из больницы им. Кащенко за полчаса признала Александра Кузькина невменяемым (Хр. 56). Диагноз (шизофрения) "установлен на основании ранее поставленного в Абрамцевской психбольнице" (Хр. 51, 53). Еще до экспертизы матери Кузькина на Петровке 38 сказали: "Мы его полечим".

В июне жена Кузькина Дарья Крутилина (она работала учителем русского языка, но ушла из школы по религиозным убеждениям) пошла к начальнику Бутырской тюрьмы хлопотать о регистрации брака (они обвенчаны, регистрация гражданского брака была назначена на 14 июня). Сначала ей сказали, что надо подать соответствующее заявление, затем: "Вам не следует с ним регистрироваться, так как он тяжело болен шизофренией".

Суд начался 11 августа, но по ходатайству родственников был отложен, поскольку приглашенный ими адвокат был в отпуске.

8 сентября Московский городской суд под председательством зам. председателя суда В.Г. Романова рассмотрел дело "о применении принудительных мер медицинского характера" к Кузькину (1949 г.р.), совершившему общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель — прокурор Зайцева, защитник — адвокат Д.А. Колчин.

В качестве вещественных доказательств фигурировали найденные в сумке Кузькина шесть баллонов с краской, четыре трафарета (на одном из них надпись "Свободу Сахарову"), фототексты с "истолкованием" числа 666, стихи А. Сенина о Д.Дудко и листовки с молитвой "Люди, молитесь за весь мир" (Хр. 57).

Адвокат хотел потребовать повторной — стационарной — экспертизы, но родители, боясь переквалификации на ст. 70 УК РСФСР, не согласились.

Суд определил направить Кузькина на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Арестовали его 26 марта (Хр. 56).

22 октября Верховный суд РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу, оставил определение Московского городского суда без изменения.

Во время предварительного следствия к Крутилиной приходил человек, назвавшийся адвокатом; он передал ей записку от мужа и настойчиво предлагал передать через него ответную записку.

СУД НАД ДЯДЬКИНЫМ И ГОРБАЧЕВЫМ

С 16 по 18 сентября Калининский областной суд под председательством А.Н. Киселевой рассматривал дело Иосифа Гецелевича Дядькина (1928 г.р.; арестован 25 апреля — Хр. 56) и Сергея Максимовича Горбачева (1952 г.р.; арестован 5 июня — Хр. 57), обвинявшихся по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель — прокурор В.К. Сухоруков, защитники — адвокаты В.С. Князева и Л.П. Гущина.

Согласно обвинительному заключению, Дядькин

на протяжении 1976-80 гг. неоднократно в устной и письменной форме распространял заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный строй. Так, за период с 1976 по 1980 годы Дядькин неоднократно делал публичные заявления клеветнического характера, порочащие советский государственный и общественный строй, среди работников КО ВНИИГИС — на семинарах по политучебе, в разговорах с сотрудниками института. Суть утверждений Дядькина сводилась к следующему:

Октябрьская революция и гражданская война привели к напрасным жертвам и развалу экономики. В коллективизацию была уничтожена лучшая часть крестьянства, а сельское хозяйство по существу разрушено, что является причиной трудностей в сельском хозяйстве на современном этапе. Социализм является режимом насилия и массового истребления народов. Внешняя политика СССР перед Великой Отечественной войной привела к возникновению войны. Помощь народам ЧССР, Афганистана, Анголы характеризуется Дядькиным как агрессия и оккупация со стороны СССР и является началом "холодной войны". Дядькин неоднократно заявлял, что в СССР ограничены права и свободы личности. Официальная печать является лживой и ограничивает и искажает информацию. При обсуждении проекта Конституции летом 1977 г. на семинарах по политучебе, в лаборатории и на общем собрании работников КО ВНИИГИС в июне 1977 г. Дядькин заявил, что в проекте Конститу-

ции ограничиваются права и свободы личности в СССР, проект противоречит Международным пактам о правах человека, а затем передал в президиум собрания клеветническое заявление на эту тему.

В 1976 году Дядькин написал, размножил на машинке и распространил в печатной форме брошюру "Статисты", содержащую клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, передав вышеуказанную брошюру гр. Лавуту А.П., прож. в г. Москве, и гр. Лозовскому, прож. в г. Калинин. Клеветнические сведения из этой брошюры Дядькин неоднократно на протяжении 1976-80 гг. приводил на семинарах по политучебе, в лаборатории КО ВНИИГИС и в беседах с сотрудниками. Кроме того, Дядькин переправил вышеуказанную брошюру для опубликования за границу, где данные из этой брошюры используются в буржуазной пропаганде против СССР.

В 1980 г. Дядькин написал, размножил и распространил в печатной форме статью под названием "О количестве донцов, погибших в 1917-1920 гг." клеветнического содержания, передав для ознакомления эту брошюру гр. Горбачеву С.М. и Лозовскому Л.А.

В это же время Дядькин фотоспособом изготовил копию клеветнической статьи Бернштама в "Вестнике русского христианского движения" под названием "Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг.". Кроме того, за период с 1976 по 1980 гг. Дядькин с целью распространения изготовил на пишущей машинке ряд статей клеветнического содержания, порочащих советский общественный и государственный строй. А именно: статьи "Процесс Лубмана", "Контакт с КГБ как психо-социологический феномен", "Три цифры", "Обращение от 8.12.1978 г.", "Рассказ сокамерника", "Арьергардные бои марксизма". Статью "Арьергардные бои марксизма" Дядькин передал для ознакомления гр. Горбачеву С.М.

В январе-феврале 1979 года Дядькин изготовил и направил в редакцию газеты "Известия" два клеветнических письма — открытое письмо по поводу статьи "Позор защитникам убийц" и "Открытое насколько возможно письмо", в котором порочил деятельность государственных органов в связи со взрывами в московском метро.

В марте 1979 г. Дядькин отказался от участия в выборах в Верховный Совет СССР, а на просьбы членов избирательной комиссии, явившихся к нему домой, объяснить причины отказа Дядькин клеветнически высказался по поводу советской избирательной системы, порочил руководителей партии и правительства, а затем написал объяснение, в котором также клеветал на избирательную систему СССР и руководителей партии и правительства.

Горбачев

получил от неизвестного лица брошюру "Неполитические письма", содержащую заведомо ложные измышления, порочащие советский

государственный и общественный строй, на пишущей машинке в 4-х экземплярах размножил ее и передал для ознакомления осенью 1979 г. гр. Голицыну, зная о ее клеветническом содержании.

(“Неполитические письма” – статья П. Растина из “Поисков” – размышления о воспитании детей.)

Привлеченные к уголовной ответственности по ст. 190-1 УК РСФСР и допрошенные в качестве обвиняемых Дядькин и Горбачев виновными себя не признали. Обвиняемый Дядькин заявил, что не считает преступлением распространение и получение такой информации. Фактические действия по изготовлению брошюр Дядькиным признаны, однако на вопросы, связанные с распространением этих брошюр, Дядькин отвечать отказался. Обвиняемый Горбачев признал факт размножения и передачи гр. Голицыну брошюры “Неполитические письма”, однако наличие в ней клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, отрицает.

Факт изготовления и распространения брошюры “Неполитические письма” Горбачевым С.М. подтверждается показаниями Горбачева, его собственноручным заявлением и заключением технической экспертизы, из которой видно, что брошюра напечатана на машинке Горбачева.

Свидетель Голицын, получивший от Горбачева вышеназванную брошюру, от дачи показаний отказался.

По заключению научной экспертизы, содержание брошюр и статей не соответствует исторической действительности, содержит клевету на государственный и общественный строй СССР.

Эксперты – зав. кафедрой истории КПСС Калининского университета Ю.Н. Климов, преподаватели той же кафедры А.И. Лукьянов, Г.Г. Павлов, И.В. Спиридонов. О демографических работах (“Статисты” – Хр. 45, “О количестве донцов...”) Дядькина заключение дал профессор Калининского университета, доктор экономических наук В.В. Петров. Он заявил, что, хотя исходные данные Дядькина не вызывают сомнений, его методика научно несостоятельна. Тот факт, что по трем периодам Дядькин получил цифры, близкие к опубликованным в советской печати (по остальным периодам опубликованных сведений нет), Петров объяснил случайным совпадением. Из этого эксперт сделал вывод, что расчеты Дядькина представляют собой “псевдонаучную попытку оправдания его клеветнических измышлений”. Остальные эксперты заявили, что предъявленные им работы Дядькина и другие самиздатские материалы содержат заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Прокурор говорил, в основном, о классовой борьбе, о зарубежных радиостанциях, “трубящих о Дядькине”, о том, что “создается впечатление, что кто-то дирижирует” написанием работ, подобных дядькинским.

Защитник Дядькина Князева сказала, что по всем отзывам и характеристикам ее подзащитный — человек исключительной честности и принципиальности, пользующийся уважением товарищей. Он серьезный ученый, автор пятидесяти опубликованных научных работ. Она заявила, что, не разделяя взглядов Дядькина, она, тем не менее, не находит в инкриминируемых ему действиях состава преступления, поскольку в данном случае нет заведомой ложности: обвиняемый был искренне убежден в справедливости своих утверждений. В этой связи она процитировала комментарий 1971 года к ст. 190-1 УК РСФСР, где сказано, что ответственность по этой статье наступает лишь в том случае, если обвиняемый распространял клеветнические измышления, зная об их ложности. Она потребовала оправдать Дядькина.

В своем последнем слове Дядькин сказал, что совесть его чиста, закон на его стороне и он требует оправдания. В связи с вопросом одного из заседателей, содержащим намек на то, что его истинной целью могла быть эмиграция, он заявил, что уезжать из своей страны не намерен. Отвечая на слова обвинителя, что "такие люди, как он" чувствуют себя в нашей стране "не в своей тарелке", он сказал, что "чувствует себя в своем отечестве в своей тарелке всюду, в том числе и в тюрьме".

Защитник Горбачева Гущина сказала, что в действиях Горбачева нет состава преступления ввиду отсутствия заведомой ложности. Ссылаться при этом, как это делает прокурор, на заключения экспертов недопустимо, т.к. вопрос о наличии заведомой ложности правовой, а решение правовых вопросов не может входить в компетенцию экспертов, и задавать им такие вопросы не разрешается, их вправе решать только суд. Она потребовала оправдать Горбачева.

Горбачев сказал, что клеветнического характера инкриминируемой статьи Растина он не заметил и узнал, что статья клеветническая, только после ознакомления с заключением эксперта, усмотревшего в ней "скрытый призыв к подрыву советского строя".

Обосновывая "вину Дядькина", приговор ссылается на показания свидетелей Базина, В.И. Сидельникова, Юматова, Геля, Д.В. Белокопя, В.И. Аксенова, А.П. Буханова (первые пять — его сослуживцы, остальные — члены избирательной комиссии).

Из приговора:

Заведомая клевета высказываний и статей Дядькина подтверждается его заметками в изъятых тетрадях и записной книжке с записями.

Заведомая для Горбачева клевета на государственный и общественный строй СССР в "Неполитических письмах" усматривается из его "плана-наброска" с записями, начинающимися словами: "доказать бюрократический, полицейский строй в СССР" (т. 2, л.д. 349).

При таких данных доводы подсудимых с отрицанием заведомой клеветы в изготовленных и распространяемых сведениях, порочащих советский государственный и общественный строй, го-

сударственные органы, избирательную систему, нельзя признать убедительными.

Утверждения об этом Дядькина и Горбачева противоречат уровню их развития и образованию, большому жизненному опыту Дядькина.

Заведомая клевета статей и брошюр "Статисты", "О количестве донцов", "Неполитические письма" и других авторов, их направленность для понимания являются достаточно ясными.

Суд приговорил Дядькина к трем годам и Горбачева к двум годам лагерей общего режима (столько же требовал прокурор). В приговоре содержатся также частные определения о привлечении к уголовной ответственности свидетелей Голицына (Хр. 57) и Лозовского (Хр. 56, 57) за отказ от дачи показаний и об обсуждении по месту работы поведения Зои Горбачевой, отказавшейся в суде отвечать на некоторые вопросы о муже.

* * *

Собравшихся у суда друзей не пустили в зал. Суд, удовлетворив ходатайство Дядькина о том, чтобы в зал пропустили его сына и дочь, сразу вслед за этим удовлетворил ходатайство прокурора о вызове сына свидетелем (его допросили в последнюю очередь, едва не забыв вызвать).

Публика в зале оскорбляла родственников подсудимых, часто раздавались оскорбительные выкрики в адрес свидетелей.

* * *

Московская группа "Хельсинки" 26 сентября приняла документ № 143 "Суд над Иосифом Дядькиным и Сергеем Горбачевым".

* * *

13 ноября Верховный суд РСФСР рассмотрел в кассационном порядке дело Дядькина и Горбачева. Родственников в здание не пустили — "ремонт".

Из кассационной жалобы Дядькина:

Обвинительный приговор по моему делу я нахожу несправедливым по следующим основаниям:

1. Суд не учел оправдывающих меня обстоятельств дела: я не имел умысла порочить государственный и общественный строй...
2. У меня не было и нет личных мотивов порочить государственный и общественный строй...
3. Из моего поведения усматривается не только отсутствие умысла порочить строй, но даже отсутствие стремления навязывать

или распространять свои гуманитарные убеждения, которые я не считал полностью сформировавшимися...

4. В последнее двадцатилетие после 20-го и 22-го съездов КПСС, благодаря им и последующим событиям, у меня стали складываться убеждения о высшей ценности таких нравственных категорий, как человечность, гуманизм, правдивость и откровенность, неприемлемость оправдания бесчеловечных явлений ссылками на достижение благородных целей, о личной ответственности каждого перед общественными нормами (а для верующих — перед Богом), неприемлемости перекладывания вины конкретных руководителей на государственный и общественный строй, который они представляют. Я признал на суде, и это ясно видно из моих гуманитарных работ, что, не имея опыта толкового изложения своих мыслей в гуманитарной области (к тому же будучи занят до ареста интенсивной научно-технической работой), я допускал ошибочные, неуместно иронические, непродуманные высказывания, оскорбительные для общественной морали нашего общества. Этого делать не следовало, что в дальнейшем я, безусловно, не допущу. Однако состав преступления по ст. 190-1 УК РСФСР такие высказывания не образуют, так как являются моими личными убеждениями, которые я не пытался навязывать другим лицам.

5. Из анализа моих неоконченных заметок "Статисты" и "О количестве донцов..." видно, что основное их содержание — применение методов математической статистики к демографическим аспектам смертности и рождаемости населения СССР... Что касается моих немногочисленных гуманитарных фраз среди расчетов, то я уже говорил, что не был удовлетворен ими и собирался их доработать, уточнить, а часть вообще изъять. Ст. 190-1 УК РСФСР предусматривает заведомую ложность высказываний. Я же в то время был убежден, что мои высказывания в статьях соответствуют действительности.

6. В приговоре указано, что я якобы говорил... (см. выше первую цитату из обвинительного заключения — Хр.). В действительности я говорил иное.

Я осуждал человеческие жертвы вообще, как Короленко и Горький во время революции и Гражданской войны, отнюдь не берясь судить об их напрасности; осуждал сталинский метод проведения коллективизации, приведший к повышению смертности среди крестьян — кормильцев нации — и снижению уровня с/х производства на душу населения, а вовсе не сам принцип коллективизации; осуждал методы Сталина, Мао Цзедуна и Пол Пота, приведшие к массовым жертвам среди населения, а вовсе не социализм, как общественное устройство, которое не считаю за что-либо ответственным; говорил о своем непонимании обоснования ввода войск в ЧССР и Афганистан; об ошибочности внешней политики и СССР, и Англии, и Франции, а вовсе не о том, что эти ошибки привели к

войне, которую, как ясно каждому, развязал Гитлер; говорил о своих сомнениях, которые у меня возникли потому, что в проекте Конституции нет формулировки права, сколько-нибудь похожей по терминам и понятиям на формулировку ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах...

Суд оставил приговор без изменения.

СУД НАД ДАВИДОВЫМ

18 и 19 сентября Куйбышевский областной суд под председательством В.М. Митина рассматривал дело "о применении принудительных мер медицинского характера" к Виктору Викторовичу Давыдову (1956 г.р.; арестован 28 ноября 1979 г. — Хр. 55), которому "вменено совершение общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР". Давыдова, признанного экспертизой душевнобольным, в зале не было. В суде участвовали прокурор В.А. Коростелев и адвокат В.Н. Тершуков. В зал были допущены все желающие.

Из определения суда (орфография и синтаксис подлинника):

Давыдов В.В., он же Рыжов В.В., являясь негативно настроенным к советской действительности, изготовил с записанной на магнитофон передававшиеся по западным радиостанциям отрывки книги Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", машинописные тексты и распространил их среди знакомых лиц. Таким же образом изготовил и распространил передававшиеся интервью Максимова В. и 4 статьи сборника "Из-под глыб".

В связи с указанными действиями Давыдов вызывался в управление Комитета госбезопасности по Куйбышевской области для проведения с ним профилактических мероприятий.

Однако Давыдов выводов для себя не сделал, негативную литературу органам КГБ не выдал и деятельности по ее распространению не прекратил.

Давыдов группировал вокруг себя негативно настроенную молодежь.

В конце 1975 года установил тесную связь с Бебко, Богомоловым, Габдракиповым, Лошкаревым, а, познакомившись с Калягиной, Самусевой, Гельмановой формировал у них негативное отношение к советскому государственному и общественному строю.

Поэтому Давыдову 12 мая 1976 года было сделано официальное предостережение на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года о том, что если он будет продолжать недозволенные законом действия, противоречащие интересам госбезопасности СССР, то его действия приведут к совершению уголовно наказуемого преступления.

28 ноября 1979 г. при обыске на квартире Давыдова В.В. были обнаружены и изъяты книги под названием "Новый Журнал" № 93, Ю. Анненкова "Дневник моих встреч", изданные в Нью-Йорке и книга "Вестник русского христианского движения" № 114, изданный в Париже, а также 9 экземпляров незаконченной печатью машинописной работы "Феномен тоталитаризма" на 140 листах и 5 экземпляров машинописной работы под названием "Второго пришествия не будет", содержащие в себе клевету на советский государственный и общественный строй. Одновременно была изъята пишущая машинка "Эрика".

12 марта 1980 г. при обыске на квартире свидетеля Романовой Н.В. был обнаружен и изъят так называемый "архив" Давыдова, который передал его для хранения Романовой Н.В. незадолго до ареста.

Среди документов, находящихся в "архиве" Давыдова обнаружена диссидентская и негативная литература, в том числе "Хроника текущих событий", "Феномен тоталитаризма", значительное количество рукописей Давыдова, содержащих клевету на советский и общественный строй, среди которых исполненная Давыдовым рукопись "Второго пришествия не будет" и разработка отдельных тем к машинописным работам "Феномен тоталитаризма" (т. 2 л. 128-154).

Авторство Давыдова и изготовление, а также распространение машинописных работ под названием "Феномен тоталитаризма" и "Второго пришествия не будет" подтверждаются заключением подчерковедческой экспертизы о том, что исполнителем черновых записей указанных выше работ является Давыдов В.В., заключением технической экспертизы о том, что указанные работы напечатаны на пишущей машинке "Эрика" и "Оптим-Электрик 202", находящейся по прежнему месту работы в кожно-венерологическом диспансере.

По заключению общественно-политической экспертизы обе машинописные работы под названием "Феномен тоталитаризма" и "Второго пришествия не будет" являются грубой фальсификацией марксистско-ленинского учения о государстве, его классовом характере и формах. Они излагают положения ряда буржуазных авторов, в том числе ярого антикоммуниста и антисоветчика З. Бжезинского, защищающих буржуазное государство и капиталистическую общественную систему. В этих работах по заключению эксперта Кудинова содержится ложь и клевета на социалистическую плановую экономику, на колхозный строй, на социалистическую культуру, на рост благосостояния и культуры советских людей, а также цинизм и глумление над патриотизмом советских людей и их идейной убежденностью, грубо фальсифицируется марксистско-ленинское учение о коммунизме, советская миролюбивая внешняя политика, отрицается расширение и углубление социалистиче-

ской демократии в условиях развитого социализма, преувеличивается роль и значение буржуазной демократии (т.2, л.д. 302).

Совершение общественно-опасных деяний Давыдовым В.В. нашло подтверждение в показаниях свидетелей Беккер и Константинова о том, что они ознакомились с работой Давыдова "Феномен тоталитаризма" на острове "Зелененьком", получили и читали две машинописных работы "Открытое письмо к Сталину" за подписью Ф. Раскольников и "Письмо советскому правительству" за подписью М. Булгакова, переданные Давыдовым Зубахину Б.В. и оказавшиеся в последствии у Константинова. Эти две работы были изъяты у него при обыске.

Свидетель Мухин М.В. подтвердил, что у себя на квартире при ремонте он обнаружил в комнате дочери Ольги рукописные тексты работы антисоветского содержания. Дочь объяснила ему, что это работы Давыдова В.В., который просил ее исправить грамматические и стилистические ошибки в рукописи.

Свидетель Константинов подтвердил, что он разделял многие взгляды Давыдова на современную жизнь в советском обществе, подчеркивая негативные стороны жизни.

Об этом же подтвердил в суде и свидетель Романов, который пояснил, что "архив" Давыдова действительно некоторое время хранился в их квартире, о чем он узнал позднее от жены.

Свидетель Мухин М.В. подтвердил вредное влияние "идей" Давыдова В.В. на его дочь Ольгу, которая, окончив государственный университет, в настоящее время оказалась деморализованной и неприспособленной к жизни.

Давыдов и ранее в 1977 году допускал общественно-опасные деяния, предусмотренные ст.ст. 206 ч. 2, 191-1 ч. 2 УК РСФСР.

Но в связи с тем, что судебно-психиатрической экспертизой признавался невменяемым, дело было прекращено производством (т. 1 л.д. 283-288, 289).

Экспертная комиссия рекомендовала Рыжову-Давыдову провести лечение в психиатрической лечебнице по месту жительства на общих основаниях.

В связи с продолжением Давыдовым общественно-опасных деяний по делу произведена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в Центральном научно-исследовательском институте судебной психиатрии им. проф. Сербского (л.д. 21-25, т. 2).

Давыдов В.В., как страдающий эмоционально-волевыми расстройствами, склонностью к резонерству и нарушениям критических способностей в отношении инкриминируемых деяний вновь признан невменяемым. В силу особой социальной опасности нуждается в направлении на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

Прокурор сказал, что содеянное Давыдовым представляет большую опасность для общества; его невозможно поместить в психбольницу об-

шего типа, так как там он будет иметь возможность и далее распространять свои взгляды. Прокурор подал ходатайство о возбуждении уголовного дела против Ольги Мухиной, отказавшейся от своих показаний против Давыдова и не явившейся в суд.

Адвокат говорил, что в СПБ помещаются больные, деяния которых признаются особо опасными для общества. Было бы политически неверным помещать в СПБ Давыдова, работы и взгляды которого не представляют особой опасности для общества и государства и являются лишь неумелым перефразированием буржуазных идеологов. "Да не убоятся государство бредней, говоря по-русски, сумасшедшего", — сказал адвокат.

Суд направил Давыдова на принудительное лечение в спецпсихбольницу.

* * *

После окончания суда Г. Константинов (Хр. 55) избил свою жену О. Мухину и жену Давыдова Л. Давыдову, которой сломал руку. В милиции он объяснил инцидент тем, что не разделяет их взглядов. Объяснение было сочтено вполне приемлемым — Константинова отпустили.

* * *

Давыдов находится в Казанской спецпсихбольнице.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абовин-Егидес П.	34, 38,45,46,52,54,65	Бейзеров Р.	64,66	Войнович В.	38
Абрайтис В.	71,73	Беккер	91	Волошанович А.	17,19
Абрамкин В.	14, 34-38,40,44-67	Белановский С.	5,40, 45,56	Воронель А.	26
Авдеева Г.	40	Белов М.	30	Вышинский	35
Авторханов А.	9,12	Белоконь Д.	86	Габдракипов	89
Аксельбант Д.	37, 45,53	Беляева	26	Гайдамачук Е.	15,37, 44,45,47,51-52,65
Аксенов В.И.	86	Берини-Вальдфогель	Э. 21	Гайниченко	11
Алексеев С.	11,12	Бернштам М.	84	Гайнов, о.Н.	26,28
Алексеева Е.	15	Бжезинский З.	90	Галич А.	64
Алексеева Л.	9,11,12	Бломберг Х.	19	Гальцев	26
Алексий, патриарх	24	Блум-Купер Л.	19	Гаруцкас, о.К.	69
Амальрик А.	9,12	Богданов В.	64	Гастев Ю.	15
Андриевская В.	75,76	Богораз Л.	14,15	Гаяускас Б.	58,68-70
Андропов Ю.	68	Богомолов	89	Гель	86
Анищенко С.	15	Богущис В.	68,69	Гельманова	89
Анненков Ю.	90	Бойцова Л.	15	Гершуни В.	15,34,37, 46,60
Анохина	79	Боннэр Е.	14,15	Гефтер М.	15,38,45,60
Аперайтис	67,70,73	Брежнев Л.	24,42,44	Гинзбург А.	38
Аржанов	75	Бремер К.	76,77	Гитлер А.	89
Бабицкая Н.	15	Буковский В.	5,12,21	Глазко	9,12
Бабицкий К.	11-12	Букшиев С.	81	Глазунов И.	38
Бабицкий Ф.	15	Булгаков М.	91	Глухов	78
Бабушкина	26	Буржуадемов К. см.	Сокирко В.	Голицын	85,87
Бадзьо Ю.	74	Бурцев Ю.	34-37,47, 52,53,57	Гончаров В.	78
Базин	86	Буханов А.	86	Горбаль Н.	74,75,77
Байкова Н.	15,38,41	Валь	31	Горбач А. и Г.	77
Байтальский М.	38	Василенко В.	80	Горбачев С.	83-87
Бакученис	67	Васильева	29	Горбачева З.	87
Барладяну В.	74	Введенский	64	Горган А.	15
Бастис В.	69,71,73	Великанова К.	12	Горетой Н.	5,79
Батова	5,6,12	Великанова Т.	5-15, 23,29,40,68	Горький М.	88
Бахмин Виктор	15,20	Величкин Ю.	15	Готовцев А.	15
Бахмин Владимир	15	Викторов В.	78	Гривнина И.	19
Бахмин Вячеслав	14, 15-20,26,36,38,64	Владимов Г.	38	Григоренко П.	11,19, 75,77
Бибко В.	89			Гримм С.	15

Гримм Ю.	34-36,38, 57,60,64-67	Истомина Н.	15	Коростелев В.	89
Гуревич	16	Кабинова А.	15	Костерина Е.	15
Густайтис	70	Казачкова Д.	15	Котов	79
Гущина Л.	83,86	Казин П.	35	Коцюбинская М.	75-76
		Калакаускас	73	Красин В.	5,8,11,12,44
Давыдов (Рыжов) В.		Каллистратова С.	14,	Краснов-Левитин А.	5
	89-92		15,35,37	Крейдлин Г.	36
Давыдова Л.	92	Калюжная Л.	78	Крейдлиня А.	36
Даниэль Ю.	12	Калягина	89	Кривой	22
Даутова Е.Х.	80	Капанелла Т.	64	Криницын А.	74
Дейкин	26,31	Капаев	25,27	Кронрод В.	15
Делоне В.	12	Капитанчук В.	21,22,	Крутилина Д.	82-83
Дзедзюс В.	15		24-26,28-32	Кувакин Вс.	15,38
Довгань Р.	77	Капитанчук Т.	28,29	Кудаба	67,72
Долгий В.	15	Капустин	39	Кудинов	90
Дубах М.	15	Карелин Ф.	22,28	Кудрявцев	22
Дудко, о.Д.	5,21,22,	Карлов А.	78	Кузнецов А.	38
	26,82	Каррильо С.	54	Кузькин А.	82-83
Дядькин И.	83-89	Касаткин Н.	46,53,	Курганский О.	35-36,
			56,65		52,53,65
Евстигнеева	44	Каталиков	5,74	Кучеров В.	45,56
Егидес П. см. Абовин-		Кент	31	Лавут А.	14,68,84
Егидес П.		Кириченко	79	Лавут Т.	15
Ефремов	44	Кириченко С.	74-77	Ланда М.	15
		Киселева А.	83	Лауринавичюс	68,71
Жабин	45	Киселева З.	20	Лебедева Т.	21
Жедунас	71	Клейзе	68	Левченко	28
Жолковская И.	56	Климашаускас	69	Ле-Галь	31
Жуковский И.	68,72	Климов Ю.	85	Ленин В.	12
Жуликов В.	45,56	Князева В.	83,86	Лермонтов Ю.	77
		Коваленко В.	21,27	Лерт Р.	15,34,35,37,
Загряжская Е.	22	Ковалев И.	15,37		38,45,60,63
Зайнутдинов К.	9,	Ковалев С.	5,8,10	Лисовская Н.	5,74
	11-12	Кожаринов В.	11,12	Литвинов П.	9,12
Зайцева	82	Колодко	10	Лиятов М. см. Яков-	
Закс Ю.	9,12	Колосов Л.	23	лев М.	
Замяткина Т.	45,56	Колчин Д.	82	Лозовский Л.	84,87
Захаров	45	Колыцова	16,17	Лошкарев	89
Злочий В.	81	Комаров	37	Лубенцова В.	21-23,29
Зотов М.	15	Комарова (Некипело-		Лукаускайте-Пошкене	
Зубахин Б.	91	ва) Н.	15	О.	68,72
		Кондратов М.	9	Лукьяненко Л.	75,77
Иванов В.	13	Константинов Г.	91,92	Лукьянов А.	85
Иванова Л.	25	Коньков В.	41	Лысенко	35
Игнотас	67	Копелев Л.	14,15		
Иокубинас К.	69,70	Королева Г.	10,12	Мажукна	71
Истомин В.	15	Короленко В.	88	Майденс	31

Майкова	40	Павловский Г.	15,34,	Рагайшене	68-71
Максимов В.	89		38,60	Рагайшис Р.	68-73
Малиновская И.	47,	Пайлодзе В.	5	Радишев А.	64
	49-50,56	Пастернак Б.	64	Раскольников Ф.	91
Малышев	5	Пашкаускене А.	68,	Растин П.	38,85,86
Мандельштам Н.	12		69,71	Регельсон Л.	21,22,24,
Мао Цзедун	88	Певзнер	35		25-28,30,31,32
Маркосян Р.	80-82	Перчаткина З.	15	Репников В.	38
Марченко	16	Петренко-Подъяполь-		Репперт	31
Масюлионис А.	68,69	ская М.	15	Ржешевский О.	35,49
Матусевич Н.	74	Петров-Агатов А.	22	Ризванов Д.	81
Матусевич О.	74	Петров В.	85	Рогов А.	22
Ма Хун	5	Петрова Т.	40,41	Романов	91
Медведчук В.	75	Печюлис	71	Романов В.	5,82
Мейман Н.	15	Пимен, патриарх	22,24	Романова Н.	90
Мень, о.А.	26	Пименов Р.	38	Рубашева	45,51,
Меркурьева	79	Плющ Л.	12		56,60
Милетич Н.	26,31	Погорелова	26	Руденко Н.	74
Минахметова	11	Подрабинек А.	14,19,	Руденко Раиса	74
Мионов	25		58	Руденко Э.	12
Митин В.	89	Подрабинек П.	38	Румшские Б. и М.	16
Модрижская Е.	35,49	Пот Пот	88	Руэйн	31
Морозов Г.В.	78	Полищук В.	15	Садвокасов	81
Москаленко	79	Полищук Г.	15	Самусева	89
Муранова	26	Полищук Е.	40	Саснаускас Ю.	67-73
Мухин М.	91	Полуэктова Л.	23,25,	Сахаров А.	8,9,15,29,
Мухина О.	92		26		44,75,77,81,82
Мясковский И.	15,56	Поляк А.	15,16	Свеберг	31
		Померанц Г.	38,40	Сверстюк Е.	74,75
Назаренко	30	Понырев	38	Себелев	17
Найденович А.	21	Попелюх В.	75,77	Селюк А.	74,75
Немиринская Н.	78	Попков В.	21,26,27,33	Сенин А.	82
Никодим (Ротов),		Попов К.	15	Серафим, митрополит	
митрополит	28	Попов Л.	21,25		24
Новиков М.	15	Пореш В.	27,33	Сергиенко А.	74
Норкунас Н.	72,73	Праздникова Т.	15,16,	Серебров Ф.	15,35,
			38,40,64		37,56
Огородников А.	22,	Прилуцкий В.	27	Сидельников В.	86
	27,33-34	Приходько	30	Сиднин В.	78
О'Коннор Р.	38	Прокопчик Н.	15	Скаредов	21
Орлов Ю.	5,6,21	Прокопчик П.	15	Смирнов (Костерин)	
Осипов А.И.	21	Прыжов П.	34,38,54	А.	15
Осипов В.	11	Пустоутов И.	21	Смирнов В.	37
Осипова Т.	5,14	Пяткус В.	68-70,72	Смушкевич В.	15
Острцова	44,52	Пятрушкявичене		Снегирев Г.	38
		С.	70,71,73		
Павлов Г.Г.	85				

Сокирко В.	34,44,49, 57,60,64,66,67	Томачинский В.	40, 41,47,48-49,55,65	Шагин С.	38
Соколов А.	16	Трескунов А.	78-79	Шадрина	30
Солдатов А.	10	Трукан Г.	35,49	Шакалис В.	68-70
Солдатов С.	10,11	Тучкус А.	68,69,72,73	Шариков	76
Солженицын А.	12,22, 24,26,28,44,89	Украинцев В.	35,49	Швейский В.	64
Солженицына Н.	26			Шеркшнис	68,70-71, 73
Соловов М.	5	Федотова	22	Шиплер Д.	31
Сорокин	79	Фельдман А.	9	Шиханович Ю.	15
Сорокин В.	15,40-41, 46-48,55,60,65	Фещенко П.	74	Шмидт А.	40,41
Сорокина С.	15,45, 47,50-51,56,60	Флишман Л.	12	Шрагин Б.	12,26
Спиридонов И.	85	Фонченков, о.В.	23,25	Шушпанов А.	22
Сталин И.	20,25,88	Фунтов	29	Шаранский А.	36
Статкявичюс А.	67	Хайбулин В.	22,24	Щеглов В.	15,25
Стус В.	74-78	Хармс Д.	48,64	Щипкова Т.	21
Суперфин Г.	5,12	Хаяури У.С.	80	Эванс	31
Сухоруков В.	83	Ходорович С.	15,56	Эшлиман, о.Н.	24
Сэттер Д.	31	Ходорович Т.	8,9,12,26	Юматов	86
		Хостал	31		
Тамарин В.	38,54	Хрущев Н.	67	Якир П.	5,8,11,12,44
Тароян С.	81	Худяков	22	Якобсон А.	12
Твердохлебов А.	5	Хуттер	31	Яковлев	27,28
Терентьев А.	20	Цидзикас	68,69	Яковлев (Лиятов) М.	15,40,41,47,50,55,65
Терляцкас А.	67-73	Цимох Н.	74	Якунин, о.Г.	15,21-25, 26,28-32
Терновская Л.	15	Чалидзе В.	9	Якунина И.	21
Терновский Л.	14,19	Черепанов	69,70,73	Ярым-Агаев Ю.	19
Тершуков В.	89	Черных В.	38	Ясиновская (Литви- нова) Ф.	15
Тимонина М.	33	Чеснавичюс	73		
Тимофеев Т.	35,49	Чистяков С.	5,25		
Толыц В.	15				

\$ 5.00